

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2016 – 5 (287)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2016**

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзаханов – д-р ист. наук, профессор, шеф-редактор.

А.Г. Бельский – автор проекта и основатель бюллетеня,
Е.Л. Дмитриева – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2016. – № 5 (287). – 174 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

- О. Карпович.* К вопросу об особенностях геополитического положения России в современном мире 5
- Е. Сатановский.* Между кризисом и катастрофой 13

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- В. Пешкова.* Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве)..... 24
- О. Павлова.* Религиозная и этническая идентичность мусульман Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа: Содержание и особенности соотношения 50
- А. Магомедов.* Ислам и потребление хмельных напитков в Дагестане: К истории вопроса 62

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- Ю. Андросова.* Геополитическая стратегия Турции в XXI в. 74
- О. Бибилова.* Проблемы магрибинских иммигрантов во Франции 84
- И. Добаев, Р. Гаджиев.* Радикальные религиозно-политические группировки исламистского толка в США: Этапы появления и развития..... 99

<i>А. Вавилов, Ю. Зинин, А. Казанцев, А. Крылов, А. Орлов, А. Федорченко, А. Чечевишников, А. Ярлыканов.</i> «Исламское государство»: Феномен, эволюция, перспективы. (Окончание).....	120
---	-----

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Т. Мустафина.</i> Религиозный экстремизм в условиях глобализации.....	157
<i>Х. Сагдиев.</i> История наименования теологической науки (`илм аль-`акида) «каламом»	160

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

О. Карпович,

доктор политических наук, профессор,
руководитель Центра сравнительно-правовых
исследований (Институт США и Канады РАН)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Современный мир представляет собой мир глобальной конкуренции, протекающей в разных формах. Необходимо выделить четыре основных пространства конкурентной борьбы: геополитическое, геоэкономическое, социально-демографическое и геокультурное. Каждая страна, претендующая на роль великой державы, должна быть конкурентоспособной в каждой из этих сфер. Ведущей тенденцией развития международных отношений является усиление в условиях глобализации экономической составляющей конкуренции, выражающееся, прежде всего, в соперничестве национальных экономик.

Доминирующим процессом, определяющим контуры мирового экономического пространства, является глобализация. Это сложный процесс, включающий в себя политическую, экономическую, культурную, информационную и технологическую компоненты.

Конкуренция между державами в геоэкономической сфере возрастает по мере развития глобализации и конвергенции, формирования единого мирового рынка. Эти процессы все больше ставят государство в зависимость от конкурентоспособности национальной экономики.

Неконкурентоспособные, с экономической точки зрения, страны рано или поздно теряют свой военно-политический потенциал, а нарастающее отставание в уровне жизни их населения

от мировых лидеров делает такие государства социально и политически нестабильными.

Проигрыш в геэкономической войне становится предпосылкой для утраты страной суверенитета, ее превращения в «недееспособное государство». «Недееспособные (несостоявшиеся) государства» (failed states) – государства, власти которых неспособны контролировать целостность территории, а также демографическую, социальную, экономическую и т.д. ситуацию в стране. В 2005 г. американский журнал «Foreign Policy» и общественная организация «Американский фонд мира» ввели Индекс несостоявшихся государств. Так, в 2009 г. самым неблагополучным государством признано Сомали, в 2015 г. этой страной, по всей видимости, станет Украина. В настоящее время существуют десятки «недееспособных государств», например, Афганистан, Сомали, Судан. Более того, целый континент, Африку, можно назвать «несостоявшимся» континентом¹. Уровень жизни в большинстве африканских стран в 50–100 раз ниже, чем в странах Запада.

Важнейшим фактором, обеспечивающим успех глобализационных процессов, является технический прогресс, распространение современных информационных и коммуникационных технологий, создание и развитие глобальной сети Интернет. Научно-техническая революция, произошедшая в 1960-е годы, последовавшее за этим распространение персональных компьютеров и создание «информационного общества»², явилось мощным катализатором для развития объединительных тенденций, сближения, экономической и культурной интеграции разных стран и народов. Это не удивительно: информационное общество – это современный этап развития социума, в котором, по словам У. Мартина, «качество жизни, так же как перспективы социальных изменений и экономического развития, в возрастающей степени зависят от информации и ее эксплуатации. В таком обществе стандарты жизни, формы труда и отдыха, система образования и рынок находятся под значительным влиянием достижений в сфере информации и знания»³. Ключевым моментом, определяющим развитие мирового экономического пространства в XXI в., является инновационный

¹ См.: http://world-economic.com/ru/articles_wej-326.html

² Манойло А.В. Психологические операции: Модели и технологии управления конфликтами // Политэксп (Политическая экспертиза). – 2008. – № 3. – С. 62–73.

³ Martin W.J. The Information Society. – L., 1988.

характер экономики. Вектор современного развития многих стран все больше смещается в направлении инновационной модели функционирования хозяйства, основанной на использовании стремительно растущих интеллектуальных ресурсов. Практически повсеместно отмечается быстрое увеличение численности и повышение общественной значимости так называемого «креативного класса». Если в 1950 г. на него приходилось менее 15% экономически активного населения западных стран, то в начале XXI в. – уже 25–30%, а в начале 2015 г. – все 45%.

Все чаще встречаются упоминания о «новой экономике» или «экономике знаний», базирующейся на творчестве и знаниях, что имеет под собой основания. По оценкам исследователей, 9/10 мирового научного знания создано за последние три десятилетия.

Усиление влияния мировой экономики на социально-экономическое развитие России будет происходить на фоне ужесточения глобальной конкуренции, повышения роли инновационных факторов развития в странах-лидерах и перестройки мирового экономического порядка.

В этой связи существенно возрастет роль внешнеэкономической политики как одного из важнейших факторов социально-экономического развития России, инновационного обновления и повышения конкурентоспособности ее экономики, а также реализации национальных приоритетов и решения ключевых социальных задач¹.

Основным геополитическим конфликтом современности выступает борьба между претендующими на мировую гегемонию Соединенными Штатами и независимыми от них геополитическими игроками, которые отстаивают свое право быть самостоятельными и играть свою собственную роль в мировой политике. Прежде всего, к ним относятся Россия, Китай, Индия и Иран. Все больше на независимую по отношению к США политику претендуют лидеры ЕС – Франция и Германия (хотя их участие в урегулировании украинского кризиса продемонстрировало, скорее, обратную тенденцию). Если в эпоху холодной войны Западная Европа справедливо рассматривалась в качестве протектората США, то теперь она все более активно стремится к независимости. Первым серьезным симптомом кризиса в американо-европейских

¹ См.: Федякин А.В. Реализация национальных интересов как стратегический приоритет современной российской политики // Вестник Российской нации. – 2014. – № 6. – С. 110–132.

отношениях стало негативное отношение Франции и Германии к военной акции США против Ирака. Определенную степень самостоятельности демонстрирует еще ряд государств (Бразилия, Индонезия, Малайзия, Венесуэла).

Основными ресурсами геополитической конкуренции являются вооруженные силы, ядерные потенциалы, военно-политические блоки, участие государства в международных структурах, влияние на геополитические процессы, уровень международного авторитета державы. Важную роль играет степень активности государства в решении основных проблем мировой политики, его вовлеченность в разрешение политических конфликтов, осуществление посреднических функций, участие в миротворческих операциях.

В этой связи необходимо отметить наличие у пяти держав значительных преимуществ, обеспечивающих преобладание в политической конкуренции. Этими державами являются США, Россия, Китай, Великобритания, Франция. Во-первых, они имеют статус постоянных членов Совета Безопасности ООН и тем самым оказывают решающее воздействие на мировую политику. Во-вторых, обладают наибольшим военным потенциалом. В-третьих, имеют ядерное оружие. Именно указанные державы выступают посредниками в крупнейших геополитических конфликтах и чаще прочих участвуют в миротворческих операциях.

Максимальными геополитическими ресурсами обладают США и Россия. Они имеют крупнейшие запасы ядерного оружия, значительно превосходящие ядерные потенциалы других стран, мощные военно-промышленные комплексы, возглавляют военно-политические блоки и организации, НАТО и ОДКБ соответственно. Основным конкурентом США и России является Китай, постоянно наращивающий свой военный потенциал и увеличивающий свое политическое влияние. По ряду параметров Китай уже имеет более предпочтительные позиции, чем Россия.

В последнее время возрастает социально-демографическая составляющая глобальной конкуренции. На сегодняшний день численность населения мира составляет более 7 млрд человек, и, согласно прогнозам, к 2045 г. она может достигнуть 9 млрд человек. В настоящее время в 86 государствах, прежде всего в развитых странах Севера, уровень рождаемости ниже необходимого для простого воспроизводства населения, в то время как в 42 развивающихся странах, многие из которых входят в число наименее

развитых стран, общий показатель фертильности (рождаемости) составляет свыше четырех детей на одну женщину.

В большинстве регионов мира продолжительность жизни увеличивается. По прогнозным оценкам, показатель ожидаемой продолжительности жизни во всем мире составляет 67,2 года: 76,5 лет – в развитых государствах и 65,4 лет – в развивающихся странах. В наименее развитых странах, две трети из которых испытывают на себе серьезное негативное воздействие эпидемии ВИЧ / СПИДа, средний показатель ожидаемой продолжительности жизни составляет лишь 54,6 года.

В будущем население планеты постареет, и в городах будет проживать еще большее количество людей, чем ныне. Во всем мире число людей в возрасте 60 лет и старше почти утроится и достигнет 2 млрд человек в 2050 г. В 2008 г., впервые в истории, общее число жителей городов во всем мире превысило число жителей сельских районов. Рост численности населения будет отмечаться главным образом в городах развивающихся стран. К 2050 г. 70% населения, по всей вероятности, будут проживать в городах.

Россия относится к числу стран, в которых наблюдается сокращение численности населения. Это обусловлено низкой рождаемостью и высокой смертностью. Демографический кризис, усиленный социальными проблемами («шоковая терапия» 1990-х годов, высокая степень расслоения, «социальные болезни», т.е. алкоголизм, наркомания), низкая плотность населения, особенно в азиатской части страны, ставит на повестку дня вопрос о сохранении территориальной целостности и нормальном функционировании российской экономики. Тем не менее Россия по-прежнему входит в десятку крупнейших по численности населения государств. Значительное число мигрантов, ежегодно въезжающих в нашу страну, свидетельствует о ее привлекательности, прежде всего, для населения стран постсоветского пространства. В последние годы в демографической ситуации наметился положительный тренд роста рождаемости и падения смертности.

Окончание холодной войны не привело к снижению международной напряженности. Новая эпоха породила новые конфликты. Более того, необходимо признать, что международные отношения в постбиполярном мире стали более непредсказуемыми, сложными и противоречивыми. Место одного глобального конфликта заняло множество разнообразных культурно-цивилизационных конфликтов.

Основным межцивилизационным конфликтом является противостояние Запада, стремящегося к мировой гегемонии, и прочих цивилизаций, отстаивающих свою независимость, что очень точно проявляется в процессах, связанных с украинским кризисом 2013–2015 гг. Усиление Запада в результате победы в холодной войне привело к росту его давления на незападные цивилизации, что породило, в свою очередь, ответную реакцию. Наиболее ярким примером такой реакции выступает исламский фундаментализм и терроризм: примером может служить возникновение так называемого «ИГИЛ».

Вместе с тем ведущее место в современной глобальной конкуренции занимает не прямое применение вооруженной силы, а косвенное, опосредованное воздействие на конкурентов, так называемые методы «мягкой силы» (soft power)¹.

«Мягкая сила» включает массовую культуру страны, понимаемую как набор значимых для общества ценностей, стандартов и стилей жизни, национальных достижений; политическую идеологию, включающую основополагающие идеи (к примеру, классический либерализм), модели (та же рыночная экономика), интерпретации мировой и национальной истории; «народную дипломатию» неправительственных организаций и рядовых граждан.

«Мягкая сила» жидется как на факторах влияния, так и на ее привлекательности. Ее ресурсами в мировой политике выступает все то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего воздействия, позволяя тому, кто его контролирует, добиться желаемого результата.

Распад СССР и падение экономики, вызванное неудачным ходом реформирования социально-экономической сферы страны в «лихие 90-е», привели к резкому падению экономического потенциала России, обнищанию ее населения. В течение последних 15 лет России во многом удалось вернуть утраченные позиции мирового экономического лидера, восстановить конкурентоспособность национальной экономики. Российская экономика демонстрирует темпы экономического роста, превышающие мировые, хотя в 2014–2015 гг. этот показатель значительно уменьшился. Ликвидирован бюджетный дефицит. Россия выплатила внешний

¹ См.: Карпович О.Г., Манойло А.В., Наумов А.О. Противодействие технологиям цветных революций в молодежной среде. – М.: «Известия» УД ПРФ, 2015.

долг, оставшийся с советских времен и 1990-х годов. Более того, накоплены значительные золотовалютные резервы. Их наличие позволило России не только проводить успешную антикризисную политику, но и оказывать помощь соседям. На 1 сентября 2015 г. резервы составляли 366 млрд долл.¹ Согласно прогнозам международных экспертов, в 2016–2017 гг. Россия сохранит нынешние объемы резервов и по-прежнему будет занимать третье место по этому показателю (после Китая и Японии).

Значительную роль в развитии российской экономики играют природные ресурсы, колоссальные запасы нефти и газа. В настоящее время Россия превратилась в энергетическую сверхдержаву, играющую наряду со странами ОПЕК ведущую роль на мировом рынке энергоносителей. Однако одних природных ресурсов недостаточно для победы в экономическом соревновании XXI в. Развитие сырьевой экономики неизбежно приведет к зависимости от импорта товаров и технологий, закреплению за Россией роли сырьевого придатка мировой экономики.

Ведущую роль в глобальной политической конкуренции имеет военный потенциал. По данным ведущего исследовательского центра в сфере безопасности – Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), за последнее десятилетие глобальные военные расходы выросли на 45% до 1,46 трлн долл. Это самым красноречивым образом свидетельствует о нестабильности миросистемы, повышении степени конфликтности международных отношений и угроз безопасности в глобальных масштабах.

При этом на долю США приходится более половины общего повышения военных расходов. В целом, военные расходы США составляют более половины военных расходов всего мирового сообщества, а совокупные военные расходы стран НАТО – 2/3 от мировых военных расходов. Таким образом, США и их союзники по-прежнему стремятся обеспечить себе доминирующее положение в военной сфере. Но особенно впечатляют темпы роста военных расходов Китая. Если европейские страны в условиях мирового экономического кризиса сокращают свои военные бюджеты, то Китай постоянно их увеличивает.

«В Китае было отмечено крупнейшее повышение как в абсолютных, так и в относительных цифрах», – говорится в докладе SIPRI «Вооружения, разоружение и международная безопас-

¹ См.: http://www.cbr.ru/hd_base/default.aspx?Prtid=mrrf_m.

ность». По мнению авторов доклада, это повышение «происходило почти параллельно с его экономическим ростом и связано также с его амбициями по обретению статуса великой державы»¹.

Серьезной проблемой современной России является глубокий демографический кризис, угрожающий как ее территориальной целостности, так и самому существованию ее государственности. В 1992 г. уровень смертности в России превысил уровень рождаемости. В 1990-е годы наши людские потери были сравнимы с потерями в ходе интенсивных боевых действий. Ежегодно мы теряли 0,5–0,9 млн человек. Параллельно произошло значительное ухудшение качества здоровья оставшегося населения: так, в 1995 г. средняя продолжительность жизни в России составляла 64,5 года, в то время как в Европе этот показатель равнялся 72,6 годам, в Северной Америке – 75,5. Существенным негативным фактором являлся процесс старения населения.

Одна из главных демографических проблем России – низкая рождаемость. Показатель фертильности в России значительно меньше общемирового. В то время как в мире в целом он составляет 2,6 ребенка, в Европе – 1,5, в Северной Америке – 2,0, а в Африке – 4,7, в России он только 1,4.

В 1990-е годы Россия утратила многие идеологические ориентиры, позволявшие российскому обществу успешно противостоять попыткам разрушения и ассимиляции со стороны других цивилизаций. До XIX в. роль такого идеологического стержня играло православие, в XX в. – коммунизм. Отсюда – кризис национально-государственной идентичности, который, в свою очередь, явился фактором, провоцирующим межэтнические столкновения, немыслимые, к примеру, в годы Великой Отечественной войны.

В 1990-е годы Россия в значительной степени утратила свои позиции на международной арене по многим направлениям. Если Россия в ближайшие годы не совершит модернизационный прорыв в ключевых областях, ее ожидает незавидная участь, которая постигла в начале XX в. некогда могущественную Османскую империю. Наша страна не только перестанет играть сколько-нибудь существенную роль в международных отношениях, но может быть разделена на сферы влияния среди более удачливых геополитических конкурентов. Так, З. Бжезинский открыто предлагает раздел России между США и Китаем как основу американо-китайского соглашения. В прошлом, в XIX–XX вв., уже были подобного рода

¹ См.: <http://inosmi.ru/untitled/20090609/249736.html>

прецеденты – раздел Османской империи между Англией и Францией, раздел Ирана между Россией и Великобританией, раздел Китая между Великобританией, Францией, Россией, Японией и Германией. Все это выявляет и рельефно обрисовывает геополитические угрозы национальной безопасности России, связанные с продолжением экспансии Запада, гибридными войнами и «цветными революциями».

Литература

1. Карпович О.Г., Манойло А.В., Наумов А.О. Противодействие технологиям цветных революций в молодежной среде. – М.: «Известия»УД ПРФ, 2015.
2. Манойло А.В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами // Политэкс (Политическая экспертиза). – 2008. – № 3. – С. 62–73.
3. Федякин А.В. Реализация национальных интересов как стратегический приоритет современной российской политики // Вестник Российской нации. – 2014. – № 6. – С. 110–132.
4. Martin W.J. The Information Society. – L., 1988.
*«Вестник Российской нации»,
М., 2015 г., № 6, с. 206–214.*

Е. Сатановский, президент Института Ближнего Востока МЕЖДУ КРИЗИСОМ И КАТАСТРОФЕЙ

Ближний Восток и будущее мира

Чем хороша текущая эпоха – исторических тайн все меньше. Что позволяет напомнить читателю о российско-британском Санкт-Петербуржском соглашении 1907 г., по которому Тибет оставался за Китаем, протекторат над Афганистаном получали англичане, а Иран они с русскими делили, так что Каспийское море становилось российским водоемом. И если б не октябрь 1917-го, так бы и закончилась «Большая игра». Благо от Оттоманской Порты после Первой мировой войны мало что осталось, соглашение Сайкса–Пико прирезало России дополнительные пространства в Восточной Анатолии (не говоря о Черноморских проливах, контроль над которыми Российской империи был оговорен особо), а присутствие США на Ближнем и Среднем Востоке было в ту

пору несущественным: главную роль там играли Британия и Франция.

Османская империя не пережила потрясений столетней давности, и рухнула, как и Российская, воскресая как Советский Союз, который к концу XX столетия распался на составные части, не слишком отличаясь в этом от всякой большой империи. Впрочем, еще до того рассыпались и соперничавшие с ним колониальные империи: Британская и Французская. К середине второго десятилетия XXI в. стало ясно, что мир движется к соотношению сил, более характерному для XVII–XVIII столетий с понятными геополитическими поправками. С точки зрения возможностей и влияния, в том числе в военной сфере, Запада становится меньше, Востока и Юга – больше. Россия балансирует между ними, Китай, Индия, Турция и Иран возвращают свое место на международной арене, Япония и Южная Корея вернулись в клуб экономической элиты много раньше.

Новые игроки – латиноамериканские государства (среди которых выделяется Бразилия), ЮАР, Канада и Австралия – занимают свои ниши в системе мироустройства. Соединенные Штаты пытаются сохранить если не положение единственной сверхдержавы при соперничестве с Китаем, то монополию на статус глобального гегемона, чьи интересы распространяются на всю планету. Они ввязываются в одну локальную войну за другой только для того, чтобы, потерпев очередное поражение, уйти, оставив за собой хаос. Украина стала новым полем соперничества Запада с Россией. Центральная Азия превращается в такое же пространство с опорой США на Туркменистан и попытками расширить зону влияния на другие государства региона, в первую очередь, Узбекистан. Страны арабского мира дестабилизированы, направленная против светских режимов «арабская весна», наступившая при активной поддержке Саудовской Аравии и Катара, переросла в борьбу за власть между исламистами и военными.

Хантингтон оказался прав, Фукуяма – нет. Война цивилизаций идет полным ходом, а «конца истории» и окончательной победы либеральной западной демократии нет и не предвидится. Глобализация не сулит Европе ничего хорошего: миллионы переселенцев из Африки и стран Ближнего и Среднего Востока, которые живут в государствах ЕС, и десятки миллионов, готовые переселиться ближе к европейским пособиям при первой возможности, намерены не ассимилироваться, а подогнать Старый Свет под свои стандарты. Европа при этом не испытывает недостатка ни

в правых радикалах всех типов, ни в исламистах, постепенно становясь не заповедником социал-демократического либерализма, а полем столкновений радикалов. Причем балансирование континента, условно говоря, «между Брейвиком и бен Ладеном» в конечном счете ни для кого не окончится хорошо. К тому же при сохранении текущих темпов миграции к 2050 г. соотношение коренных и «пришлых» жителей Евросоюза изменится фундаментально.

Отдельная тема – по какому пути идет Россия и чем это для нее закончится. Ее исторический опыт свидетельствует о том, что в 30-е, максимум 40-е годы текущего столетия, после смены по естественным причинам правящей в настоящий момент элиты, страну ожидают немалые потрясения. Проблемы ее экономики, образования и прочих ключевых для успешного функционирования государства и страны сфер деятельности – секрет только для правительства, усилиями которого эти процессы развиваются именно так, как развиваются. Однако настоящая статья посвящена не России (хотя не упоминать ее нельзя), а текущей ситуации и потенциальным перспективам развития Ближнего и Среднего Востока (БСВ) и его периферии: африканской и европейской, Центральной Азии и Закавказья. Ибо все в мире связано, и связи эти проявляются быстрее, чем в прошлом.

Это продемонстрировал спровоцированный Турцией кризис беженцев. В дополнение к непрерывному потоку беженцев из Африки и стран БСВ, прибывающих в Италию через Ливию, Грецию и Балканы в Западную Европу, в первую очередь в Германию, был направлен поток в несколько сотен тысяч человек. К концу года он может достичь миллиона. Судя по заявлениям ответственных чиновников ООН, согласно которым в мире насчитывается около 60 млн беженцев и перемещенных лиц, а более 200 млн готовы стать мигрантами в силу экономических причин и невыносимых условий жизни, – это только начало. В способность европейских политиков найти адекватные механизмы реагирования на этот вызов автор поверить не готов.

Турция в европейском кризисе беженцев преследовала несколько целей. Президенту Реджепу Тайипу Эрдогану нужно было продемонстрировать к парламентским выборам 1 ноября способность справиться с критической ситуацией, к которой привела поддержка Анкарой гражданской войны в Сирии. А именно: разгрузить Турцию от части более чем трех миллионов беженцев, живущих на ее территории. Кроме того, оказывая давление на ЕС,

он стремился получить от Брюсселя деньги (они на беженцев выделены), перекладывая на Европу (с прицелом на Германию) эту проблему. Наконец, пытался толкнуть европейских членов НАТО к удару по войскам Башара Асада (безрезультатно, с учетом появления в этой стране российских ВКС). Сама ситуация показывает, насколько западный мир уязвим перед процессами, происходящими на Ближнем и Среднем Востоке. Рассмотрим их чуть подробнее – ибо, как известно, «дьявол кроется в деталях».

Неформальные альянсы и конфликты

«Арабская весна» – падение авторитарных правителей, которых заменили не либерально-демократические круги, молодежь, женщины, технократы и правозащитники, а исламисты – как и предполагалось, пошла на спад. В Тунисе «Братья-мусульмане» в лице партии «Ан-Нахда» утратили монополию на власть по итогам парламентских выборов. В Египте «Братьев» свергли военные. В Ливии исламисты разного толка воюют между собой, опираясь на поддержку Саудовской Аравии или Катара, а Каир поддерживает генерала Халифа Хафтара и его сторонников из бывшей армии Каддафи. Йемен стал одним из наиболее опасных для суннитских монархий Аравийского полуострова региональных плацдармов Ирана, хотя противостоят в этой стране Эр-Рияду и его «группе поддержки» не иранцы, а йеменские хоуситы и экс-президент Али Абдала Салех.

Проект свержения Асада завяз и имеет все шансы провалиться, хотя Дамаск, если бы не поддержка Ирана и действия российских ВКС, находился бы в одном шаге от падения под напором террористических группировок, поддерживаемых Турцией, Саудовской Аравией и Катаром. В регионе оформились два военно-политических и экономических альянса: Турция–Катар и Египет–Саудовская Аравия. Вооруженные силы, промышленность и значительное население, составляющие основной стратегический резерв Анкары и Каира, дополняют финансовые авуары Дохи и Эр-Рияда, гарантируя им безопасность в случае возникновения серьезных проблем. Авантюрная же политика катарцев и саудитов на протяжении первой половины 2010-х годов, почувствовавших при попустительстве США и европейцев вкус к реформатированию БСВ по собственной прихоти, эти проблемы гарантирует.

Турецко-катарский союз основан на единстве подходов к «группам внешней поддержки». Обе страны патронируют

«Братьев-мусульман» всех типов, включая ХАМАС и «Исламское государство» (ИГ), хотя у каждой есть и собственные креатуры, вроде «Ахрар аш-Шам» у Катара и туркоманов у Турции на сирийской территории. Правда, Анкара полагает для себя главной опасностью курдов, государственность или территориальная автономия которых в Ираке и Сирии чревата резким усилением сепаратизма в восточных провинциях Турции. В противоположность этому альянсу, АРЕ и Саудовскую Аравию сближает общий враг, в роли которого выступают «Братья-мусульмане» и ИГ. Их союз выглядит менее прочным. Для египетских военных салафитские радикальные группы – такой же естественный противник, как и все прочие исламисты. Для саудовской династии – скорее союзник (кроме «продавшегося» Катару ИГ), что в близкой перспективе чревато конфликтом интересов.

Возможно, главную проверку на прочность египетско-саудовская ось пройдет после ввода в эксплуатацию в 2017 г. четырехкаскадной плотины «Возрождение» в Эфиопии, на Голубом Ниле. На время заполнения водохранилища, которое должно занять 6 лет, объем стока Нила, получаемого Египтом, снизится на 30% (после чего сток Нила будет меньше «лишь» на 20% – если не будут построены другие гидроузлы). Выработка электроэнергии на Асуане, по предварительным расчетам, должна упасть на 40%. В АРЕ с ее демографией это может вызвать экономическую и социальную катастрофу. Сможет ли Каир без масштабной внешней поддержки выдержать этот удар, сомнительно, как и то, хватит ли для этой поддержки ресурсов Эр-Рияда, которые он истощает в ходе интервенции «Аравийской коалиции» в Йемене, борьбы с Катаром в Ливии, глобального противостояния с Ираном и поддержки группировок, борющихся против Асада, не говоря о ценовой войне на нефтяном рынке с США, разорительной для саудовского бюджета не меньше, чем для американских производителей сланцевой нефти.

Главные загадки на БСВ в текущий момент: курс, который после победы на внеочередных парламентских выборах Партии справедливости и развития выберет президент Эрдоган; перспективы развития ситуации в Афганистане и «центральноазиатской весны» за его пределами, а также будущее исламистских группировок после начала действий в Сирии Российских ВКС. Последнее может самым непредсказуемым образом сказаться на салафитских монархиях: Саудовской Аравии, на протяжении четверти века

опирающейся на них в проведении внешней политики и конкурирующей с ней в этом два десятка лет Катаре.

Турецкие загадки

Эрдоган с его взрывным конфликтным характером и амбициями по превращению Турции в новую Оттоманскую Порту, получив возможность сохранить контроль над однопартийным правительством, может сосредоточиться на изменении конституции, пытаясь реализовать проект превращения парламентской республики в президентскую – и, не исключено, добьется успеха. С другой стороны, он с такой же вероятностью способен начать очередную внешнеполитическую авантюру в Сирии, будь то попытка выкроить там «буферную зону» под предлогом защиты интересов туркоманского населения, удар по позициям курдов либо масштабная поддержка исламистов в районе Алеппо, традиционно считающемся зоной турецких интересов. Причем первый и третий сценарии сталкивают Турцию с Ираном в условиях, когда ее действия не поддержит Вашингтон, о чем Эрдоган знает, а второй – прямо противоречит планам Соединенных Штатов ударить по «столице ИГ» Ракке, который они готовят, имея в запасе в качестве главной атакующей силы именно курдов.

Коалиция, возглавляемая США, не может позволить себе продолжать вялотекущую борьбу против ИГ с неясными результатами и временной перспективой: на фоне успехов российских ВКС в Сирии это выглядит как потеря инициативы на БСВ в целом. Как следствие, несмотря на лоббирование со стороны аравийских монархий тех или иных исламистских группировок в качестве «умеренной оппозиции», идея использовать исламистов для свержения Асада или в качестве противовеса Ирану и шиитскому режиму в Багдаде может принести ее сторонникам в западных столицах больше минусов, чем плюсов. Заинтересованность Турции и ее президента в сохранении ИГ как партнера (контрабанда нефти, зерна и муки, археологических артефактов, продажа оружия и выкуп заложников – многомиллиардный бизнес для некоторых турецких фирм) и противника сирийских и иракских курдов до определенного времени сдерживала контртеррористическую коалицию, членом которой Анкара является, но личная неприязнь Эрдогана и Обамы зашла слишком далеко, чтобы Вашингтон перестал с этим считаться.

Опасения насчет возможного столкновения России и Турции в Сирии рассматривать всерьез не стоит: шантаж и угрозы – обычный стиль Эрдогана, который привел к его фактической изоляции в руководстве стран НАТО. Политика «ноль проблем с соседями», выдвинутая в начальный период его правления бывшим главой МИДа и нынешним премьер-министром Ахметом Давутоглу, за последнее десятилетие привела к тому, что нет ни одного соседнего с Турцией государства, у которого не было бы с ней конфликта той или иной степени. Анкаре не имеет смысла всерьез накатывать на Москву в условиях острого противостояния с Ираном из-за разногласий по Сирии. Доставка нефти и природного газа из Ирана в Турцию в настоящее время под угрозой из-за взрывов трубопроводов на востоке страны, ответственность за которые несет Рабочая партия Курдистана (РПК) – притом что разрывать перемирие с ней ради внутривнутриполитических спекуляций Эрдогана никто не заставлял.

Отметим также, что строить в Турции АЭС «Аккую» на условиях, которые согласовал «Росатом», не будет больше никто. Превращение Турции в энергетический хаб мирового значения и главный транзитный узел по поставке газа в Южную и Восточную Европу зависит именно от России с ее проектом «Южный поток», трансформированным в «Турецкий поток». Для того чтобы эта задача была реализована, мало действующей трубопроводной системы, которая связывает Турцию с Азербайджаном, и надежд на Транскаспийский газопровод, призванный вывести на рынок ЕС природный газ Туркменистана (ТКГ). Последний проект на текущий момент в условиях жесткого оппонирования его реализации со стороны России и Ирана и заинтересованности Китая в ресурсной базе ТКГ не более реален, чем трубопровод в Турцию с Аравийского полуострова. В свое время Асад отказался дать Дохе, Эр-Рияду и Анкаре согласие на его прокладку, что во многом стало первопричиной кампании по его свержению.

Лихорадка в Центральной Азии

«Трубопроводные войны» в Центральной Азии, судя по всему, еще впереди. Конкуренция за туркменский газ идет не только между Европой, поддерживаемой Соединенными Штатами, и Китаем: проекты ТКГ и ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия) конкурируют между собой. Заявления Туркменистана о том, что природного газа в недрах республики хватит на

всех возможных потребителей, имеют мало общего с реальностью. Осенью 2015 г. вместо китайских компаний на газовое месторождение-гигант Галкыныш пришли японские, что стало, помимо прочего, следствием отказа Пекина предоставить туркменскому руководству очередные льготные кредиты для покрытия острого дефицита финансов, вызванного затратами на Азиатские игры. У Туркменистана нет другого выхода, кроме роли разменной монеты в новой «Большой игре».

Попытка играть на всех направлениях одну и ту же игру провалилась: провозглашенный еще президентом Сапармурадом Ниязовым нейтралитет не предполагает предоставления США базы ВВС в Мары, переговоры о чем практически завершены. Реализация этого плана ставит Ашхабад в сложное положение в отношениях с Москвой, Пекином и Тегераном, не решая проблем безопасности перед угрозами со стороны Афганистана. Кабул не контролирует не только пуштунские районы юга, но и север страны, населенный туркменами, узбеками и таджиками. Иран «держит» районы, населенные шиитами-хазарейцами, и с большим или меньшим успехом прикрывает границу в провинции Систан и Белуджистан от проникновения наркоторговцев и боевиков про-саудовской белуджской террористической организации «Джондалла».

Правительство Афганистана не может защитить бывшую афгано-советскую границу от проникновения талибов, расколовшихся после смерти их лидера муллы Омара, но не ставших менее опасными, пока их поддерживают Саудовская Аравия и Пакистан, и боевиков движений, финансируемых Катаром и Турцией, частично объявивших о присоединении к ИГ, как Исламское движение Узбекистана и исламистские движения и партии таджиков и уйгуров. Очевидно, что приближающиеся попытки дестабилизации Центральной Азии и свержения контролирующих постсоветские республики светских режимов – вне зависимости от уровня их авторитаризма и контактов с Западом – будут автоматически поддержаны «сирийской тройкой» (Дохой, Анкарой и Эр-Риядом), имеющей в регионе прочные позиции. Не приходится сомневаться, что эту деятельность поддержат США и ЕС просто в силу проблем, которые это создаст для России и Китая.

Система коллективной безопасности региона, будь то ШОС или ОДКБ, не полна: Ашхабад и Ташкент ее игнорируют, пытаясь играть собственную игру. Проблема легитимной передачи верховной власти в государствах Центральной Азии между тем доста-

точно остра. Традиция, если не считать наследования умершему национальному лидеру (как в Туркменистане) или свержения действующего (как в Киргизии), отсутствует. Парламентская оппозиция является фикцией или просто не существует. Уровень коррупции высок. Происламские настроения населения сильны, а движения, которые на них опираются, ориентированы на джихадизм и тесно связаны с крайними радикалами исламского мира и их спонсорами. Влияние на текущую ситуацию в странах Центральной Азии региональных элит, криминальных кланов и наркомафии стоит учитывать: оно значительно превышает возможности Соединенных Штатов.

Особый вопрос – проблема афганских наркотиков, являющихся главной статьей дохода населения и элиты этой страны. Афганистан, превратившийся за время международной оккупации в монополиста-производителя опиатов и героина, сохранит это место при любом правительстве. Тем более что претензии на контроль над ситуацией в этой стране Пакистана, поддерживаемого Саудовской Аравией, способствуют этому. Причем саудовско-пакистанский альянс, сложившийся на протяжении более трети века в рамках сотрудничества в Афганистане со времен борьбы с советскими войсками, имеет тенденцию к упрочению за счет расширения партнерства этих государств в ядерной сфере.

Ядерное измерение

Говоря проще, Саудовская Аравия финансирует расширение ядерных арсеналов Пакистана средней дальности, которые он пополняет в рамках противостояния с Индией и поддержания с ней ядерного баланса, как делал и ранее. Разница в том, что Иран, заключивший «ядерную сделку» с США и другими членами «шестерки» переговорщиков, на протяжении длительного периода пытавшихся выстроить баланс интересов с Тегераном, после снятия санкций представляет значительно большую угрозу для Эр-Рияда. Эксперты полагают, что Саудовская Аравия может в короткий срок получить от Пакистана небольшие, но готовые к бою ядерные запасы, не столько намереваясь их применить в случае внешней угрозы, сколько для того, чтобы гарантировать себе защиту на крайний случай. Ведь США, их официальный гарант безопасности, продемонстрировали в ходе переговоров с Ираном свое истинное отношение к старым ближневосточным союзникам.

Превращение Ближнего Востока в «безъядерную зону» в любом случае изначально имело основной, если не единственной, целью разоружение Израиля. Разработка ядерной программы Тегерана превратила безъядерную идею в фикцию, которой она, впрочем, была с самого начала, учитывая, что тесно связанный с консервативными арабскими монархиями Персидского залива ядерный Пакистан только географически является частью Южной Азии, составляя на протяжении всей своей истории неотъемлемую часть БСВ. Гонка ядерных вооружений в этом регионе – естественный итог провала санкционной политики в отношении Ирана и договора этой страны с мировым сообществом, фактически легитимировавшего его будущий ядерный статус. С этой точки зрения наилучшим выходом для обеспечения безопасности региона могло бы стать соглашение о ненападении между Израилем и Ираном. Однако Иран, в отличие от Израиля, пойти на него в обозримом будущем явно не готов.

При этом Израиль не имеет претензий к соседям и не претендует ни на что, помимо обеспечения собственной безопасности, но готов жестко реагировать на любые попытки ослабить его обороноспособность, с чьей бы стороны они ни исходили. В этой связи появление ВКС России в Сирии, мешающее Ирану взять ее под полный контроль, расценивается израильским руководством с позиции позитивного нейтралитета. Не случайно Израиль стал первой страной западного сообщества, наладившей с Москвой координацию по ситуации в Сирии. Отметим, что это прервало опасные попытки Саудовской Аравии втянуть израильский ЦАХАЛ в войну с Ираном, предпринимавшиеся на протяжении длительного времени не без определенных успехов.

Палестина и беженцы

Наконец, в рамках данной статьи нельзя не сказать о провале палестино-израильского «мирного урегулирования». Позиции сторон оказались абсолютно и окончательно несовместимыми – и были таковыми изначально. Односторонние уступки для поддержания иллюзии переговорного процесса не одобряются израильским обществом, в том числе вследствие поддержки анти-израильского терроризма руководством ХАМАС в Газе и Палестинской национальной администрации в Рамалле. Неготовность палестинской стороны к обсуждению вопросов, которые должны были быть разрешены еще в мае 1999 г., зашкаливающая в ПНА

коррупция и явное нежелание строить собственное государство, притом что Израиль не демонтирует механизмы палестинского самоуправления, чтобы не брать на себя ответственность за палестинских арабов, контрастируют с надеждами 1990-х годов.

При этом катастрофическая ситуация с беженцами, в том числе арабскими, в ближайшее время может привести к унификации программ их поддержки международным сообществом, лишив палестинцев статуса «беженцев первого сорта». Тем более что положение Иордании, граничащей с Ираком и Сирией, а также Ливана, более чем шатко. Алжир с его правящей геронтократией и борьбой за власть в элите нестабилен. Судан расколот, он так и не вышел из гражданской войны, несмотря на отделение Джубы. Сомали разделен на враждующие анклавы. Эритрея все больше ориентируется на Саудовскую Аравию и ОАЭ. Опорой Джибути служат иностранные военные базы. Все эти страны и территории представляют собой еще одну зону нестабильности. То же можно сказать об африканской периферии БСВ – Сахаре и Сахеле, сепаратистские и радикально-исламистские движения которых дестабилизируют зону от Марокко до Мавритании и значительную часть Черной Африки.

Пожалуй, единственная «хорошая» новость, касающаяся БСВ, состоит в том, что Балканы и Закавказье по сравнению с Сахелем и Аф-Паком являют буквально оазис спокойствия. Что само по себе демонстрирует, насколько запущена ситуация в регионе, несмотря (а скорее благодаря) попыткам его «демократизации». Демонтаж Шенгенской зоны из-за направляющихся в Германию через Балканы беженцев может стать началом конца Евросоюза. На Закавказье влияют Турция и Иран, а также противостояние между Вашингтоном и Брюсселем, с одной стороны, и Москвой – с другой. Но по сравнению с тем, что там могло бы происходить, их положение сравнительно стабильно. В Афинах, Белграде или Будапеште с этим вряд ли кто-нибудь согласится, однако, вспоминая хотя бы о проблеме рабства в Ираке, Судане и Мавритании и геноциде христиан в Сирии и Ираке и курдов-йезидов в Ираке, понятно, в чем состоит разница между кризисом и катастрофой.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2015 г., т. 13, № 6, ноябрь / декабрь, с. 38–49.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В. Пешкова,

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центра региональной социологии и конфликтологии
(Институт социологии РАН)

**ИНФРАСТРУКТУРА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ
В ГОРОДАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(На примере мигрантов из Узбекистана
и Киргизии в Москве)**

**Краткая характеристика
миграционной ситуации в России**

Хотя приток внешних мигрантов в Россию продолжался на протяжении всего постсоветского периода, Российская Федерация как иммиграционное принимающее государство сложилась только в 2000-е. В последние годы, по данным Федеральной миграционной службы, на территории нашей страны одновременно находятся 10–11 млн иностранных граждан: по показателям на август 2014 г., почти 9 млн из их числа родом из государств, входивших в Советский Союз, в первую очередь, из Средней Азии (более 40% или примерно 4,9 млн человек), 2 млн – из Украины, прибывших из Молдовы и Азербайджана – по 600 тыс. человек соответственно (Официальные статистические данные 2014). Следует отметить, что начиная со второй половины 2000-х годов значительно изменилась и доля присутствия иностранных работников трех посылающих среднеазиатских государств: так, если в 2005 г. на Узбекистан, Таджикистан и Киргизию приходилось 16,8% общего миграционного потока в Россию, то с 2008 г. их составляющая равняется уже 55% от всех официально работающих в России иностранцев и почти три четверти (73%) от работников из стран СНГ [Флоринская 2013].

Центрами притяжения мигрантов являются города и в первую очередь мегаполисы, и это вполне объяснимо: среди россиян преобладает городское население, и работу по социально-экономическим причинам проще найти в городах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, а также в Московской и Ленинградской областях. Хотя статистика, дающая точное число иностранных мигрантов в Москве, отсутствует, различные экспертные оценки, отсылающие к данным ФМС, фиксируют цифру в 1 млн мигрантов.

Внешняя трудовая миграция в российские города приводит к заметным социальным, политическим и этнокультурным трансформациям, которые в свою очередь являются серьезным вызовом как для российских властей, так и для общества в целом. Причем реакция государства и принимающего общества чаще всего либо запаздывает, либо исполнение миграционной политики оказывается весьма далеким от положений, прописанных в Концепции государственной миграционной политики РФ [Концепция государственной миграционной политики 2012]. Сталкиваясь с многочисленными повседневными потребностями и не находя возможности удовлетворить их с помощью имеющихся в российских городах институций, мигранты начинают искать собственные пути посредством различных стратегий самоорганизации. Другими словами, инкорпорация иностранных мигрантов – это двусторонний процесс, успех которого зависит не только от политики принимающего государства, но и от поведения самих мигрантов. Причем мигранты в этом случае выступают и как объект миграционной политики и действий принимающего общества, и как субъект и равноправный актор процесса инкорпорации.

При этом следует иметь в виду, что прибывающие в Россию в составе разных миграционных волн в течение всего постсоветского периода не однородны по своим социально-демографическим характеристикам. Одну из значительных ролей в организации формальных и неформальных мигрантских связей и сообществ играет взаимодействие старожильской части приехавших еще в советское время и недавно прибывших мигрантов. В результате формируются сообщества, которые являются гетерогенными по своим потребностям, истории переселения, стратегиям и уровню самоорганизации, со своими экономическими потребностями. Помимо этого возникают новые экономические ниши и своеобразная мигрантоориентированная инфраструктура, в первую очередь в сфере потребительских и посреднических услуг. Способствуют

ли социальные институции, создаваемые и ориентированные на мигрантов, их инкорпорации или провоцируют формирование параллельного социального пространства и приводят к исключению или даже к сегрегации? Какую роль в этом занимают этнические и неэтнические стратегии? В данной статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы на примере узбекских и киргизских мигрантов в Москве.

Статья основана на данных нескольких исследовательских проектов. Первое из них, выполненное в 2009–2011 гг., было посвящено диаспорным СМИ и базировалось на 25 глубинных полуструктурированных экспертных интервью с редакторами и издателями диаспорных газет и журналов, с активистами этнических общественных организаций, а также на качественном анализе тематического содержания печатных диаспорных СМИ (всего не менее 40 наименований). Второе исследование проводилось в 2012 г. (пилотаж) и в 2013 г.¹: оно фокусировалось на изучении «этнических» кафе и их роли в инкорпорации мигрантов и трансформации столичного городского пространства. Эмпирическая часть состояла из серии включенных наблюдений (около 40 кафе: 21 киргизском и 15 узбекских), из анализа публикаций в СМИ, экспертных интервью с работниками кафе (20 интервью), опроса посетителей (собрано 210 анкет) и глубинных интервью с посетителями кафе (20 интервью). Наконец, в третьем исследовании 2013–2014 гг.² внимание было сосредоточено на том, как мигранты из Узбекистана и Киргизии осваивают социальное и городское пространство российской столицы, каким образом происходит расселение и формирование городских пространств с мигрантоориентированной инфраструктурой. Эмпирическую базу данного проекта составили 60 глубинных интервью с киргизами и узбеками (этническая принадлежность определялась по родному языку), собрано 397 анкет³.

¹ Проект «Инфраструктура миграционных сообществ как потенциал интеграции мигрантов и трансформации городских пространств (на примере этнических кафе в Москве)», поддержанный грантом РГНФ № 13-33-01032. Год выполнения 2013. Руководитель – В.М. Пешкова, исполнитель – А. Чекалина.

² Проект «Трансформация городских пространств: анализ инфраструктуры миграционных сообществ (на примере г. Москвы)» при поддержке РФФИ 13-06-00855, руководитель – Е.Б. Деминцева, участники проекта в 2013 г. – Д.С. Елманова, В.М. Пешкова, А.Л. Рочева; в 2014 г. – В.М. Пешкова, Д. Кашницкий.

³ Среди опрошенных 17,6% имели российское гражданство, однако срок его давности составил 2–3 года и за некоторым, пусть и важным, исключением

Западные подходы к влиянию расселения иммигрантов на формирование этномигрантских сообществ в городах

Изучение особенностей расселения иммигрантов является составной частью большинства западных теоретических работ, направленных на объяснение формирования этнических сообществ и интеграции / сегрегации. Англоязычная, она же американская, научная традиция начинает свой отчет с начала XX в., когда была основана чикагская школа социологии, долгое время являвшаяся единственной доминирующей парадигмой для понимания пространственной мобильности мигрантов и того, каким образом происходит инкорпорация иммигрантов в американское общество. В ее рамках были выделены и изучались такие формы расселения мигрантов в городах, как гетто или этнические анклав, которые, согласно чикагской школе, являются результатом комбинации как внешних выталкивающих факторов (например, дискриминации и предубеждения), так и внутренних оснований (этнической солидарности и взаимных интересов).

Моделью расселения для американских иммигрантских сообществ являлись нью-йоркские гетто, расположенные, как правило, в центре города [Вирт 2005]. Причем большей части жителей таких поселений приходилось жить в них из-за ограниченного социального и человеческого капитала, к тому же часто основанного на этнических связях, что приводило к сегрегации мигрантов [Flippen, Parrado 2012; Logan, Wenquan, Alba 2002; Massey 1985]. Но по мере улучшения материального положения, а также роста уровня образования и знания английского языка многие иммигранты стремились переехать из этнических анклавов в районы, не заселенные иммигрантами, и постепенно ассимилировались. Этот процесс описывается хорошо известной чикагской моделью пространственной ассимиляции иммигрантов [Берджес 2000; Парк 2002].

Изменения в составе международной миграции, а также новые тенденции в развитии городов (появление множественных ядер расселения, многофункциональное зонирование, джентрификация) нашли свое отражение в Лос-Анджелесской школе город-

существенно не менял статус мигранта, поскольку большинство их даже при наличии российского гражданства не планировало жить в России. Подробнее о методологии исследования см.: [Деминцева, Пешкова 2014].

ских исследований [Dear, Dishman 2002; Marcuse, Kempen 2000; Bolt, Burgers, Kempen 1998; Brettell 2005; Kavita, Holloway 2005; Ray, Halseth, Johnson 1997]. Ее представители обратили внимание, что начиная с 1960–1970-х годов в США выросло число иммигрантов из Латинской Америки, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, многие из которых сразу поселились в пригородах¹. Рост числа иммигрантов из одной страны в пригородах привел к формированию районов, получивших название «этнопригород» или «мультиэтнический пригород», который являлся поселенческим и деловым анклавом с заметным кластером выходцев из одной страны [Li 1998]. Этнопригород функционировал как тип поселения, который имел одновременно некоторые характеристики и пригорода, и анклава, но при этом отличался от последних, в частности тем, что в этнопригородах часто селились высокоресурсные мигранты [Li 2006].

Несмотря на изменения в составе внешней миграции, чикагская школа расселения иммигрантов в городах и ее модель пространственной ассимиляции во многих случаях не потеряли своей значимости и до настоящего времени [Katz, Verube, Lang 2005; Kruse 2012]. Так, до сегодняшнего дня остается актуальным тот факт, что на дисперсное или концентрированное расселение иммигрантов (особенно на начальном этапе) влияет их социальный и человеческий капитал. Другими словами, как в центральных районах города, так и в пригородах иммигранты оказываются не только из-за их экономического положения, но и благодаря родственным и дружеским сетям, посредническим институтам. Таким образом, ограниченный финансовый и социальный капитал вынуждает селиться в перенаселенных низкорасходных районах, в которых обеспечивается этническая и социальная поддержка. Оба типа расселения (как в центральных районах города, так и в пригородах) объединяет то, что внутри этих районов сосредотачиваются создаваемые мигрантами и ориентированные на них этнический бизнес, различные службы и институты (например, церкви, медиа- и коммуникативные сети, туристические агентства, магазины, рестораны, служба такси, отели, химчистки и др.) [Brettell 2005; Jenkins, Sauber, Friedlander 1985; Fong, Elic 2010; King 1996].

¹ Этот феномен принял огромные масштабы, получив название «бум пригородов» (boomburb) [Katz, Verube, Lang 2005].

Европейские исследователи также предпринимали попытки изучить применимость этих двух основных разработанных в Америке моделей расселения иммигрантов к ситуации в Европе: например, сравнивая Маленькую Италию в Сан-Диего с Чайнатауном в Триесте, Л. Форд и его соавторы отмечают, что первоначально американское общество отрицательно отнеслось к подчеркиванию этнического характера того или иного района («Чайнатауны», «Маленькие Италии»), но после Второй мировой войны ситуация изменилась, и во многих американских городах стали создаваться специальные этнические тематические парки, что привело к росту благосостояния района и повышению цен на жилье. В Европе же, поскольку концентрированное расселение мигрантов нередко является результатом этнических конфликтов, власти многих стран (за некоторым исключением) выступают против «этнического брэндинга» и подчеркивания этничности того или иного городского района [Ford, Klevisser, Carli 2008].

Выбор района проживания и особенности расселения трудовых мигрантов в Москве

Изменения в российском обществе, вызванные внешней миграцией, инкорпорация мигрантов и миграционная политика нашли свое отражение в трудах многих отечественных социологов, географов и демографов [Зайнчковская 2009; Малахов 2014; Мукомель 2012; Рязанцев, Хорие 2010]. Также следует отметить работы сотрудников Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге [Бредникова, Паченков 2002; Бараулина, Карпенко 2004; Бредникова, Ткач 2012; Абашин, Чикадзе 2008]. Однако специального изучения мигрантской инфраструктуры и ее роли в инкорпорации мигрантов пока не было, и, как показывают многочисленные зарубежные исследования, прежде чем приступить к рассмотрению институций, создаваемых мигрантами и ориентированных на мигрантов, необходимо проанализировать их расселение в городе.

Очевидно, что московское городское пространство неоднородно: согласно урбанистам, в российской столице одновременно существуют индустриальные, гипериндустриальные, постиндустриальные, сервисные и спальные районы, что обусловлено множеством факторов, среди которых и эволюция городского развития, включая особенности советского градостроительства, этапы заселения, различные экономические уклады и т.п. [Muratov, Vendina

2013; Вендина 2014]. Исходя из этого, а также из традиции изучения взаимного влияния города и миграции, можно было бы предположить, что в расселении мигрантов в Москве тоже должна существовать дифференциация, определяемая как городским социально-экономическим структурированием, так и ресурсами мигрантских сообществ. Чтобы проверить эту гипотезу, был использован подход культурной географии, согласно которому в городском пространстве существуют как традиционные (реальные), так и ментальные (вернакулярные) анклавы [Калуцков 2013]. Центральным в определении вернакулярного района является локализация в восприятии жителями отдельной городской территории, что, с одной стороны, влияет на пространственное поведение и самоидентификацию, а с другой – определяется ими [Павлюк 2007]. На основе анализа таких показателей, как экономико-социальное развитие (благополучие-неблагополучие, престижность-непрестижность), характеристики застройки, а также предполагаемого расселения мигрантов были выбраны следующие реальные административные территории столицы: Восточный округ в качестве проблемного района, центр Северного и Юго-Западного округов как благополучные территории с возможно небольшой концентрацией мигрантов, и, наконец, Западный округ в качестве части города с тенденцией к появлению мигрантов [Деминцева, Пешкова 2014], далее в каждом из округов было отобрано по одному вернакулярному району. Этот двухэтапный отбор и сравнение конкретных московских районов с целью анализа дифференциации городского пространства под влиянием внешней миграции позволили сделать интересные выводы о взаимовлиянии города и расселения киргизских и узбекских мигрантов.

Освоение мигрантом Москвы начинается с выбора места проживания, и в большинстве случаев первым районом, куда приезжает мигрант, является часть города, где живут либо близкие и / или дальние родственники, или, если нет родственников, – где селятся друзья, земляки, односельчане. «...[Жил] у родственников, они в Москве давно, устроились здесь хорошо. Из-за этого они приглашали. Я у них жил долго. Год жил у них. Потом я себе снял квартиру с другими ребятами. Дальше уже сам» (мужчина из Киргизии, 28 лет, повар)¹.

Поскольку основная цель приезда в Москву для большинства мигрантов из Узбекистана и Киргизии – устройство на работу,

¹ Здесь и далее сохранены стилистика и лексика оригинальных интервью.

то в ряде случаев выбор района определяется интересами и возможностями работодателя, который и устраивает проживание мигранта. Один из наших собеседников рассказывал, что его первым жильем «была квартира, муниципальная что ли. Новая квартира. Мы сделали в подъезде кафель, все отделочные работы... Подъезда ремонт делали» (мужчина из Узбекистана, 35 лет, грузчик).

По мере приобретения опыта жизни в столице, увеличения круга общения происходит и расширение географии проживания и работы. Мигрант становится мобильнее, что, с одной стороны, выражается в частой смене места и иногда района проживания, а с другой – эта мобильность облегчает поиски нового жилья и работы. Одной из распространенных причин таких метаморфоз является изменение семейных обстоятельств или несложившиеся отношения с соседями по квартире, но ключевым принципом (особенно при смене района) становится близость работы и места проживания. В связи с этим иногда даже муж и жена вынуждены жить в разных районах столицы или Подмосковья, потому что в этом случае каждому удобнее добираться на работу. Вот пример из одного интервью: «Он [муж] на стройке работает. Я здесь. Здесь не нашли ему работу ... [Он] на стройке живет. Там жилье дали» (женщина из Узбекистана, 37 лет, уборщица).

Следуя принципу близости дома и работы, две трети мигрантов, участвовавших в обследовании, тратят на дорогу максимум 30 минут, причем, как правило, работа находится в пешей доступности. «Близко к работе мужа, поэтому живем здесь. Мы долго искали квартиру, потом у знакомых взяли телефон, позвонили, приехали, посмотрели, нам понравилось, мы и остались» (женщина из Узбекистана, 26 лет, уборщица).

Исходя из того, что длительность проживания в одном районе и стаж работы на одном месте у большинства обследуемых не превышают двух лет, можно утверждать, что в настоящее время ни на одной исследуемой территории нет и пока не может существовать тенденции к закреплению мигрантов. Одной из причин является то, что значительная часть трудовых мигрантов не успевают укорениться из-за относительной краткосрочности пребывания. Этому также способствует и то, что подавляющее большинство мигрантов работают в сфере обслуживания – общепите, торговле, ЖКХ, – а такой вид трудовой деятельности можно найти в любом районе Москвы. Таким образом, если рассматривать среднестатистического трудового мигранта из Узбекистана и Киргизии, то

они, как правило, живут практически в одинаковых условиях во всех четырех выделенных нами вернакулярных административных округах Москвы.

Мигрантская инфраструктура

В анализе городской инфраструктуры, которой пользуются трудовые мигранты, можно применить несколько подходов, первый из которых предполагает оценку того, какой инфраструктурой мигранты пользуются в «своем» районе и / или в других районах Москвы и в городе в целом. В рамках второго подхода удобно выявлять инфраструктуру буднего, выходного и праздничного дней. Третий подход позволяет увидеть городскую инфраструктуру, использование которой определяется потребностями мигранта, что в определенной степени перекликается с предыдущим подходом, поэтому можно выделить инфраструктуру повседневности, инфраструктуру досуга и инфраструктуру, которая предоставляет образовательные, медицинские, посреднические и другие услуги. В будние дни это, в первую очередь, транспорт, покупка продуктов и других предметов первой необходимости; в свободное время после работы и особенно в выходные дни это покупка одежды, авиабилетов, обращение к банковским услугам, встреча с друзьями, родственниками, семейные праздники и т.п. Последний, третий, подход фокусируется на использовании мигрантами либо общегородской инфраструктуры (магазины, рынки, общественные места отдыха и т.п.) и / либо инфраструктуры, создаваемой мигрантами в первую очередь «для себя», чаще всего в сфере услуг.

Тем не менее предлагается применить четвертый подход и рассмотреть инфраструктуру, создаваемую преимущественно мигрантами из Узбекистана и Киргизии в Москве. Она включает в себя этнические объединения, этномигрантские ассоциации, различные посреднические фирмы (агентства по продаже авиабилетов, агентства недвижимости, оформление документов и т.п.), «этнические» СМИ, медицинские центры, кафе и клубы, мигрантские сети, которые в значительной степени составляют основу мигрантских институций. Развитие и расположение мигрантской или мигранто-ориентированной инфраструктуры в Москве связано как с особенностями структуры и инфраструктуры постсоветского города, сохранением его «советской» планировки, так и с особенностями расселения мигрантов в столице [Деминцева, Пешкова 2014]. В определяющей степени в связи с тем, что мигранты живут

во всех районах Москвы, используемые ими мигранто-ориентированные институции находятся в самых разных местах столицы.

Этномигрантские объединения

В России существует два типа общественных организаций, ориентированных на представление интересов и удовлетворение этнокультурных потребностей различных групп, в том числе мигрантских сообществ: некоммерческие организации и общественные объединения, которые, в свою очередь, делятся на национально-культурные автономии (НКА) и общественные организации (в различных формах: ассоциация, фонд, культурный центр). Согласно ФЗ от 17.06.1996 № 74 «О национально-культурной автономии», изначально НКА являлись внетерриториальной формой самоорганизации этнических общностей, функции которых ограничивались культурной областью и некоторыми представительскими функциями [Осипов 2004], к которым в последние годы также добавилась посредническая социальная, правовая и бытовая помощь мигрантам. Учредителями и членами НКА могут быть только граждане РФ¹.

В отношении других, ориентированных на определенные этнические группы организаций, чья деятельность регулируется ФЗ от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», важно отметить тот факт, что создавать такого рода объединения могут и физические лица, а их членами, в отличие от НКА, могут быть и неграждане РФ; такие этнические организации охватывают бóльшую аудиторию, чем НКА. Кроме этого, ряд активно работающих этнических общественных объединений не входят в состав НКА, а в некоторых меньшинствах местные и региональные автономии вообще не создаются².

Большинство узбекских и киргизских организаций были зарегистрированы именно в последние годы. По данным

¹ Национально-культурная местная и региональная автономия [Информация 2014]. В настоящее время, по данным Министерства юстиции, в РФ зарегистрировано 1034 национально-культурные автономии различного уровня, из них в Москве находятся 84, в Московской области – 51.

² Согласно данным Министерства юстиции РФ, на 23 июля 2014 г. в России насчитывается 225 983 некоммерческие организации, из них – 62 360 общественных объединений, в Москве – 33 937 некоммерческих организаций [Информация 2014].

Министерства юстиции РФ, на июль 2014 г. в Российской Федерации зарегистрировано 100 узбекских общественных объединений, из которых 30 – со статусом некоммерческих организаций, и 87 – со статусом общественных организаций, в том числе 18 региональных и местных национально-культурных автономий. В Москве административно зафиксированы 10 организаций, в том числе одна местная узбекская НКА, два некоммерческих фонда, два некоммерческих партнерства и пять региональных общественных организаций; также в Московской области зарегистрирована одна региональная общественная организация [Информация 2014]¹.

Что касается организаций киргизов в России, то в настоящее время зарегистрированы 60 объединений: 11 некоммерческих (пять фондов и три партнерства), одна религиозная и 47 общественных (включая 11 региональных и местных НКА), в самой Москве действуют 12 организаций (шесть общественных и шесть некоммерческих). Среди них, например, некоммерческий «Фонд содействия трудовым мигрантам Киргизской Республики», благотворительный фонд помощи мигрантам и эмигрантам из Киргизской Республики «Иммигрант». Наиболее активна в настоящее время ассоциация Международный конгресс киргизов и соотечественников «Замандаш» и общероссийская общественная организация «Киргизский конгресс», между которыми существует конкуренция за аудиторию, лидерство, распределение ресурсов.

Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве, с. 129–151).

Особенность подобных этномигрантских организаций состоит в том, что в большинстве случаев они создаются представителями поколения, приехавшими в Москву из Узбекистана или Киргизии еще в советское время, и, следовательно, являются хорошо интегрированными гражданами России, которые используются как социальный и финансовый ресурс. Некоторые узбекские и киргизские организации специализируются на одном виде активности, но большинство, как правило, декларируют несколько направлений: реализация просветительских и культурно-образовательных программ и мероприятий; взаимодействие с органами

¹ Одной из самых крупных общероссийских узбекских организаций является «Всероссийский конгресс узбеков, узбекистанцев», созданный в 2011 г., который взаимодействует с узбекскими культурными центрами в более чем 50 российских регионах.

государственной власти, органами местного самоуправления и с заинтересованными некоммерческими организациями; работа с организациями в стране исхода; издательская и информационная деятельность; защита прав мигрантов и содействие их легализации. Однако в реальности значительная часть этой активности приходится на культурную, посредническую деятельность, и, несмотря на статус некоммерческих организаций, эти практики носят коммерческий характер. Хотя в мигрантских коммуникациях подобные организации не играют главенствующей роли, тем не менее их не стоит недооценивать в том числе и потому, что связи между организациями, другими мигрантскими институциями и трудовыми мигрантами значительно сложнее. Например, при определенной поддержке киргизской общественной организации «Киргизский конгресс» на площадке Торгового центра «Кыргызстан» функционирует киргизский медицинский и информационный центры, проводятся мероприятия для мигрантов из Киргизии, создавая институциональные возможности для поддержания чувства общности и «празднования идентичности» [Brettell 2005, p. 279].

Мигрантоориентированные СМИ

Одним из направлений работы наиболее активных этнических организаций является издательская деятельность. На основе анализа совокупности данных – учредителя и издателя, основных тематических рубрик, финансирования и распространения, периодичности, тиража и объема, читательской аудитории и ее численности – можно условно выделить три категории печатных изданий [Пешкова 2013], одно из которых – мигрантские издания, появившиеся в середине 2000-х годов и представляющие собой, как правило, информационно-общественные, периодические (чаще всего ежемесячные), практически-ориентированные, среднетиражные (до 15 000 экз.), двуязычные (иногда моноязычные) газеты¹.

¹ Издания, ориентированные на мигрантов из Киргизии и Узбекистана, являются наиболее очевидным примером мигрантских изданий. В настоящее время, по экспертным оценкам, в России выходит минимум 10 киргизских газет, из которых пять – в Москве («Глобус», «Москва КГ», «Кыргызстан», «Российские кыргызы», «Нур реклама»), и несколько узбекских газет, среди них наиболее известные «Узбегим» в Москве, а также «Туран» и «Петербург Уз» в Санкт-Петербурге.

Вопрос языка жизненно важен, поскольку большую часть аудитории этих бесплатных печатных СМИ¹ составляют недавние мигранты, среди которых растет число лиц, не владеющих русским языком и, следовательно, попадающих в информационный вакуум.

Ведущая функция мигрантских изданий, конечно, информационная, дающая представление о деятельности российских властей в области миграционной политики; о правилах въезда и трудоустройства; о правовом оформлении и положении въезжающих в Россию; о вопросах, связанных с проживанием, здравоохранением и образованием детей мигрантов. Они являются важным каналом коммуникаций между мигрантскими сообществами, публичным пространством для (само)репрезентации и конструирования идентичности, а также источником альтернативным массмедиа в репрезентации этнокультурного разнообразия, трансмигрантской идентичности и миграции в России. По мере развития значительная часть печатных СМИ начинают выпускать также и электронную версию.

Спектр российских Интернет-ресурсов, ориентированных на интересы и потребности мигрантских сообществ, намного шире: от информационно-аналитических порталов и сайтов организаций до форумов знакомств, развлекательных сайтов². Тематические сайты сочетают информацию самых разных видов: историческую, культурную, познавательную, бытовую. Заметную часть занимает реклама «этнических» агентств недвижимости, кафе, различных посреднических фирм, медицинских центров. Но, как представляется, наиболее важная функция Интернета состоит в том, что он является пространством для создания сообществ по интересам:

¹ Газеты, как правило, распространяются на оптовых и строительных рынках, в этнических кафе и магазинах; на различных мероприятиях при посольствах и консульствах, в культурных центрах; иногда в офисах крупных компаний (связанных экономическими отношениями со странами исхода); на регулярных рейсах авиакомпаний.

² В настоящее время наиболее известные киргизские информационные порталы, это «Москва КГ», «Бирге», «KGINfo.ru», «Salam-moskva.ru», «Boorsok.ru», «Bizde.info», «M312.ru», «Nurmoskva.ru» (на нем работает киргизское радио), и узбекские информационные порталы, например, такие как портал «Всероссийского конгресса узбеков», «12uz» и другие: радиостанция в FM-диапазоне на 94.0 (на казахском, узбекском или таджикском языках), радиостанция «Восток ФМ», таджикское радио Muhojir.

мигранты используют их для поддержания связей, продвигающих миграцию и способствующих адаптации в месте проживания.

«Этнические» медицинские центры

Наиболее хорошо развита в Москве сеть киргизских медицинских центров. Их история начиналась с небольшого врачебного кабинета при посольстве Киргизии, затем на его базе была открыта клиника на территории Всероссийского выставочного центра, и за последние 5 лет число таких медицинских центров выросло с 3 до 20, где 70% пациентов составляют мигранты из Узбекистана и Таджикистана, реже – из Молдовы, Беларуси и Украины, приходят также и местные жители. По оценкам сотрудников этих медучреждений, до 15% посетителей центров – люди с российским гражданством, а половозрастной состав соответствует структуре мигрантов, другими словами, преобладают мужчины и женщины в возрасте от 18 до 45 лет.

Причины предпочтения, отдаваемого «этническим» клиникам, также объясняют рост численности подобных центров в последние несколько лет. Во-первых, стоимость услуг здесь несколько ниже, чем по Москве в целом, а в экстренных случаях мигранты могут получить и бесплатную помощь. Во-вторых, в таких медучреждениях, чтобы попасть на прием к врачу, достаточно минимальный комплект документов. «У нас особенно не требуется никаких документов. Мне надо лично: фамилия, имя, отчество, год рождения и телефон, на всякий случай» (врач киргизского медицинского центра). Третьей очень важной причиной является отсутствие языкового барьера между пациентом и врачом, причем нередки случаи, когда врач может объясниться с пациентом не только на русском и киргизском, но и на узбекском, и таджикском языках. Помимо утилитарности, когда пациент может без затруднения рассказать, что его беспокоит, общение на родном языке имеет и очень важное психологическое значение: по замечанию директора одного из клиник, «они [пациенты] какую-то поддержку ждут, могут на своем языке выложить все, так им намного легче». Наконец, то, что центры работают и в выходные дни, что для некоторых пациентов является единственной возможностью попасть на прием к врачу.

По формальному статусу все «этнические» медицинские центры – это частные российские клиники, но персонал составляют,

как правило, врачи-киргизы, граждане России. Они также трудятся в других клиниках, больницах, причем работа в «этническом» медучреждении чаще всего не приносит большого дохода.

Такую патриотическую позицию ярко выразил один из врачей: «...много наших врачей, кто в Москве работает, они не пошли к нам. Если бы я в московской [клинике] работал, намного больше бы заработал, может, патриотизм». Причем перечень специалистов центров (терапевты, гинекологи, венерологи, урологи, стоматологи, травматологи) определяется составом и потребностями пациентов-мигрантов в трудоспособном возрасте.

Основная функция «этнических» медицинских центров состоит в том, что их специалисты проводят первичный прием, ставят диагноз, затем либо вызывают скорую медицинскую помощь, либо направляют к специалисту в другие частные московские клиники и тем самым выступают в качестве посредников между мигрантами и городскими медицинскими структурами. «Этнические» центры оказываются незаменимыми также в случаях, когда пациент, например, попавший в городскую больницу по скорой помощи, не имеет возможности оставаться в больнице, но еще нуждается в лечении. Как минимум, в одной киргизской клинике есть небольшое стационарное отделение и свое кафе. Иногда такие центры играют роль источников информации, компенсируя юридическую неподготовленность некоторых мигрантов. Информация о медицинских центрах распространяется довольно быстро: через рекламу в «этнических» печатных и электронных изданиях, с помощью визиток, а также по мигрантским сетям.

Посреднические фирмы: Агентства недвижимости, оформление документов, микrokредитные организации

В соответствии с федеральными законами о правилах нахождения трудовых мигрантов в России каждый трудовой мигрант из Киргизии и Узбекистана должен оформить документы о регистрации и разрешении на работу [Трудовые мигранты 2014]. Спрос на такие услуги нашел свое предложение со стороны множества официальных и неофициальных посреднических фирм, чья основная задача состоит в предоставлении коммерческой услуги по постановке на миграционный учет, оформлению регистрации, патента или разрешения на работу, в некоторых случаях – трудо-

устройства. Довольно часто такие услуги предлагаются фирмами, созданными соотечественниками, и информация о них передается по мигрантским сетям. До января 2014 г.¹ в качестве сопутствующей и одной из самых востребованных услуг также была организация автомобильных и автобусных поездок каждые три месяца за пределы РФ (чаще всего в Украину) для продления нахождения на территории России.

В последние три-четыре года рынок посреднических услуг также дополнился мигрантоориентированными агентствами недвижимости. Некоторые киргизские агентства недвижимости выросли из деятельности одного мигранта, который находил жилье себе, потом своим знакомым соотечественникам, – так формировалась клиентская база и создавались агентства недвижимости. Как и в случае с «этническими» медицинскими центрами, большинством клиентов этих агентств являются мигранты из Киргизии, но к их услугам также прибегают и другие трудовые мигранты, в основном из стран Средней Азии².

Еще одна категория посреднической мигрантоориентированной институции формируется в сфере финансовых услуг. Поскольку российские банки, как правило, не предоставляют кредиты без регистрации и/или без российского гражданства, создается этнический рынок микрокредитования, на котором наиболее крупной и активной является компания «Мол Булак». В настоящее время у компании 11 офисов в Москве, пять филиалов в Московской области и офисы в 56 городах России. Юридически – это российская микрофинансовая организация, основными клиентами которой являются мигранты из Средней Азии. По сравнению с российскими банками преимущество этой компании состоит

¹ Согласно поправкам к законам «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», срок нахождения иностранных граждан, прибывших в Россию в порядке, не требующем получения визы, не может суммарно превышать 90 дней в течение 180 дней, если не имеется иных разрешительных документов.

² В настоящее время наиболее активны такие агентства недвижимости, как «Даймонд Сити» (сотрудничает с соотечественниками и представителями «Великого Шёлкового пути»), «Паритет», «ИЖАРА КООМ», «Жетиген-недвижимость» (сотрудничает с соотечественниками из Средней Азии и РФ по вопросам аренды жилых и коммерческих помещений). Подобные фирмы предлагают услуги по аренде жилья как на длительный срок, так и на посуточный и почасовой основе, что для клиента оказывается дешевле аренды гостиницы.

в минимальном пакете документов, необходимых для обращения за кредитом: для его получения обязательно наличие нескольких поручителей или «солидарная группа от трех до пяти человек, где каждый должен выступить поручителем за других» (российское гражданство не требуется). Такими поручителями, как правило, выступают родственники и земляки, другие соотечественники. Сумма займа при первом обращении составляет от 20 до 40 тыс. руб., при повторном обращении и при положительной кредитной истории сумма займа может быть увеличена, срок займа – от 3 до 12 месяцев.

К микрокредитованию, как правило, прибегают в следующих ситуациях: при медицинском обследовании, получении разрешительных документов на работу и проживание, оплате за обучение детей, улучшении жилищных условий и даже для открытия бизнеса либо в России, либо на родине мигранта. Однако, как показывают данные нашего исследования, большинство трудовых мигрантов в случае необходимости одолжить денег в первую очередь обращаются к родственникам или односельчанам, которые создают для таких целей «черную кассу» или специальный фонд (киргизские мигранты называют его «фонд-банкет»).

«Этнические» кафе

Наиболее ярким примером мигрантской институции являются «этнические» кафе, ориентированные на мигрантов из Средней Азии. Сперва они открывались на крупных столичных рынках, но в последние три-четыре года подобные общепиты вышли за обозначенные выше территории: например, в настоящее время в Москве существует сеть ресторанов «Чайхана № 1», которая также начиналась с небольшого ресторана на окраине Москвы во второй половине 1990-х годов¹. Кроме того, идет постоянное увеличение количества собственно мигрантоориентированных кафе: по экспертным данным, если в 2012 г. насчитывалось 30–40 киргизских кафе, то в 2013 г. их количество выросло до 60.

Можно выделить две основные категории среднеазиатских кафе. Первая – это кафе-клубы, ориентированные преимущественно на мигрантов из Киргизии. Несмотря на их отсутствие в списках столичных ресторанных гидов, большая часть кафе-клубов

¹ Однако сейчас эта сеть ресторанов утратила мигрантоориентированную специфику и является популярным «восточным» местом.

располагается в пешей доступности от метро, но в то же время их нельзя обнаружить, если не знать точное месторасположение. В кафе-клубах среди посетителей преобладают киргизы, это люди разных страт, профессий, возрастов и с различным опытом миграции. Такие кафе через сетевые отношения завязаны, как правило, на другие элементы мигрантской инфраструктуры. Хорошим примером такого синтеза является кафе, открытое при киргизском медицинском центре: в дневное время его клиентами становятся прежде всего посетители и сотрудники центра, но вечером в нем также можно проводить банкеты «для своих». Некоторые киргизские кафе имеют деловые связи с киргизским культурным и торговым центром, с «этническими» медучреждениями, с небольшими этническими фирмами (службами такси, печатными изданиями и сайтами, с агентами по аренде жилья и т.п.). Другими словами, деловые сети и знакомства земляков взаимно дополняют друг друга, интенсифицируя общение.

Вторая категория среднеазиатских «этнических» кафе – узбекские чайханы, ориентированные на более широкую целевую группу, в первую очередь, на приверженцев мусульманской традиции, которой придерживаются представители многих этнических групп. «Сюда приезжают узбеки, киргизы, таджики. И куда они идут от вокзала? К нам, потому что у нас такая еда, к которой они привыкли. И даже, видите, резьба такая же, как дома. Мы знаем, что нужно, – и мы даем это. Кому-то зимой просто погреться нужно. У нас чай и лепешка стоят 30 рублей. Мы для людей работаем, мы всегда готовы помочь» (администратор чайханы).

Несмотря на различия в режиме работы, в основном составе работников и клиентов, в моделях посещения, эти категории кафе выполняют схожие функции. Во-первых, они являются не только местом проведения досуга, но и местом, где мигранты могут получить самую разнообразную помощь у своих соотечественников: от бесплатной еды или обеда в долг до решения жилищных вопросов и проблем с устройством на работу. Во-вторых, киргизские кафе-клубы и узбекские чайханы – это публичное городское пространство, где представители мигрантских сообществ имеют возможность пообщаться со своими родственниками и земляками, расширить эти сообщества, а также создать новые сообщества в виде сетей по работе, по организации досуга. По словам администратора одного из киргизских кафе, «мы со своими много общаемся. Приходят человек 50, с каждым поговоришь, кто, где работает. Как работает. Нет работы – стараемся помочь. Те, кто сюда

приходит, друг друга знают». В-третьих, такие кафе являются примером этнического предпринимательства, поскольку предоставляют рабочие места для соотечественников, позволяют мигрантам начать свой бизнес.

Определенно то, что они представляют собой не просто точку общепита и место проведения досуга, но и служат основой формирования экономических единиц, играют исключительную роль центров общения и формирования различных иммигрантских сообществ.

Мигрантские сети

Мигрантские сети являются обязательным элементом любых миграционных процессов: они могут быть определены как множество межперсональных связей, которые объединяют мигрантов, бывших мигрантов и немигрантов по происхождению через сети родства, дружбы и общего происхождения. Сети могут быть также определены в терминах организаций, которые включают признанные группы по интересам, например, этнический бизнес или группы интересов, привязанные к институциональным структурам, создаваемые посылающими и принимающими странами. Согласно исследованиям западных авторов, мигрантские сети служат усилению кластеризированных поселенческих моделей, поскольку привлекают вновь прибывших соотечественников своей доступностью, что в свою очередь упрощает формирование социальных сетей [Spencer, Petrice 2012; Kavita, Holloway 2005]. При этом важно отметить, что формирование мигрантских сетей, с одной стороны, зависит от уровня социального и человеческого капитала конкретного мигранта, с другой стороны, – участие в них само по себе уже является капиталом. Данное наблюдение верно и в отношении поведения мигрантов в России: в нахождении работы и места для проживания, получении регистрации, финансовой поддержке, основная роль остается за родственными связями, часто понимаемыми как расширенные семейные связи, связи с друзьями и земляками.

Очевидно, что в основе большинства рассмотренных выше институций мигрантской инфраструктуры, складывающейся в Москве в последние годы, лежат различные мигрантские, точнее, семейные и различные земляческие (одноклассники, односельчане) связи. Можно предположить, что на формирование и состав некоторых социальных сетей мигрантов из Узбекистана и Киргизии

в России, в частности в Москве, определенное влияние оказывает традиционная система отношений, характерная для стран Центральной Азии, а именно трайбалистские и клановые отношения, усиление которых в постсоветский период во всех центрально-азиатских республиках произошло вследствие актуализации феодально-патриархальных, родоплеменных, номадных отношений, особенно в сельских местностях [Князев 2012, с. 84]. По мнению ряда исследователей современного развития Среднеазиатского региона, активизация клановых, махаллинских и других земляческих связей стала возможностью выжить, когда советская система отношений была упразднена, а новая еще не сформировалась [Джунушалиев, Плоских 2000] и «самоорганизация общества на принципах трайбализма распространилась почти на все сферы жизни рода и способствовала его жизненному благополучию, самобытности, самостоятельности и целостности, составляя основу организационной, управленческой, хозяйственной, воспитательной, оборонной, судебной-правовой деятельности» [Князев 2012, с. 85]. В случае мигрантов из Узбекистана, возможно, более актуальны отношения, выстроенные по принципу отношений традиционных для махалли¹, а для мигрантов из Киргизии, особенно из некоторых южных районов, – по родоплеменному принципу и принципу патронажа.

Согласно выводам специального исследования, посвященного влиянию родоплеменных (клановых) отношений на формирование / деформацию механизмов государственного управления в Киргизии, традиционная взаимопомощь между родственниками, под которыми часто понимаются все соотечественники из одного села, является заметной практикой солидарности и своеобразным неформальным институтом, которые играют позитивную роль в самоорганизации современных киргизов [Отчет Национального института 2013]. Они воспроизводятся в миграции и оказываются незаменимыми при мобилизации в экстренных, как правило, по печальному поводу, случаях. Показательна история одного трудового мигранта из Киргизии: «Вчера звонили, родственника убили, нашего племени. Утром вышел в 9 часов в киоск, за сигаретами,

¹ Махалля – это форма местного самоуправления, с помощью которой выстраиваются социально-экономические взаимоотношения жителей махалли и осуществляется взаимодействие с вышестоящими органами городского управления; это также традиционный институт общения людей, отношений между старшими и младшими, традиционный способ взаимопомощи.

толкнул одного парня – он сразу ножом ударил, на месте умер. Все собрали, у кого, сколько есть. По 500, по 1000, некоторые 2000–3000 рублей. У кого нет – 100, 50 рублей. Вчера больше 100 тысяч собрали. Продолжаем деньги собирать. Другие тоже дали деньги, кто встречался из Киргизии. Вчера где-то 150 человек [из нашего села] деньги собрали» [мужчина из Киргизии, 30 лет, мерчендайзер].

Практики взаимопомощи фиксируются не только устно, но и письменно, что служит одним из способов взаимоконтроля и сохранения сети. По рассказу одного из мигрантов, мужчины из южной части Киргизии, при сборе денег, особенно по экстренному поводу, в его сети «все записывается, чтобы знать, кто дал, кто не дал. Мы не знаем в Москве, кто приехал, кто нет. У нас же [в селе] около 15 тыс. человек живет. Отдают его родственникам. Чтобы он знал, кто дал, кто не дал. Сколько человек дало. Каждое метро есть киргизы из нашего села. Где-то сейчас 200–300 человек есть у нас. Например, я знаю, где 20–30 человек. Каждый запишет свой телефон, отдают вожаку, и там он, кто дал, не дал – фамилия видна. Если я не знаю, другой знает. Если вдруг какой-то несчастный случай, чтобы друг другу помогать в следующий раз». Следует сказать, что сбор денег происходит не только по печальному поводу, но и на организацию коллективных мероприятий с участием родственников и земляков в Москве: «Вот 9 мая мы собираемся. Но собираемся все, все село собирают. Новруз. Летом тоже, когда открытая площадка, в волейбол играем» [мужчина из Киргизии, 30 лет, мерчендайзер].

Такая практика взаимопомощи через мигрантские сети, которые могут состоять как из односельчан и дальних родственников, так и друзей, одноклассников и земляков, иногда упоминается под названием «фонд-банкет».

В нем, как правило, есть старший или ответственный за поддержание сети, в том числе и за сбор денег. Фонд пополняется на регулярной основе и тратится по различным поводам не только в Москве, но и на нужды села, родины мигрантов. «Собираешь и отправляешь, чтобы дорогу открыть, чтобы машинам легче возить. Каждый человек должен отдавать по 1000 рублей [в год]. За месяц 80 с чем-то рублей. Деньги остаются в нашем общем фонде, который для несчастных случаев или на селе что-то надо. В нашем фонде денег еще мало. Например, у нас есть [в одном селе] самый богатый фонд, у них где-то 1,5 млн. Деньги не тратят, проценты возьмут, когда праздник». Подобная практика встречается и в сети

другого мигранта из Киргизии: «У нас, если гражданство есть, много денег получают здесь, они посылают туда – строить мост, строить мечеть. Если там больной человек, ему помогают. Да, у нас бывает, у меня бывает, лишнее получается тоже».

Такая сетевая структура отношений, в частности, объясняет, каким образом киргизские мигранты оказались быстро и эффективно вовлечены, например, в деятельность российского представительства американской сетевой компании Amway¹. «Одна компания есть, там вообще мусульмане только. Слышали об Амвее? Там мой друг работает. Там много киргизов, поэтому я ходил туда. Каждый продает своему знакомому. Первый раз меня приглашали туда. Там арендовали большой зал. Выступали. Там почти тысяча киргизов было» (мужчина из Киргизии, 29 лет, мерчендайзер).

В большинстве случаев мигрантская сеть начинает формироваться еще в стране исхода. Поэтому неслучайно, что первым местом жительства мигрантов в столице становятся квартиры родственников, друзей, в некоторых случаях земляков, а затем (уже в Москве) происходит расширение и рост сети. «Через одного знакомого познакомилась. Познакомились, пообщались, посидели где-нибудь. Вот так и они, если считают нужным пообщаться, поговорить там, звонят. Бывает так, чисто случайно встретиться можно. И из Узбекистана есть, и из Киргизстана есть. Знакомые знакомых. Даже некоторых не знал, а оказались дальними родственниками» (мигрант из Узбекистана). «Вместе работали, общались и знакомыми стали. В “Пятерочу” хожу, там девчонки работают, грузчики. Тоже так познакомилась. Просто из Узбекистана: Андижан, Бухара, разные районы» (мужчина из Узбекистана, 38 лет, грузчик).

Для Узбекистана более характерна квартально-территориальная форма организации общественной жизни, традиционно институционализированная в таком социальном институте общинного типа, как махалля. И уже в России мигранты узбеки продолжают воспроизводить привычные для них отношения, сложившиеся в стране исхода: оказывают помощь при поиске места жительства и работы, делятся на регулярной основе деньгами, пищей, информацией. Приведем пример такой практики из рассказа мигрантки из Узбекистана, живущей в Москве с 2006 г. «На махалле маме скажут – пусть она нам поможет. Они ко мне все

¹ Компания по распространению витаминных комплексов, средств ухода за телом, моющих средств.

приезжали: квартиру найди, работу найди. Первый раз, когда приезжают, все ко мне. Хотя бы 3–4 дня поживут и уходят. С деньгами с удовольствием помогу. Все равно с деньгами не приезжают. Еще вот в аэропорт приезжают – мы приехали. У нас знакомый таксист есть, поедет, привезет, они 2–3 дня живут, я квартиру найду, они уходят. Раз в год [приезжают], может, раз пять в год получится». В махалле в Узбекистане, как правило, известна информация о том, кто из земляков находится в миграции, и это тоже работает как своего рода контроль: «Они один раз в месяц приходят и спрашивают, ваши дети звонят? У них там нормально? Никто не исчез? Никто не умер? Мама говорит, да, они звонят. Если они не звонят хотя бы месяц, сразу нам скажите, мы будем искать» (женщина из Узбекистана, 37 лет, уборщица).

Заключение

Освоение городского социального пространства российской столицы мигрантами определяется множеством фактором, поэтому в данной статье были рассмотрены только некоторые из них.

Во-первых, дисперсное расселение большей части трудовых мигрантов из Узбекистана и Киргизии по всем районам Москвы влияет на то, что такие мигрантоориентированные институции, как кафе, медицинские центры и посреднические фирмы также располагаются по всей территории российской столицы. Иными словами, в отличие от внутригородских анклавов и этнопригородов американских городов, в Москве отсутствует четко выраженная тенденция к концентрации подобных институций в отдельно взятом районе.

Во-вторых, на развитие мигрантской инфраструктуры оказывает влияние размер социального и человеческого капитала мигрантов, вследствие чего (по сравнению с мигрантами из Узбекистана) киргизские мигранты (многие из которых не так давно получили российское гражданство и характеризуются довольно хорошим знанием русского языка) имеют более высокий уровень самоорганизации. Это выражается также в том, что многие мигранто-ориентированные институции, особенно формальные (например, медицинские центры или «этнические» кафе), были созданы мигрантами из Киргизии.

В-третьих, была рассмотрена исключительно инфраструктура, создаваемая самими мигрантами и изначально ориентированная на них. Однако это не означает, что все стратегии самооргани-

зации мигрантов ограничиваются ими, а также то, что все потребности мигрантов удовлетворяются с помощью подобных институтов. Мигранты активно осваивают и общегородскую инфраструктуру, например, городские парки, торговые и развлекательные центры, аптеки, офисы мобильных операторов и т.д. Согласно данным нашего исследования, из упомянутых мигрантоориентированных организаций чаще всего используются или как минимум широко известны «этнические» кафе, медицинские центры, а также полуформальные структуры по оформлению документов. При этом не следует недооценивать роль мигрантской инфраструктуры: из-за ограниченного доступа к некоторым ресурсам принимающего общества или недостатка информации о возможностях принимающей стороны мигрантам приходится совместно изыскивать ресурсы внутри своих сетевых сообществ, в которых оказываются взаимосвязаны все элементы мигрантоориентированной сферы услуг. С одной стороны, это может служить определенной социальной изоляции мигрантов, но, с другой стороны, в контексте современных миграционных процессов в России это является и одним из измерений их социальной инкорпорации.

Литература

1. Абашин С., Чикадзе Е. (2008) Экономические мигранты из Центральной Азии: Исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей. Отчет по проекту, поддержанному Институтом «Открытое общество» (2007–2008). – М.: ЦНСИ.
2. Бараулина Т., Карпенко О. (ред.) (2004) Миграция и национальное государство. – СПб.: ЦНСИ.
3. Берджесс Э. (2000) Рост города: Введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. № 4. С. 122–136.
4. Бредникова О., Паченков О. (2002) «Этническое предпринимательство» мигрантов и мифы мультикультурализма // Малахов В.С., Тишков В.А. (ред.). Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН. – С. 155–161.
5. Бредникова О., Ткач О. (2012) Трудовые мигранты в Санкт-Петербурге: Выявление проблем и выработка рекомендаций. Результаты исследования. – СПб.
6. Вендина О. (2014) Москва за пределами исторического центра: Городские районы и их социальные лица // Московский городской форум // <http://issuu.com/mosurbanforum/docs>
7. Вирт Л. (2005) Гетто (Главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. № 1. С. 126–156; № 2 С. 114–142.

8. Воронков В., Освальд И. (ред.) (1998) Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. – СПб.: Дмитрий Буланин.
9. Деминцева Е., Пешкова В. (2014) Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. № 597–598. 5–18 мая 2014 // http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php?#_ftn3
10. Джунушалиев Д., Плоских В. (2000) Трайбализм и проблемы развития Киргизстана // http://www.ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac09_2000/17.Dzhunu.shtml
11. Зайнчковская Ж.А. (ред.) (2009) Иммигранты в Москве. – М.: «Три квадрата».
12. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях (2014) // Министерство юстиции РФ. Список национально-культурных автономий, включенных в ведомственный реестр зарегистрированных некоммерческих организаций по состоянию на 23.07.2014 // <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx>
13. Калущков В. (2013) О типах районов в культурной географии // Культурная и гуманитарная география. Т. 2. № 1. С. 3–9.
14. Князев А. (2012) Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). – Бишкек.
15. Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года (2012) // <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>
16. Малахов В.С. (2014) Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. – М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН.
17. Мукомель В.И. (2012) Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Горшков М.К. (ред.) Россия реформирующаяся. Вып. 11. Ежегодник. – М.: Новый хронограф. – С. 236–263.
18. Осипов А. (2004) Национально-культурная автономия в России: Идея и реализация // Багдасарова Н., Глушкова М., Асылбекова Н. (ред.) Этнокультурное многообразие – потенциал развития общества в странах Центральной Азии (практика, концепции, модели, перспективы): Материалы международного семинара. – Бишкек. – С. 151–184.
19. Отчет Национального института стратегических исследований Кыргызской Республики «Влияние родоплеменных (клановых) отношений на формирование (деформацию) механизмов государственного управления, негативные и положительные факторы». (2013) // http://www.nisi.kg/uploads/research_ph/07_clans_report.pdf
20. Официальные статистические данные ФМС от 4 августа 2014 г. // <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>
21. Павлюк С.Г. (2007) Традиционные и исторические районы как форма территориальной самоорганизации общества: на примере США и России. Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата географических наук. – Москва.
22. Парк Р.Э. (2002) Экология человека // Баньковская С.П. (ред.) Теоретическая социология: Антология. – М.: Книжный дом «Университет». – С. 172–184.
23. Пешкова В.М. (2013) Диаспорные печатные издания как альтернативное медийное пространство для репрезентации этнокультурного разнообразия России // Журнал социологии и социальной антропологии. № 4. С. 124–142.

24. Рязанцев С.В., Хорие Н. (2010) Трудовая миграция в лицах: Рабочие-мигранты из стран Центральной Азии в московском регионе. – М.: Экономическое образование.
25. Трудовые мигранты (2014). Данные Федеральной миграционной службы России // ФМС // http://www.fms.gov.ru/foreign_national/
26. Флоринская Ю. (2013) Масштабы трудовой миграции в Россию // Российский совет по международным делам // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top
27. Bolt G., Burgers J., Kempen van R. (1998) On the Social Significance of Spatial Location: Spatial Segregation and Social Inclusion. *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 13, no 1, pp. 83–95.
28. Brettell C.B. (2005) The Spatial, Social and Political Incorporation of Asian Indian Immigrants in Dallas, Texas. *Urban Anthropology*, vol. 34 (2–3), pp. 247–280.
29. Dear M.J. (ed.) (2002) *From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory*. Thousand Oaks: Sage Publications.
30. Dear M.J., Dishman J.D. (eds.) (2002) *From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory*, Thousand Oaks: Sage Publications.
31. Flippen C.A., Parrado E.A. (2012) Communities in New Destinations: A Case Study of Durham, North Carolina. *City & Community*, vol. 11, March 2012, Issue 1, pp. 1–30.
32. Fong E., Elic C. (2010) The Effect of Social Standing, Individual Preferences, and Co-ethnic Resources on Immigrant Residential Clustering. *International Migration Review*, vol. 44, no 1, pp. 111–141.
33. Ford L., Klevisser F., Carli F. (2008) Ethnic Neighborhoods and Urban Revitalization: Can Europe Use the American Model? *The Geographical Review*, vol. 98, no 1, pp. 82–102.
34. Hatton T.J., Leigh A. (2011) Immigrants Assimilate as Communities, Not Just as Individuals. *Journal of Population Economics*, vol. 24, no 2, pp. 389–419.
36. Jenkins S., Sauber M., Friedlander E. (1985) Ethnic Associations and Services to New Immigrants in New York City. *Community council of greater New York*.
37. Katz B., Berube A., Lang R. (2005) *Redefining Urban and Suburban America: Evidence from Census 2000*. Brookings Institution Press.
38. Kavita P., Holloway S.R. (2005) New Immigrant Geographies of United States Metropolitan Areas. *The Geographical Review*, vol. 95, no 2, pp. iii–vi.
39. Kempen van R., Özüekren A.Ş. (1998) Ethnic Segregation in Cities: New Forms and Explanations in a Dynamic World. *Urban Studies*, vol. 35, no 10, pp. 1631–1656.
40. King A.D. (ed.) (1996) *Re-Presenting the City: Ethnicity, Capital and Culture in the Twenty-First Century Metropolis*. London: Macmillan.
41. Krase J. (2012) *Seeing Cities Change: Local Culture and Class*. Farnham: Ashgate.
42. Li Wei (ed.) (2006) *From Urban Enclave to Ethnic Suburb. New Asian Communities in Pacific Rim Countries*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
43. Li Wei (1998) Anatomy of a New Ethnic Settlement: The Chinese Ethnoburb in Los Angeles. *Urban Studies*, vol. 35, no 3, pp. 479–501.
44. Logan J.R., Wenquan Z., Alba R.D. (2002) Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles. *American Sociological Review*, vol. 67, no 2, pp. 299–322.

45. Marcuse P., Kempen van R. (eds.) (2000) *Globalizing Cities: A New Spatial Order?* – Oxford: Blackwell.
 46. Massey D. (1985) *Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review*. *Sociology and Social Research*, vol. 69, no 3, pp. 315–350.
 47. Muratov A., Vendina O. (2013) *Towards to Superpark in ISSUU – SPACED. Politics by Moscow Urban Forum*, no 2, pp 398–417.
 48. Ray B.K., Halseth G., Johnson B. (1997). *The Changing ‘Face’ of the Suburbs: Issues of Ethnicity and Residential Change in Suburban Vancouver*. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 21, pp. 75–99.
 49. Spencer J.H., Flowers P.R., Seo J. (2012) *Post-1980s Multicultural Immigrant Neighborhoods: Koreatowns, Spatial Identities and Host Regions in the Pacific Rim*. *Journal of Ethnic and Migrant Studies*, vol. 38, no 3, pp. 437–461.
- «Мир России», М., 2015 г., № 2, с. 129–151.*

О. Павлова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования (МГППУ)

**РЕЛИГИОЗНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
МУСУЛЬМАН СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА:
СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ***

Современный российский ислам представлен разнообразными этносами, его исповедующими¹. В каждом регионе, где проживают мусульмане, сложилась своя специфика религиозных практик; кроме того, степень включенности мусульман в исламскую практику значительно колеблется. У представителей мусульманских этносов России по-разному складываются отношения в структуре социальной идентичности, в частности в контексте соотношения между этнической и религиозной (конфессиональной) идентичностью.

Содержание понятия «этническая идентичность» в социальной психологии трактуется как осознание собственной принадлежности к определенной этнической группе². Т.Г. Стефаненко выделяет в структуре этнической идентичности когнитивный и

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-06-10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: Кросскультурный анализ».

¹ Стефаненко Т.Г. *Этнопсихология*. – М., 2006.

² Там же.

аффективный компоненты¹. Л.М. Дробижева описывает поведенческий компонент в структуре этнической идентичности². По мнению автора, этническая идентичность предполагает наличие эмоционально окрашенного образа «мы», а также этнических интересов, в соответствии с которыми осуществляется деятельность.

Религиозная и конфессиональная идентичности в последние десятилетия заняли прочное место в общественном дискурсе в России и мире. Рассмотрение религиозной идентичности происходит в контексте индивидуальной идентичности как «приобретение посредством религии собственного экзистенциального опыта»³, и в контексте социальной идентичности как принадлежность к определенному сообществу (например, мусульманская умма). Религия выступает и как содержание, и как инструмент идентификационного процесса.

М.М. Мчедлова определяет религиозную идентичность как результат самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью⁴. Автор выделяет внутреннюю религиозность, т.е. веру как таковую, и внешнюю религиозность – т.е. соблюдение определенных религиозных обрядов, церемоний, ритуалов. Религиозная идентичность охватывает весь диапазон отношения людей к религии: от безусловной веры до агностицизма, неверия и атеизма⁵. Конфессиональная идентичность рассматривается как составная часть религиозной идентичности, являющаяся результатом соотношения себя с определенным религиозным учением или конфессией⁶.

Наиболее актуальным на сегодняшний день является вопрос о религиозной идентичности в рамках ислама. Ее исследованиям

¹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М., 2006.

² Дробижева Л.М. Этническая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / [Отв. ред. И.С. Семененко]. – М., 2012. – Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. – С. 130.

³ Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. – М., 2012. – С. 27.

⁴ Мчедлова М.М. Религиозная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / [отв. ред. И.С. Семененко]. – М., 2012. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. С. 123.

⁵ Там же. – С. 124.

⁶ Там же. – С. 127.

посвящено много работ. В частности, отмечается, что специфика исламской идентичности связана с тем, что ислам – это «не только религия, но и мирская социальная система»¹. «Ислам институализирует практически все сферы жизнедеятельности человека и общества, поэтому можно сказать, что “ислам есть образ жизни”»².

О соотношении исламской религиозной идентичности и этничности рассуждает в программной статье «Российское мусульманство: призыв к осмыслению и контекстуализации», напечатанной к юбилейному X Международному мусульманскому форуму, Д.В. Мухетдинов. Автор подчеркивает, что социализация человека происходит в рамках определенного общества, определенной этнической традиции, носителем которой человек является. «Духовное развитие обозначает не отказ от этничности – в этом мире от нее в принципе нельзя отказаться, как нельзя отказаться от тела и ментальности – но совершенствование внутри тех границ, тех рамок, которые нам ставит этничность. Этничность слишком сильно обуславливает наше бытие, чтобы можно было закрыть на нее глаза; даже осознанная попытка освобождения от этничности будет означать либо переход в иную этническую группу, либо отказ от рефлексии над собственной этничностью»³. Автор убедительно доказывает, что с VII в. ислам, существуя в конкретных культурах, «давал оригинальные ростки, формируя локальные способы поклонения, или практики ислама»⁴.

Изучение специфики религиозной, конфессиональной (исламской) идентичности связано, прежде всего, с проблемами последних десятилетий, возникшими на Северном Кавказе. «Ислам на Северном Кавказе – это один из факторов, формирующих

¹ Кудряшова И. В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / [Отв. ред. И.С. Семененко]. – М., 2012. – Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – С. 158.

² Албакова Ф.Ю. Каноны социально-экономической деятельности в исламе // Ценностные ориентиры в экономической среде исламского мира: Сборник статей / Под ред. С.В. Пирогова. – М., 2009. – С. 37.

³ Мухетдинов Д.В. Российское мусульманство: призыв к осмыслению и контекстуализации // Минарет ислама. 2014. № 3–4. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?6180

⁴ Там же.

местную идентичность, воздействующих на мировоззрение индивида, этнического социума»¹.

Сильную степень исламской идентичности фиксируют исследования, проводимые в разных республиках Северокавказского региона, наибольшую же демонстрируют чеченцы, ингуши, дагестанцы, карачаевцы². А.В. Малашенко выделяет несколько уровней исламской идентичности³. Первый (личностный) уровень связан с верой во Всевышнего и носит мировоззренческий характер. Второй уровень – традиционно-обрядовый. Этот уровень, по мнению А. Крылова, и формирует одну из важнейших социальных функций религии – идентификационную⁴.

Тесно связан с этим уровнем третий уровень, на котором происходит социализация мусульман как членов общины.

Детальное изучение включенности представителей традиционно мусульманских этносов в реальную религиозную практику, изучение специфики содержания религиозной идентичности, отдельных ее компонентов; отношений, возникающих между религиозной и этнической идентичностью представляется на сегодняшний день интересным и своевременным.

С целью изучения специфики содержания и степени выраженности религиозной (конфессиональной) и этнической идентичности этносов Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, адыгов) проведено социально-психологическое исследование. Всего в исследовании приняли участие 1713 респондентов, из них 508 чеченцев, 478 ингушей, 470 адыгов (435 респондентов идентифицировали себя как кабардинцы, 35 – как черкесы), 132 карачаевца, 125 балкарцев. Для изучения структуры социальной идентичности использовались следующие методики: тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?», неоконченные предложения (авторский вариант), опросник (авторский вариант). Распределение ответов было получено с помощью статистического пакета SPSS for Windows 18.0.

Остановимся подробнее на некоторых особенностях этнической и религиозной идентичности респондентов. В табл. 1 отраже-

¹ Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М., 2001. – С. 61.

² Там же. – С. 62.

³ Там же.

⁴ Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. – М., 2012. – С. 59.

ны результаты идентификационной матрицы респондентов по тесту «Кто Я» относительно этнической и религиозной идентичности. По мнению Г.У. Солдатовой, «групповой “я-образ” – это не всеобъемлющая характеристика группового самосознания, а его наиболее очевидная и центральная часть... это совокупность идентичностей»¹.

Таблица 1

**Особенности этнической
и религиозной идентичности респондентов**

Респонденты	Этническая идентичность (ЭИ)		Религиозная (исламская) идентичность (РИ)	
	Указавшие ЭИ (% от общего числа респондентов)	Из них указавших ЭИ на 1–5-м месте (%)	Указавшие РИ (% от общего числа респондентов)	Из них указавших РИ на 1–5-м месте (%)
Чеченцы	62,6	86,2	46,9	77,3
Ингуши	67,4	79,5	59,4	65,2
Адыги	39,8	64,7	21,0	49,4
Карачаевцы	61,4	69,1	53,0	70,0
Балкарцы	57,6	72,2	37,6	59,6

Как видно из таблицы 1, этническая идентичность у всех групп респондентов доминирует над религиозной. При этом, если у чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев самоидентификация по принадлежности к этнической группе выражена на уровне 57–67%, то у адыгов она едва достигает 40%. У подавляющего большинства всех респондентов, указавших свою этническую идентичность, она занимает ведущие позиции (находится в ценностном ядре идентичности, занимая с 1 по 5-е место). Религиозную идентичность указали в качестве наиболее значимой около 50% чеченцев, ингушей, карачаевцев, тогда как для адыгов и балкарцев она значима в меньшей степени. Только 21% адыгов идентифицировали себя как мусульмане, при этом лишь у половины из них она находится на 1–5-м месте, что существенно ниже, чем у остальных групп респондентов.

¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998. – С. 32.

Обращает на себя внимание тот факт, что, являясь, по сути, единым этносом, карачаевцы и балкарцы демонстрируют различные результаты. Очевидно, что на содержание и структуру социальной идентичности оказывает большое влияние целый ряд факторов, среди которых территория проживания, межкультурные связи с другими этносами, т.е. специфика социального контекста. Так, ответы балкарцев занимают срединное место между данными, полученными по карачаевцам и адыгам, иногда ближе к первым, иногда – к последним.

Детальный анализ показал, что в 63,8% ответов чеченцев и в 41,8% ответов ингушей¹ этническая и конфессиональная идентичности слиты в одно целое. Они указываются в ответах, как правило, на первых местах: «я – чеченец, мусульманин», «я – мусульманка, ингушка». «Этничность и религиозность для чеченцев являются тесно взаимосвязанными, взаимодополняющими, неотделимыми составляющими идентичности»². Для ингушей «религия служит мощным маркером идентичности: невозможно быть ингушом и не быть мусульманином»³. У представителей Северо-Западного Кавказа мы такой тенденции практически не обнаружили (ее признаки наметились у карачаевцев, но выражены примерно в 10% случаев). По мнению И.И. Маремшаовой, «при общей богобоязни карачаево-балкарцев отнесение себя к той или иной конфессии вторично»⁴.

Необходимо отметить, что при этом для современной ситуации на Северном Кавказе характерна дилемма иерархии конфессиональной и этнической идентичности: кем быть прежде всего – мусульманином или представителем этноса? Наиболее остро эта

¹ Павлова О.С. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичность чеченцев и ингушей: содержание и проблемы соотношения // Социальная психология и общество. – 2013. – № 2. – С. 123–124.

² Жемчураева С.Ш. Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтнической среде. Дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2010. – С. 12.

³ Матвеева А., Савин И. Ингушетия: выстраивая идентичность, преодолевая конфликт // Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития / Под ред. А.Г. Матвеевой, А.Ю. Скакова, И.С. Савина. – М., 2012. – С. 105.

⁴ Маремшаова И.И. Эволюция этнического сознания карачаево-балкарского народа. Дис. ... доктора ист. наук. – Махачкала. 2002. – С. 212.

проблема стоит в адыгском общественном сознании, в частности между молодежью и старшим поколением¹.

Содержание этнической и религиозной идентичности было изучено с помощью методики «Неоконченные предложения». Обратимся к анализу ответов респондентов. Продолжая предложение **Быть представителем своего народа для меня – это значит...** подавляющее большинство респондентов во всех выборках описывали этническую идентичность через ее аффективный компонент: это **честь, гордость, ответственность**: Быть достойным сыном своего народа; Относиться к древнему великому народу, соблюдать все традиции, обычаи, быть полезным своему народу; Гордо нести флаг Республики; Достоинно представлять Ингушетию, быть достойной дочерью народа (инг.); Быть тем, кем люди могут гордиться; Быть достойным его представителем, любить Родину и бороться за ее мир и процветание; Быть достойной своих предков; Соответствовать уровню благородных представителей великой чеченской нации (чеч.); Гордость в том, что я родился балкарцем. Я – представитель великого, но чуть-чуть маленького народа; Любить свой народ и гордиться им (балк.); Быть славным сыном своего народа; Быть частью одного из самых великих и прекрасных народов Кавказа; Быть во всем лучшим (карач.); Быть гордой, что я родилась именно в этом народе, который уважают, ценят и любят; Гордо нести это звание, не только на словах, но и на деле (кабард.); Стать лучше; Гордиться своей нацией и следовать ее традициям, обычаям и образу жизни; Следовать принципам адыгства и прославлять свой народ (черк.).

Содержание этнической идентичности представлялось респондентами не только через ее аффективный компонент, но и через когнитивный и поведенческий компоненты. **Быть настоящим представителем своего народа** – это значит знать его историю, обычаи, традиции, язык и следовать им в повседневной жизни. Ответы респондентов разных этнических групп были идентичны друг другу, отражая искреннюю гордость и любовь к своему народу и желание соответствовать лучшим образцам поведения.

¹ Бабич И.Л. Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России. – М., 2008; Бабич И.Л. Поиски современной горской идеологии // Кавказ и глобализация. – 2006. – № 1.

Анализ ответов респондентов на неоконченное предложение **Быть настоящим мусульманином – это значит ...** выявил существенные различия в содержании религиозной идентичности респондентов. Для вайнахов и карачаевцев типичными были ответы, раскрывающие аффективный компонент религиозной идентичности: Быть мусульманином – это огромное счастье, это значит радоваться, быть самым счастливым, стоять на самой высшей ступеньке, идти по правильному пути (инг.); Для меня это всё; Быть поистине счастливым человеком; Быть ближе к раю; Я горжусь тем, что я мусульманка (чеч.); Быть самым счастливым человеком; Тебе очень сильно повезло (карач.). Раскрывая когнитивный и поведенческий компонент, вайнахские и карачаевские респонденты обозначали в качестве необходимых содержательных компонентов религиозной идентичности: соблюдение пяти столпов ислама, знание Корана, шариата; соблюдение нравственных норм в отношениях с людьми; достойно прожить эту жизнь, которая дарована и предначертана Всевышним, никогда не давая никаким жизненным трудностям, какими бы они ни казались большими, поставить себя на колени, не ропща, искренне веря, моля и уповая во всем полностью на Аллаха; Уважительно относиться к окружающим, и главное, быть чистым душой; Любить людей; Желать всем того, чего желал бы себе (инг.); Быть сильным, справедливым, честным человеком. Быть мужественным, всезнающим, верующим; Не лицемерить; Не завидовать; Помогать нищим; Не лгать; Быть честным, гордым, не сдаваться ни перед чем; Быть благочестивым; Быть гордостью, быть скромностью всех; Быть праведным человеком; Жить честно, умереть достойно (чеч.).

Аффективный компонент религиозной идентичности балкарских респондентов также отражал веру и гордость за свою религию, как и в предыдущих примерах. Но в отношении соблюдения религиозных практик наши респонденты высказывались несколько иначе. По мнению некоторых балкарских респондентов, быть мусульманином – это не делать ничего плохого и, по возможности, соблюдать правила; Верить в Бога молча, для себя (балк.). Встречались ответы, которые обозначали соотношение между религиозной и гражданской идентичностью: быть настоящим мусульманином – это знать законы, нормы гражданского государства, где живут (балк.). Можно было встретить примеры смены конфессиональной принадлежности: Быть мусульманкой – это быть покорной Аллаху, но являясь православной христианкой, я считаю, что это соблюдение всех законов Божьих (балк.).

Респондент-балкарец 18 лет обозначил свою религиозную идентичность **итсист** – наличие веры, не связанной с рамками конкретной религии.

Подобные ответы встречались и в анкетах адыгских респондентов, они свидетельствовали о том, что вопреки этнической традиции, ряд адыгов не считают себя мусульманами. **Быть настоящим мусульманином – это значит..:** Не знаю, я христианка; Я не мусульманин; Не кричать на каждом шагу, что ты мусульманин. А вообще мне всё равно, я атеист; Не знаю, наверное, я не настоящий мусульманин (для меня это не самое важное в жизни); Быть арабом и жить в одной из арабских стран (кабард.).

Встречались ответы, аналогичные ответам балкарских респондентов: **Быть настоящим мусульманином – это значит..:** Оставаться верным вере и не пытаться навязывать ее окружающим (кабард.); Знать главные столпы религии, выполнять их по мере возможности в условиях проживания; Умение сочетать религиозную практику и требования светского государства (черк.). Эти ответы отражали беспокойство кабардинских респондентов из-за попыток активно соблюдающих нормы ислама мусульман навязать свою религиозность окружающим и обозначили возможные конфликты между религиозной и гражданской идентичностью. Еще бóльшую озабоченность и беспокойство отразили ответы, в которых рефреном звучал призыв: **не убивать**. Например: **Быть настоящим мусульманином – это значит..:** Быть не фанатичным, не убивать и не резать людей; Не убивать, иметь чистое сердце, быть добрым; Не лгать, не желать зла другому, не мстить, не убивать, не воровать, следить за речью и др.; Быть добропорядочным, не унижать другие религии, не совершать зло, не пить, не курить, не убивать. А самое главное – верить в Аллаха (кабард.).

Другую сторону определенных сложностей, связанных с выполнением религиозной практики в Кабардино-Балкарии, отразил такой ответ: **Быть настоящим мусульманином – это значит..:** Верить в то, что Аллах есть и Он Велик, и что Он поможет в трудную минуту, если искренне попросить. А следовать сейчас всем законам шариата небезопасно (кабард.).

Таким образом, анализ ответов, раскрывающих содержание религиозной идентичности респондентов Северного Кавказа, показывает, что при формальном (этнографическом) отнесении большинства северокавказских этносов к мусульманскому пространству РФ, степень включенности их представителей в религиозную практику и понимание сути религиозности в контексте

ислама очень разные. Кроме того, среди адыгов и, изредка, балкарцев встречаются лица, не относящие себя к мусульманской умме.

Еще одним интересным показателем, позволяющим охарактеризовать, в том числе, степень религиозности респондентов и соотношение между разными видами идентичности, было отношение к полиюридизму, исторически сложившемуся в обществах Северного Кавказа. Полиюридизм (правовой плюрализм) – такая правовая ситуация, когда параллельно действуют нормы обычного права (адаты), законы шариата и система современного российского законодательства¹. Специфика общественной жизни северокавказских народов такова, что различные правовые системы дополняют друг друга. Факты юридического плюрализма не являются уникальной чертой современного российского Кавказа; они в той или иной степени наличествуют в Японии, США, Швейцарии, Франции. Для народов мира, исповедующих ислам, эта ситуация тоже является достаточно распространенной.

В ходе анкетирования мы задали нашим респондентам следующий вопрос: «Как вы считаете, чем должно прежде всего регулироваться ваше поведение в настоящее время (расставьте цифры от 1 до 5 в порядке повышения значимости: 1 – наименее важное, 5 – самое важное):

- законами шариата;
- общегосударственными законами;
- национальными обычаями и традициями;
- нормами национальной этики;
- нормами и требованиями своего рода / тейпа (тайпа)».

Ответы на этот вопрос можно увидеть в таблице 2.

Из таблицы 2 видно, что в различных группах респондентов баллы распределились по-разному. Законами шариата предпочитают руководствоваться ингуши и представители карачаево-балкарского этноса. Наивысший балл по предпочтениям традиций поставили чеченцы, адыги и ингуши. Ориентируются на свой род в большей степени адыги и балкарцы. В этих обществах понятие рода связано не только с понятием родства, сколько с родовитостью, проистекающей из сословных различий, исторически сложившихся в обществах Северо-Западного Кавказа. Высокая статистическая достоверность различий обнаружена по предпочтению

¹ Першиц А.И., Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 81.

законов шариата ($p=0,000$) и общегосударственных законов ($p=0,003$) между адыгами и ингушами; по предпочтению традиций и обычаев между карачаевцами и чеченцами ($p=0,01$), балкарцами и чеченцами ($p=0,009$); по нормам и требованиям своего тейпа / рода между балкарцами и чеченцами ($p=0,001$), адыгами и чеченцами ($p=0,000$), адыгами и ингушами ($p=0,003$).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, чем должно прежде всего регулироваться ваше поведение в настоящее время»
(представлены средние значения в баллах)**

Этническая группа	Законами шариата	Общегосударственными законами	Национальными обычаями и традициями	Нормами национальной этики	Нормами и требованиями своего рода / тейпа
Ингуши	3,7	2,6	3,6	3,2	2,8
Чеченцы	3,1	2,7	3,7	3,0	2,6
Адыги	3,0	3,0	3,7	3,4	3,3
Карачаевцы	3,6	3,0	3,4	2,9	2,9
Балкарцы	3,5	3,0	3,3	3,1	3,2

Таблица 3

Ранговая структура регуляторов поведения респондентов

Место в ранговой структуре	Ингуши	Чеченцы	Адыги	Карачаевцы	Балкарцы
1	Шариат	Традиции	Традиции	Шариат	Шариат
2	Традиции	Шариат	Нормы этики	Традиции	Традиции
3	Нормы этики	Нормы этики	Род	Гос. законы	Род
4	Тейп	Гос. законы	Гос. законы	Род Нормы этики	Нормы этики
5	Гос. законы	Тейп	Шариат		Гос. законы

Детальный анализ регуляторов поведения позволил выстроить ранговую структуру регуляторов социотипического поведения (см. табл. 3). Законы шариата оказались на первом месте у ингушей и представителей карачаево-балкарского этноса, а традиции и обычаи – у адыгов и чеченцев. Примечательно, что у адыгов законы шариата оказались на последнем месте. Важнейшими регуляторами социального поведения для адыгов наряду с традициями и обычаями являются нормы адыгской этики Адыгэ Хабзэ. У вайнахов, карачаевцев и балкарцев тесно переплетаются в единое целое религиозные и традиционные общественные нормы.

Таким образом, результаты проведенного социально-психологического исследования, направленного на изучение содержания и специфики религиозной и этнической идентичности этносов Северного Кавказа, отражают картину культурного многообразия и подчас сложный характер взаимоотношений, складывающихся в структуре социальной идентичности респондентов.

Литература

1. Албакова Ф.Ю. Каноны социально-экономической деятельности в исламе // Ценностные ориентиры в экономической среде исламского мира: Сборник статей / под ред. С.В. Пирогова. – М., 2009. – С. 37.
2. Бабич И. Л. Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России. – М., 2008.
3. Бабич И.Л. Поиски современной горской идеологии // Кавказ и глобализация. 2006. № 1.
4. Дробижева Л. М. Этническая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / [отв. ред. И.С. Семененко]. – М., 2012. – Т. 1. Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий. – С. 130.
5. Жемчураева С.Ш. Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтнической среде. Дисс. ... канд. соц. наук. – Саратов, 2010. – С. 12.
6. Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. – М., 2012. – С. 27.
7. Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. – М., 2012. – С. 59.
8. Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / [Отв. ред. И.С. Семененко]. – М., 2012. – Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – С. 158.

9. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М., 2001. – С. 61.
10. Маремшаова И.И. Эволюция этнического сознания карачаево-балкарского народа. Дис. ... доктора ист. наук. – Махачкала, 2002. – С. 212.
11. Матвеева А., Савин И. Ингушетия: Выстраивая идентичность, преодолевая конфликт // Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития / Под ред. А.Г. Матвеевой, А.Ю. Скакова, И.С. Савина. – М., 2012. – С. 105.
12. Мухетдинов Д.В. Российское мусульманство: Призыв к осмыслению и контекстуализации // Минарет ислама. – 2014. – № 3–4. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?6180
13. Мчедлова М.М. Конфессиональная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / [Отв. ред. И.С. Семененко]. – М., 2012. – Т. 1. Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий. – С. 127.
14. Мчедлова М.М. Религиозная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / [Отв. ред. И.С. Семененко]. – М., 2012. – Т. 1. Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий. – С. 123.
15. Павлова О.С. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичность чеченцев и ингушей: Содержание и проблемы соотношения // Социальная психология и общество. – 2013. – № 2. – С. 123–124.
16. Першиц А.И., Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. – 1998. – № 1. – С. 81.
17. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998. – С. 32.
18. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М., 2006.

*«Ислам в современном мире»,
М., 2015 г., т. 11, № 2, с. 75–86.*

А. Магомедов,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, ДНЦ РАН)

ИСЛАМ И ПОТРЕБЛЕНИЕ ХМЕЛЬНЫХ НАПИТКОВ В ДАГЕСТАНЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Введение

О социальной роли хмельных, спиртных напитков в истории не так много публикаций. Сегодня хорошо знакомы книги Вильяма Похлѣбкина, открывшего для ученых-историков и рядовых читателей особый мир культуры российской истории, связанный с ролью хмельных напитков, на который до этого времени не

обращали внимания. Вовсе не изучены такие страницы в истории Дагестана и Северного Кавказа. Имеющиеся в исторической литературе материалы про заготовку хмельных напитков (буза и др.) народами Дагестана случайны и очень фрагментарны и не связаны с их ролью в жизни дагестанского населения.

Изучение темы актуально, и ее исследование имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Пропаганда здорового и трезвого образа жизни, борьба против пьянства и алкоголизма с использованием исторических материалов и наблюдений имеют важное образовательное и воспитательное значение.

Потребление спиртосодержащих напитков (вино, водка, традиционные хмельные напитки и другие) населением исторически существует в трех формах: 1) выпивка как культурный символ досуга, праздника, значимого события, призванного развеселить отдыхающих и создать атмосферу праздничного застолья; 2) выпивка как пьянство, имеющая черты социального зла и ведущая к конфликтам и преступлениям; 3) выпивка как алкоголизм – трудноизлечимая медициной болезнь, наносящая, как и пьянство, огромный урон здоровью людей, семейным отношениям, обществу в целом. Культурный символ, пьянство, алкоголизм – такова триада развития этой традиции.

Пьянство и алкоголизм являются результатами новой и новейшей эпох человечества, когда промышленное и полупромышленное производство крепких алкогольных напитков (водка и др.) привели к резкому росту их потребления. Этому способствовала и относительная недороговизна такого производства. Многие государства с помощью акцизных налогов пытались ограничить их потребление, использовать их производство как рычаг для увеличения государственного бюджета, но это не всегда им удавалось. Еще менее успешными были приемы объявления и введения в обществе «сухих законов».

Отношение ислама к потреблению хмельных напитков и складывающиеся исторические практики

Ислам относится к числу религий, прямо запрещающих употребление вина и спиртных напитков вообще. Но здесь не все однозначно. Во времена Мухаммада его современники знали финиковое и виноградное вина и не имели запрета на их употребление. Более того, в описаниях мусульманского рая, который,

согласно учению Мухаммада, будет наградой праведникам в их загробной жизни, вино присутствует как одна из своеобразных приманок. Вместе с тем есть и предписание Мухаммада, что «вино – мерзость из деяний сатаны. Сторонитесь же этого».

Известный публицист Артем Космарский в своих статьях на тему «Как в исламском мире решали “алкогольный вопрос”» проследил историю изменения взглядов и практики потребления спиртного в исламских государствах Востока в Средневековье. Все было достаточно противоречиво и неоднозначно, особенно в период XV–XVIII вв., когда Османская империя была безусловным лидером исламского мира. В это время, с одной стороны, никто не мешал изготавливать алкогольный напиток в домашних условиях, для чего вполне открыто приобретались тонны винограда. С другой стороны, султаны периодически запрещали вино (равно как табак и кофе): при вступлении на престол, перед военными походами, под давлением улемов (священнослужителей), во время эпидемий чумы, перед смертью, в страхе перед бунтами. Однако сама частота подобных запретов говорила об их неэффективности. Наконец, к XVIII в. налог на спиртное стал важной частью государственных доходов, лишиться которых правительство просто не могло себе позволить [7].

Важно знать и о том, что многие направления суфизма, возникшие позже, толерантно относились к употреблению вина. Так, «состояние суфия в момент затуманивающего видение внешнего мира (фана) экстатического единения с Абсолютом (халь) фиксируется посредством метафор пика опьянения и оргазма». «Традиционно в суфизме используются два кодово-аллегорических ряда, центрированных соответственно вокруг культурных символов любви и вина (выделено нами. – *А.М.*). Можно говорить о достаточно широком наборе константных семиотических структур, составляющих знаковый арсенал суфийских текстов: суфий обозначается как ашик (влюбленный) или ринд (винопиец)...» (выделено нами. – *А.М.*). Символическая система суфизма оказала значительное влияние и на аллегоризм восточной поэзии как в «собственно суфийском (Хафиз), так и в светски-философском (Хайам) и светски-лирическом (Андалусская куртуазная традиция) ее вариантах» [10].

Интересно в этом плане творчество знаменитого Омара Хайама. Как отмечают исследователи, «образ вина выступает у Хайама предельно полисемантическим: 1) прежде всего это алкоголь как таковой в исходном богатстве его культурных значений;

2) в мусульманском контексте запрета на винопитие оно выступает символом свободы и реализованного индивидуального выбора («О вино! Замени мне любовь и Коран. О духан! Я – из верных твоих прихожан»)...)» [10].

Есть и другая сторона вопроса. Можно ли пить малоградусные народные хмельные напитки, такие как буза и др. (крепость – 3–6 градусов)? Поскольку прямого предписания о запрещении употреблять их в исламе нет, то часто служители культа разрешали пить такие напитки. Так, в 1820-е годы в Дагестане «при введении шариата... была разрешена к употреблению... плоскостная буза». «Буза, сколько бы ее ни пили, не вызывала опьянения, потому она и не была запрещена». Однако вскоре первый имам Газимухаммад запретил пить и «плоскостную бузу», так как жители стали вливать в нее спирт, чтобы повысить ее градус [4, с. 119].

В народной культуре Дагестана были и свои приемы усиления пьянящих свойств бузы. Так, чтобы повысить ее градус, добавляли в нее цветы рододендрона¹. По словам информаторов, в семьях даже сушили их на запас. Это не одобрялось сельчанами. Таковую бузу, как правило, делали скромные по достатку хозяйства, которые не имели возможности заготовить к празднику достаточное количество напитков. Возможно, об этой бузе идет речь в тексте исследователя В.О. Бобровникова, когда он пишет, что дагестанская буза достигала крепости 20 градусов [3, с. 69]. Поэтому со временем служители культа стали распространять ограничения на хмельные напитки.

Часто в истории хмельные напитки провоцировали «порчу нравов» в обществе: злоупотребление спиртными напитками, пьянство, алкоголизм, которые нередко сопровождалось ростом конфликтов, уголовных преступлений. Борьба ислама против распития спиртного, как и борьба властей (введение «сухих законов»), шла с попеременным успехом. Замечательный швейцарский востоковед Адам Мец, описывая ислам первых веков, привел достаточно много примеров этому. Характеризуя уклад жизни Арабского халифата IX–X вв., он писал: «Несмотря на запрет Корана, питье вина было в то время широко распространено... Не помогали все полицейские запреты, которые при Фатимидах ограничивались лишь закрытием трактиров в канун священного месяца Раджаб» [8, с. 312, 313].

¹ Признателен за информацию кандидату философских наук Х.А. Юсупову и кандидату исторических наук Г.И. Какагасанову.

Главным реальным историческим результатом введения в исламе запрета на алкоголь стало исключение публичного его потребления. Так, сегодня он достаточно открыто употребляется в таких странах, как Турция, Сирия, Иордания, Ливан, – странах со значительным немусульманским населением. А в таких странах, как Саудовская Аравия и Иран, где на публичное употребление алкоголя наложен суровый запрет, эта проблема отнюдь не снята из сферы сугубо приватной. Так, злые языки поговаривали, что медицинские проблемы по этой части были даже у престарелого саудовского монарха, хранителя главных мусульманских святынь Фадха. В Иране алкоголь дозволен лишь для внутреннего потребления в зороастрийских и христианских общинах. Как считают многие исследователи, исламский запрет на алкоголь вовсе не такой уж абсолютный, и возник он в условиях очевидного злоупотребления арабийским обществом горячительными напитками. Полный отказ от спиртного означает здесь, прежде всего, определенную ступень на пути индивидуального духовного роста, что является делом, благим для любой религии [15].

Что касается Дагестана, то «синкретически сложившийся ислам с этнографическими родовыми особенностями местных сообществ» здесь претерпел «сильнейшее воздействие со стороны доисламских верований, обычаев, традиций» [17, с. 87]. Возможно поэтому здесь в средневековую эпоху сложилась практика спокойного восприятия служителями культа традиций выпивки вина и других алкогольсодержащих напитков. Обострение же борьбы духовенства против потребления спиртного относится к событиям, связанным с движением Шамиля и в большей степени с новой волной реисламизации, накатившейся извне.

Необходимо отметить, что не только «политика царизма» и «притеснение населения местным ханско-бекским сословием», но и распространившееся к этому времени в Дагестане пьянство стали во многом причинами реисламизации и разворачивания этого движения. Устоявшаяся в исторической науке версия, что причинами этого конфликта были только социально-экономические и социально-политические факторы, на наш взгляд, недостаточно исчерпывающе объясняет это сложное явление. Надо признать и то, что неполной является также оценка характера движения только как народно-освободительной и антифеодальной борьбы. Борьба сторонников шариата против «порчи» нравов (против пьянства) в отдельных селах нередко приводила к эксцессам, характерным для гражданской войны.

Реалии потребления хмельных напитков в первой половине XIX в. на Северном Кавказе и позиция духовенства

О традициях потребления хмельных напитков на Северном Кавказе в начале XIX в. ярко и образно писали в своих произведениях русские поэты и писатели, побывавшие на Кавказе. Описываемые Михаилом Лермонтовым в романе «Герой нашего времени» и Александром Бестужевым-Марлинским в повести «Аммалатбек» случаи пьянства, обычно происходившие на свадьбах и нередко сопровождавшиеся драками, дают представление об особенностях традиций досуга тех лет. Лермонтов облёк эти особенности жизни северокавказских обществ даже в поэтические строчки: «Чихирь и мёд кинжалом просят и пулей платят за пшено» [1]. Любопытны в этом плане и рассказы кавказского цикла М.Ю. Лермонтова, где есть и такие строки: «Как напьются бузы, так и пошла рубка»; «...пьют бузу, потом начинается джигитовка...»; «...натянулись бузы и пошла резня!» [11].

Это художественная литература, и названные писатели повествуют о традициях северокавказских равнин. Но дагестанские горские традиции не сильно отличались от них. О начавшейся «порче» нравов в дагестанском обществе в начале XIX в. ярко и публицистично писал очевидец событий Г. Гимринский [4, с. 84–187]. На его работе мы остановимся подробнее. Процессы формирования массовой светской культуры на Западе в начале XIX в. совпали с реисламизацией на Востоке и усилением идей «фундаментализма», «традиционализма», «возрожденчества» [6, с. 204], перекинувшихся и в Дагестан. Мюридизм и газават, утверждение шариатских норм «праведного» образа жизни в общинах, распространившиеся в Дагестане в первой трети XIX в., отражали эти идеи. Их активно претворяли в жизнь молодые люди, обучающиеся в медресе.

Нельзя не обратить внимания на то, что конфликт в горском обществе начинается как конфликт поколений. Социально активная часть молодого населения начинает бороться с вредными привычками (пьянство, табакокурение) и общественными традициями (адаты) отцов. Понятно, что шариат, в котором четко были прописаны табу на выпивку и пьянство в общине, стал знаменем борцов за новые порядки. Интересно, что подобные конфликты отцов и детей характерны и для сегодняшних дней. Верующая молодежь просит отцов не устраивать им свадеб с выпивкой.

При изучении вопроса надо иметь в виду и то, что более чем двухсотлетние традиции абречества, набегов горцев на соседние территории с целью захвата добычи, пленников также не могли негативно не отразиться на «порче» нравов в Дагестане. Эти длительные походы (конкретных материалов на эту тему нам не удалось выявить) провоцировали пьянство. Не было случайным, например, что гимринские мужчины, едущие для покупки мануфактуры в Дербент, просили разрешения у Газимухаммада пить спиртные напитки в дороге [4, с. 138–139].

Борьба за утверждение норм шариата привела в начале XIX в. к противостоянию молодых мусульман и адатной системы судопроизводства. Оно было связано и с тем, что ярой сторонницей адатной системы была местная знать. Возможно, поэтому против нее в первую очередь была направлена борьба молодых мусульман. Был еще один повод для нелюбви к ней. Дома местной знати часто становились и местом досуга со спиртным, о чем свидетельствуют материалы. Интересны высказывания одного из алимов своего времени Абдурахмана из Какашуры (умер в 1841 г.), который клеймил общество, где пьют бузу не только простые смертные, но и кадии, гостящие во дворцах местной знати (выделено нами. – *А.М.*) [2, с. 114].

В борьбе против местной знати духовенство активно критиковало традиции светского досуга, связанные с выпивкой. Исследователь Ч.С. Юсупова, ссылаясь на Али Каяева, пишет, что «Саид (из Аракань. – *А.М.*) любил устраивать со своими учениками шумные, веселые компании с музыкой, песнями и танцами, принимать участие в попойках и развлечениях ханов и шамхалов. Более того, он вынес фетву (решение, выносимое мусульманским духовным лицом), позволяющую мусульманину пить вино и бузу» [14, с. 41].

Существенной причиной «порчи» нравов стало и развитие несложных технологий винокурения. Винокурение, распространившееся в начале XIX в. в Дагестане (в селах горно-долинного виноградарства в частности), способствовало развитию в селах производства крепкого вина и спирта и торговле ими.

С развитием традиций винокурения стали усиливать крепость и традиционных напитков. Традиционная буза (жители с. Гимри называли ее «плоскостной бузой») обычно имела крепость 3–6 градусов. Об этом свидетельствуют и многочисленные интернет-материалы, описывающие технологии изготовления

бузы. Но с развитием винокурения (метод перегонки) появились и технологии повышения градуса бузы.

Для показа быта жителей предгорных сел начала XIX в. и особенностей потребления хмельных напитков приведем подборку выдержек из хроникальной повести «Газимухаммад» Г. Гимринского (в скобках после цитат мы даем страницы публикации и наши пояснения) [4]: Газимухаммаду засватали девушку, у которой «родители... имели много напитков» (90); «отец Газимухаммада (его звали Гидалав. – *А.М.*) часто ходил к ним и «искал себе удобств в отношении напитков» (90); «отец (Газимухаммада) шел впереди пьяный, пошатываясь» (91); «Гидалав, хотя и был хорошим ученым, отличался плохим характером. Другим он говорил, что “пьянящий” напиток не следует никак употреблять, а сам попивал сильно. Он вечно пьянствовал, не бывал никогда трезвым... В ночь, когда напивался, не ложился спать без того, чтобы не сделать чего-либо. Ночами, когда люди спали, он поджег девять домов, принадлежащих ненавистным ему и враждовавшим с ним аульчанам. Никто не знал, кто это сделал... О том, как много он пил, можно судить по тому обстоятельству, что в некий год им, кроме своего вина, оказалось выпитым и покупное стоимостью в пять туманов (50 руб.)»; эти деньги составляли в то время «очень много» (93). Гидалав, не стесняясь, мог тайком зайти в дом своего родственника и тайком выпить его вино (94). Когда Газимухаммад распространял среди гимринцев шариат, «старики, воспитывавшиеся на старых дедовских адатах, были против шариата, так как им было невмоготу воздержание от вина» (119). «При введении шариата... была разрешена к употреблению лишь плоскостная буза»; «буза, сколько бы ее ни пили, не вызывала опьянения, потому она и не была запрещена» (119). Вскоре Газимухаммад запретил пить и плоскостную бузу, которую могли делать и сами гимринцы; «до введения шариата гимринцы жили тем, что производили напитки, выжимали из винограда вино, гнали арака (водку) и торговали этим; «у Газимухаммада также бывало много напитков» (120); унцукульцы возили на плоскость яблоки и «продавали вино» (148). «В с. Араканы... пили вино и курили кальян» (146); «когда Газимухаммад проходил по араканским улицам, он нашел одного пьяного, лежавшего на дороге ничком» (134); когда некоторые гимринцы ехали в Дербент за мануфактурой, они обратились к Газимухаммаду с просьбой – «нет ли какой возможности разрешить нам выпивать (водки. – *А.М.*) понемногу». Газимухаммад посоветовал обратиться к местному дибирю, который, будучи

родом из Хунзаха, «был привычен к выпивке»; дибир попросил принести и «показать» напитки (водку и отстоявшуюся бузу); после этого дибир и все другие стали пробовать принесенное и допились «до того, что свалились» (138–139). Жители Гагатли, выступившие против войск Газимухаммада, «вышли пьяные» (151); в с. Буцра Газимухаммад застал «одну партию (людей) курящей в мечети, полной от того дымом» (160).

О распространении пьянства в горах свидетельствуют и другие факты. Сильно пил отец Шамиля (молодому Шамилю вдвойне было обидно из-за того, что над пьяным отцом смеялись соседи). Семь раз отец клялся перед сыном, что не будет пить, и каждый раз все начиналось снова [14, с. 15]. «Не отличался трезвою жизнью» даже после женитьбы Гамзатбек [14, с. 31], бросивший позже эту привычку.

Проблема потребления вина и других спиртных напитков в начале XIX в. стала превращаться в социальную проблему для многих сел Дагестана. Об этом свидетельствует и ряд правовых норм этого времени, выявленных Т.М. Айтберовым. Приведем их ниже. В 1813 г. Сурхай-хан II, кадий Сунгур Кумухский и авторитетные среди сельчан кумухцы приняли ряд правовых норм, среди которых была и такая статья: «Если кто-либо купит водку-арак или виноградное вино, то с такого человека возьмут в качестве штрафа одного быка». Сохранился и недатированный арабский текст из сел. Голотль (ныне Шамильский район РД), датируемый тем же временем, что и предыдущий. В данном документе имеются такие статьи: а) «на того, кто выпьет вино, наложить штраф стоимостью в одну корову»; б) «на того, кто изготовит вино у себя дома, хотя бы в малом количестве, налагать такой же штраф»; в) «на того, кто соберет компанию из якобы “друзей” (гьудулзаби), а в действительности, чтобы кушать и пить вино, причем безразлично – мужчины ли собрались тут или женщины, взимать такой же выкуп, т.е. одну корову»; г) «брать такой же штраф, т.е. одну корову, с того, кто начнет спорить и драться с человеком, которому поручено выявлять пьяных и брать с них штраф в одну корову, а если такой человек поранит противодействующего ему, то штрафовать его не будут» [13, с. 105–107]. Борьба с производством и потреблением вина и водки стала одним из направлений политики Шамиля и его сподвижников. Поэтому не случайно, что в низамах Шамиля «за пьянство, распространившееся среди горцев, число палочных ударов увеличивалось свыше 40» [3, с. 138].

Безусловно, что включение региона в сферу всероссийского рынка в начале XIX в. активизировало промысловую деятельность дагестанского населения в разных отраслях экономики, в том числе и в винокурении. В этой связи интересно, что кизлярские садоводы активно сажали у себя гимринский сорт винограда. Его называли «черный тавлинский» виноград [5]. Более конкретных сведений о том, как и когда это произошло, к сожалению, нет. Это был винный сорт винограда, и его популярность, видимо, была связана с его хорошими качествами для производства вина. Возможно, об этом хорошо знали и сами гимринцы.

В заключение статьи можно сказать, что в событиях, связанных с началом освободительного движения Шамиля, как показывают материалы, в первое время алкогольная проблема стала провоцирующим фактором и имела определенное значение в развертывании этого движения. В борьбе за утверждение шариата лидеры движения желали отучить население от употребления спиртных напитков, запрещали промыслы винокурения и торговлю спиртными напитками. Поэтому можно говорить о том, что развивающиеся традиции пьянства и случаи алкоголизма, присущие многим дагестанским обществам в начале XIX в., стали одной из причин начавшегося конфликта.

Современные тенденции потребления алкогольных напитков

В начале XIX в. реисламизация, начавшаяся в постсоветский период истории Дагестана в конце 1980-х – 1990-е годы, также сопровождалась жесткими запретами на потребление (точнее – на продажу) спиртного. В это время во многих горных селах Дагестана, по договоренности между местными жителями спиртное не продается вообще, а в других селах – в течение месяца Рамадан [9]. В соседней Чечне эти меры даже стали частью государственной политики. Указом президента Чечни Рамзана Кадырова продажа алкогольных напитков в республике была ограничена с 8 до 10 утра. Речь шла об алкогольной продукции, содержащей 15 и более процентов спирта. Кроме того, продажу алкоголя было решено запретить полностью в священный для мусульман месяц Рамадан, а также в дни разговения. Такую же практику запрета на продажу спиртных напитков во время месяца Рамадан можно наблюдать в Ингушетии, впервые введенную еще при Руслане Аушеве. Также поступил с приходом к власти и глава Дагестана

Р.Г. Абдулатипов, запретивший продажу спиртного во время месяца поста.

Проблема спиртного тесно связана со свадебной культурой. Набожная молодежь требует у родителей проведения своих свадеб без спиртного. Речь не только о свадьбах-мавидах, получивших распространение в последние годы, а об обычных свадьбах с музыкой, но без спиртного. Особенно такая практика развилась в соседней Чечне. На таких свадьбах появились и элементы компромиссных решений. Хозяева свадьбы не ставят на стол спиртное, но его скрытно приносят с собой приглашенные на свадьбу. Спиртное «на ходу» после начала свадьбы покупают и незаметно ставят на свадебные столы и отдельные родственники жениха или невесты. Так находят приемлемые решения, и спиртное появляется на столах мужчин, которые любят выпивку.

Заключение

Позиция ислама по отношению к потреблению хмельных напитков была неоднозначной. Противоречивыми были и складывающиеся исторические практики в том же Дагестане. Рост потребления хмельных напитков на Северном Кавказе в начале XIX в. спровоцировал гражданский конфликт в ряде обществ, ставший частью народно-освободительной, антифеодальной борьбы во главе с религиозными авторитетами Дагестана. Реисламизация конца XX в. вновь обострила эту проблему. Духовенство, поддержанное светскими властями, жестко выступило против роста потребления спиртного. Уже наметились более или менее четкие пути решения проблемы. Вместе с тем история потребления хмельных напитков, спиртного, сложившиеся и складывающиеся при этом практики еще раз убеждают в том, что, не отрицая необходимости активной борьбы против пьянства и чрезмерного потребления спиртного, важно стремиться к ограничению его употребления не государственными или шариатскими «сухими законами», а пропагандой здорового образа жизни, запретом доступа детей к спиртному и т.д.

Литература

1. Абдалов А. Дагестан накрыла волна антиалкогольного террора // Antiterror.kz. URL: [http:// www.antiterror.kz/dagestan/news_2011-02-11-08-41-26-532.html/](http://www.antiterror.kz/dagestan/news_2011-02-11-08-41-26-532.html/)
2. Акамов А. Суфийские художественные традиции в кумыкской литературе и творчество Абдурахмана из Какашуры. – Махачкала, 2003.
3. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: Обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана / Отв. ред. А.Р. Шихсаидов. – М.: Восточная литература, 2002.
4. Гимринский Г. Газимухаммад: хроникальная (историческая) повесть // Багадур Малачиханов: гражданин, интеллигент, ученый / Автор-сост. А.М. Муртазалиев. – Махачкала, 2004. – С. 84–187.
5. История виноградарства и виноделия России URL: <http://udacaca.ru/vinogradvino/44-vinograd/22--istoriya-vino-i-vinograd-v-rossii.html/>
6. Ислам: энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.
7. Космарский А. Как в исламском мире решали «алкогольный вопрос» / Lenta.ru URL: <http://lenta.ru/articles/2014/07/30/islamalcohol/>
8. Мец Адам. Мусульманский ренессанс / пер. с нем., предисловие, библиографический указатель Д.Е. Бертельса; отв. ред. В.И. Беляев. – М.: Наука, 1966.
9. Магомедов Абдулла Аль-Киялятилю. Алкоголизм. 31 июля 2009 / Islamdag.ru URL: <http://www.islamdag.ru/vse-ob-islame/1079/>
10. Новейший философский словарь: Хайам // Энциклопедии & Словари URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1324/ХАЙАМ/
11. Полканова А. Буза, махсыма / Сайт Ибадлаева Рустема о Крымско-татарской и Восточной кухне. URL: <http://rustemek.ucoz.ru/index/0-34>
12. Философский словарь / Gufo.me URL: http://gufo.me/content_fil/sufizm-3906.html
13. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. Т. 2 / сост. Т.М. Айтберов. – Махачкала, 1999.
14. Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. – СПб., 1889.
15. Энциклопедия: исторические заметки. Алкоголь в исламе. Отношение мусульман к спиртному. Автор Бахус / По материалам: portal-credo.ru Моисей Литвак // URL: <http://vodka.kiev.ua/vodka-and-history/history/alkogol-v-islame-otnoshenie-musulman-k-spirtnomu>
16. Юсупова Ч.С. Али-Гаджи из Инхо: Жизнь и творчество. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1997.
17. Яхьяев М.Я. Ислам в политических и социокультурных процессах на Северном Кавказе // Исламоведение. – 2014. – № 1. – С. 87.

*«Исламоведение»,
Махачкала, 2015 г., № 3, с. 53–61.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Ю. Андросова,

магистрант

(Московский государственный

лингвистический университет)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ТУРЦИИ

В XXI в.*

Одним из активных игроков в современных международных отношениях стала Турция. В последние месяцы особое внимание специалистов стали привлекать ее действия в связи с сирийским конфликтом. Вместе с тем для понимания логики и мотивов действий Турции важно учитывать не только ситуативные, но и константные обстоятельства. В частности, речь идет о геополитической стратегии страны, которая с недавних лет стала обретать признаки устойчивости и последовательности.

С точки зрения геополитики Евразию принято разделять на две составляющие: центральные земли (Heartland) и земли окраинные (Rimland). Многие представители классической геополитической мысли придерживаются мнения о том, что государства, имеющие выход к морским пространствам, имеют больше шансов на успех, нежели континентальные государства, т.е. так называемые «окраинные государства» имеют огромное преимущество перед «центральными землями». На протяжении многих веков моря и океаны являлись и являются торговыми путями, которые соединяют одни государства с другими, что обеспечивает им благополучие и процветание. Такие государства в классической геополитике называют талласократиями, они динамичны, подвижны, склонны к техническому развитию. Их приоритеты – кочевничество (особенно мореплавание), торговля, дух индивидуального

* Статья подготовлена в рамках Соглашения о сотрудничестве между ФГБУН ИНИОН РАН и ФГБОУ ВО МГЛУ от 12.04.2016 г.

предпринимательства. Цивилизации такого типа быстро развиваются, активно эволюционируют, легко меняют внешние культурные признаки, сохраняя неизменной лишь внутреннюю идентичность¹.

На основе вышеперечисленных признаков Турецкую Республику будет обоснованно отнести именно к талласократическим государствам. Наличие выхода страны сразу к нескольким морям и факт владения ею стратегически важными проливами, соединяющими Черное и Средиземное моря, во многом обуславливают направленность и содержание региональной политики страны.

Своеобразие геополитического положения Турецкой Республики, представляющей собой единый географический регион Малой Азии, накладывает свой отпечаток на определение и осуществление ее внутренней и внешней политики. Турция находится на стыке Европы, Азии и Африки. Страна обладает морскими границами, протяженность которых существенно превышает протяженность сухопутных.

Кроме того, наличие контроля над проливами Босфор и Дарданеллы превращает Турцию в «ворота» к евразийскому континенту и в то же время открывает важный путь из Евразии к странам Европы, Азии и Африки. Таким образом, согласно теории уникальности роли Римланда в противостоянии Моря и Суши, Малая Азия является ключевым региональным пространством геополитической модели мира, важнейшей контактной зоной Евразии².

Как известно, Турция омывается сразу четырьмя морями: Черным, Средиземным, Мраморным и Эгейским. Такое географическое положение Турции – двоякое по своим последствиям: выход к морям и океанам всегда имел для государства огромную ценность, вместе с тем со стороны этих просторов могут исходить разные опасности, угрожающие развитию страны в целом.

При этом на протяжении всего периода своего существования Турецкая Республика стремилась определить свою роль и место не только в регионе, но в мире в целом. Подобное стремление обуславливается особенностями ее геополитического положения, исторического пути и господствующей идеологии. Этот

¹ См. об этом: Дугин А.Г. Законы геополитики. – М.: Арктогея, 2000. <http://arctogaia.com/public/osnovygeo/geop13.htm#6>

² Достер Б. Турция между двух континентов, двух цивилизаций и двух сил // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Выпуск IX. – М.: МГУ, 2011. – С. 5.

процесс самоопределения не завершен и в настоящее время. В качестве подтверждения тезиса о том, что Турции в силу ряда причин до сих пор не удастся определить свое место, можно привести высказывание турецкого историка Танера Тимура: «Наше общество переживает кризис, который можно назвать культурным кризисом, проблемой самоидентификации. Мы не смогли определить в удовлетворившей бы нас самих степени свое место в мировой истории и свою цивилизационную принадлежность. Мы постоянно обращаем взоры к истории и стараемся разобраться в ней»¹.

Официально у Турции есть своя государственная идеология. После создания в 1923 г. Турецкой Республики Мустафой Кемалем Ататюрком была предложена новая национальная идеология страны, получившая название от своего основателя – кемализм. Кемализм представляет собой основную структуру идей и принципов государства, идеологий, экономики и социальных институтов, которые призваны обеспечить турецкой нации полную независимость, безопасность и благополучие сейчас и в будущем. Зарубежные исследователи утверждают, что индивидуальная и национальная поддержка кемализма и его защита являются гарантией развития, силы и процветания турецкого государства в будущем².

Главной целью реформ, начатых К. Ататюрком, была модернизация страны. После такого потрясения, которое пережила Турция после распада Османской империи, страна нуждалась в кардинальных преобразованиях. Основным вектором развития своей страны К. Ататюрк избрал вестернизацию. Вестернизация предполагала заимствование всего прогрессивного у европейской цивилизации и последующую его адаптацию к местным, турецким условиям³. Во внешней политике Турция стремилась соблюдать нейтралитет, лавируя при этом сразу между несколькими странами и континентами, что, в свою очередь, отвечало геополитическому положению страны. Главной задачей кемализма стал тогда отход от целей и принципов Османской империи, которая во многом вела захватническую и экспансионистскую политику. Следование

¹ Цит. по: Формирование национальной идеи. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX в. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001.

² What is kemalism? – <http://www.erkutaldeniz.com/what-is-kemalism/>

³ Турция после окончания Первой мировой войны. – <http://www.studfiles.ru/preview/4272408/>

этой концепции в большей или меньшей степени соблюдали все президенты, приходившие к власти после провозглашения Турции республикой.

Развал Советского Союза повлек серьезные геополитические изменения, повлиявшие на всю систему международных отношений в целом, сказались они и на Турции, которая, будучи неотъемлемой частью мирового сообщества, столкнулась с необходимостью переосмысления ценностных основ, а также приоритетов ведения региональной политики страны. Ведь вблизи границ Турции появились новообразованные соседние государства в Центрально-Азиатском регионе, изменилась и ситуация на Ближнем Востоке и Балканах. Следовательно, создались предпосылки для трансформации геополитической роли и стратегии Турции.

XXI век ознаменовался для Турции, как и для всего мира в целом, новым этапом в развитии человечества. Уже в 2001 г. в свет вышла ныне получившая серьезную популярность работа министра иностранных дел Турции А. Давутоглу под названием «Стратегическая глубина». В книге излагается принципиально новая концепция внешней политики республики в новом тысячелетии. С точки зрения автора, Турции необходимо научиться лавировать между интересами Европы, США, России и Ближнего Востока, пользоваться выгодой своего геополитического положения. Автор полагает, что Турции следует формировать и развивать свою внешнюю политику, основываясь на своей истории. Давутоглу заявляет, что для превращения Турции в региональную, а затем и мировую державу ей следует тщательно продумывать и выверять каждый шаг, который она делает в сторону того или иного региона, будь то Ближний Восток, Южный Кавказ, Балканы или Европа. Только путем последовательных и продуманных действий Турция сможет зарекомендовать себя как надежного союзника, который выстраивает свою региональную политику исходя из политики поиска взаимных выгод.

Для Турции начался новый период в истории страны. На парламентских выборах 3 ноября 2002 г. победу одержала Партия справедливости и развития (ПСР) во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом, идеология которой представляла собой сплав правого евразийства, умеренного исламского традиционализма и ориентации на США и ЕС¹. Получив 366 мест в меджлисе, ПСР получила право на формирование однопартийного правительства и сразу

¹ См.: Достер Б. Указ соч. – С. 10.

принялась за осуществление реформ, которых ждало население. В 2010 г. впервые с 1982 г. в Конституцию страны были внесены 24 поправки, разработанные правящей партией.

ПСР смогла добиться внушительных успехов в экономике. Превращение Турции в 17-ю экономику мира говорит о немалых заслугах партии. Наибольшим достижением Турции последних десяти лет, без сомнения, можно назвать экономические показатели. Для их оценки следует учитывать, что в стране почти полностью отсутствуют запасы нефти и газа, цена на бензин самая высокая в Европе. В этих условиях страна демонстрирует мощную динамику экономического роста. В 2010 г. ВВП достиг 1 трлн долл., увеличившись по сравнению с 2001 г. в 5 раз. Экспорт возрос более чем в 3 раза и достиг 114 млрд долл., причем в первую очередь Турция экспортирует не сырье, а продукцию своих промышленных предприятий¹. Важным направлением развития торгово-экономических связей стал Ближний Восток, товарооборот со странами которого увеличился на 53%². За время пребывания ПСР у власти Турция превратилась в один из крупнейших туристических центров мира.

Во внешней политике Партия справедливости и развития сделала акцент на многовекторности. Были выработаны следующие основные направления внешней политики страны:

- интеграция Турции в Европейский союз;
- реализация политики «ноль проблем с соседями»;
- превращение Турции в региональную державу;
- укрепление сотрудничества с США;
- наращивание сотрудничества с Россией;
- расширение связей со странами Африки.

Оценивая названные направления уже только по их перечню, нельзя не отметить их географическую и политическую разнонаправленность, а также фактическую выраженность в них претензий на региональное лидерство с дальнейшим распространением своего влияния за пределы Передней Азии. В частности, как показала политическая действительность, Турции весьма непросто поддерживать ровные отношения с глобальными и региональными

¹ См.: Достер Б. Указ соч. – С. 10.

² См.: Приход к власти Партии справедливости и развития. Основные направления ее деятельности. – http://mgimotc.ucoz.ru/stuff/istorija/istorija/prikhod_k_vlasti_partii_spravedlivosti_i_razvitiya_osnovnye_napravlenija_ee_dejatelnosti/2-1-0-28

актерами в условиях, когда их интересы постоянно сталкиваются, вплоть до возникновения конфликтов. Фактически Турции поневоле приходится выступать на стороне участников этих конфликтов. Кроме того, в реальной политике Турции, в ее геополитической стратегии за прошедшие годы все более явно стали проследиваться экспансионистские устремления.

В 2009 г. министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу предложил рассматривать политику «ноль проблем с соседями» в качестве официального вектора развития отношений с соседними странами. Официально МИД Турции объясняет эту доктрину следующим образом: «Осознавая тот факт, что развитие и прогресс в современном мире могут быть достигнуты лишь посредством безопасности и стабильности мировой системы, Турция ставит эту цель в центр своей концепции внешней политики. Этот подход является отражением политики “порядок дома, порядок в мире”, выдвинутый М. Ататюрком. Политика “ноль проблем с соседями” является воплощением ожиданий Турции касательно ее отношений с соседними странами. Турция хочет устранить все проблемы в отношениях с соседними странами или, по крайней мере, минимизировать их настолько, насколько это возможно»¹.

Официально демократические принципы устройства общества, светскость и верховенство права провозглашены базой, на которой основывается формирование и проведение внешней политики страны. Уровень, достигнутый Турцией в сфере экономики и демократии, расширил диапазон действий внешней политики страны и увеличил ее влияние в этой области.

Главной же особенностью региональной политики Турции является «быстрое реагирование» на события, страна стремится не оставаться безучастной, дожидаясь негативных последствий. Другой важной характеристикой внешней политики Турции является ее дальновидность. Провозглашается, что Турция стремится достичь такой ступени развития, где все страны будут жить в благополучии, создавая зону безопасности и стабильности, начиная с соседних стран.

В целом политика «ноль проблем с соседями», как это следует из официальных документов и заявлений, представляет собой действия, направленные на обеспечение безопасности страны посредством инструментов «мягкой силы» и исключительно дипло-

¹ Policy of zero problems with our neighbors. – <http://www.mfa.gov.tr/policy-of-zero-problems-with-our-neighbors.en.mfa>

матическими средствами. Относительно данной политики А. Давутоглу отметил: «Стране, которая постоянно испытывает трудности в отношениях с соседними странами, практически невозможно выстроить внешнюю политику на глобальном и региональном уровнях. ...При установлении отношений необходимо найти точки соприкосновения в культуре и экономике. ...Должен быть разработан комплексный план для развития экономических и культурных отношений, который позволит преодолеть проблемы безопасности с соседними странами»¹.

По сути, указанная доктрина является не столько руководством к действию, сколько предлагает один из вариантов реализации региональной политики. «Соседи» представляют собой не только страны, расположенные близ границ Турции, но и в широком смысле те, с которыми у нее есть культурное и историческое сходство и взаимные стратегические интересы. Известно, что данный курс во внешней политике был взят еще задолго до доктрины А. Давутоглу. Первым примером тому служит отказ Турции в предоставлении помощи США и их союзникам при интервенции в Ирак в 2003 г. Как было заявлено, «этот шаг со стороны Турции продемонстрировал своим соседям и миру, и даже самой себе, что Турция может и будет действовать от своего лица в делах, затрагивающих ее внешнюю политику»². Такое утверждение фактически является подтверждением тому, что в первую очередь Анкара анализирует возможные последствия для своей страны, не позволяя чужому мнению сбить ее с толку.

Современное турецкое руководство ставит своей целью установление доверительных отношений со странами региона, чтобы не только обеспечить свою безопасность, но и минимизировать вероятность возникновения новых или оживления «старых» неразрешенных противоречий, которые являются для нее дестабилизирующим фактором.

Несколько лет последовательной реализации принципов новой внешней политики дали свои результаты. Авторитет Турции в мире и на постосманском пространстве значительно вырос.

¹ Turkish foreign policy: From status quo to soft power // European stability Initiative. 2009. April. URL: http://www.esiweb.org/pdf/esi_picture_story_-_turkish_foreign_policy_-_april_2009.pdf#page=5 (Дата обращения: 20.02.2016.)

² Turkey's Foreign Policy: Zero Problems with Neighbors Revisited. – <https://richardfalk.wordpress.com/2012/02/08/turkeys-foreign-policy-zero-problems-with-neighbors-revisited/>

Значительные успехи были достигнуты в отношениях с арабским миром. В годы Первой мировой войны арабы приложили немало усилий для развала Османской империи и до последнего времени авторитет Турции был среди них невысок. С течением времени ситуация значительно изменилась.

На Балканах, Кавказе и в Центральной Азии Турция также проводит активную экономическую и политическую линию. Фактически Турция стремится стать политическим и экономическим лидером Ближнего Востока.

Популярность и успехи во внутренней и внешней политике, которых достигла ПСР за годы своего правления, всё в большей степени начали формировать в умах турецкого общества начала нового имперского мышления, которое впоследствии получило название «неоосманизм». Значительно улучшившееся экономическое положение страны, выстраивание более тесных и доверительных отношений с теми игроками, с которыми они ранее не поддерживались, действительно говорит о том, что политический вес Турции в регионе постепенно растет. Из простого зрителя, который раньше предпочитал лишь наблюдать за происходящим, Турция превращается в непосредственное действующее лицо, которое все увереннее чувствует себя на этой сцене. Современная Турция является уже не рядовой страной региона, а выступает с международными инициативами, заставляя остальных действовать с оглядкой на позицию республики.

Существует мнение о том, что идеи неоосманизма стали появляться почти сразу после смерти основателя республики К. Ататюрка. Более четкие очертания эта политика получила во времена президента Т. Озала на рубеже 80–90-х годов прошлого века. Сегодня неоосманизм называют не просто идеологией, а мировоззрением части турецкого общества. Подобные настроения общества и власти в первую очередь обусловлены исторической ностальгией, когда Турция была не маленьким государством, а целой империей с огромными территориями и обладала такой властью, о которой сейчас тайно мечтают многие в стране.

Часто термин «неоосманизм» связывается с политикой правящей сегодня Партии справедливости и развития. Специалисты считают, что невероятная внешнеполитическая активность, которая стала свойственна Турции в регионе с приходом Р. Эрдогана, представляет собой отход от устоявшейся на протяжении десятилетий идеологии кемализма в сторону восстановления некоего прообраза Османской империи.

Начав серьезные реформы внутри страны, Турция одновременно начала модернизацию имиджа страны в регионе. Республика превратилась в экономически развитое государство, что выдвигает его на передние позиции среди всех остальных. Провозглашение того, что отныне Турция будет являться светским государством, где будут параллельно существовать ранее несовместимые направления, такие как демократия, модернизация и ислам, вызвало у других стран чувство уважения к ней. В итоге появилось понятие «турецкой модели» государства, предлагающее передачу опыта Турции другим странам, вставшим на путь перемен. С другой стороны, в этом можно усмотреть явные попытки Анкары навязать другим государствам свой путь развития, уверяя в его перспективности и безошибочности и распространяя единое мышление среди них. Создавая себе подобных, турецкое государство облегчает себе путь в построении связей с ними и упрощает процесс навязывания собственных идей.

Наличие признаков концепции «нового османизма» в политике страны критикуется ее соседями. При этом стоит отметить, что на сегодняшний день правительство Анкары категорически отрицает наличие подобной доктрины и еще раз напоминает, что у Турции есть единственная, выбранная ею почти 100 лет назад идеология под названием «кемализм». Президент Р. Эрдоган и премьер-министр Турции А. Давутоглу утверждают, что Турция давно в прошлом оставила свои «имперские замашки» и ведет свое развитие совершенно в другом направлении. Однако многие специалисты доказывают совершенно обратное.

Возвращаясь к доктрине «ноль проблем с соседями», легко проследить, что посредством такой политики Турция стремится проводить политику мягкой силы для получения большего доверия со стороны стран региона, большей вовлеченности в их внутренние процессы, что в дальнейшем позволит ей начать управление ими в свою пользу.

Считается, что одной из причин формирования идеи неоосманизма является долгий и сложный путь вступления Турции в Европейский союз. После принятия многих западных основ и ценностей Турция так и не смогла удовлетворить требования Европы, что, в свою очередь, послужило стимулом к переосмыслению ею основ своего внешнеполитического курса. Резкий разворот в сторону стран Центральной Азии и Ближнего Востока и стремление посредством культурных, экономических и политических инициатив распространить свое влияние на этих землях полностью

в реальности совпадают с понятием «неоосманизм». При этом А. Давутоглу заявляет, что в силу своего исторического наследия Турция обязана вести активную деятельность в регионе во всех направлениях.

Вместе с тем стоит отличать новую форму неоосманизма от османизма, существовавшего во времена Османской империи. Современный неоосманизм включает в себя кемализм, или вестернизацию, как одну из альтернатив развития региональной политики страны, не исключая его вовсе. Сегодня Турция активно поддерживает тюркские народы центрально-азиатских стран, мусульманское население на Балканах, арабское население на Ближнем Востоке и Северной Африке.

Несмотря на отрицание со стороны правящей элиты Турции наличия подобных неоосманских устремлений, нельзя не учитывать того, что страна, являвшаяся великой империей в прошлом на подсознательном уровне, будет стремиться к наращиванию своего влияния, к обретению ареалов для его распространения.

В завершение следует отметить, что политические доктрины и стратегии находят свое отражение в реальной политике, которая строится с учетом их установок¹. Отсюда ясно, что интересы верного понимания политики Турецкой Республики, оценка ее перспектив требуют учета обстоятельств геополитической природы. Исходя из них, складываются определенные векторы в региональной политике Турции, которая стремится извлекать определенные выгоды из отношений с исламской и западной цивилизациями. Все более значимым становится и фактор исторического прошлого Османской империи.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

¹ См. об этом: Белозёров В.К. Доктрины и идеологии в системе политических институтов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – Вып. 24. – С. 31–40.

О. Бибикова,

кандидат исторических наук,

ст. научный сотрудник

(Институт востоковедения РАН)

ПРОБЛЕМЫ МАГРИБИНСКИХ ИММИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ

Среди иммигрантов, обосновавшихся в Европе в последние 100 лет, наиболее многочисленны выходцы из бывших колоний, в частности французских колоний в Северной Африке. Большинство из них изначально стремились трудоустроиться во Франции, затем в Бельгии и, наконец (после принятия закона о свободном перемещении внутри Шенгенского пространства), практически во всех западноевропейских государствах¹.

Уже в Первой мировой войне во французской армии воевали более полумиллиона солдат, в основном из Алжира, Туниса, Марокко, Сенегала и других стран Африки. Кроме того, сотни тысяч рабочих заменили французов в промышленности и сельском хозяйстве в метрополии. Уже тогда были отмечены случаи дискриминации мусульман во французской армии. Известно, что в 1913 г. капитан французской армии эмир Халид, внук национального героя алжирцев Абд аль-Кадира, в знак протеста против дискриминации вышел в отставку, однако после начала войны вернулся в армию. Тем не менее солдаты-мусульмане воевали не хуже французов. Именно против алжирских частей французской армии немцы впервые применили газы под городом Ипр в Бельгии. Впоследствии заслуги алжирцев на поле боя стали их политическим козырем в антиколониальной борьбе². В знак признательности воинам-мусульманам, которые защищали Францию, в 1926 г.

¹ Решение привлечь иностранных рабочих с самого начала не предполагало проведения последовательной политики интеграции иммигрантов в принимающее сообщество на условиях усвоения его основополагающих норм и ценностей. Переселенческая политика как комплекс взаимосвязанных мер в европейских странах не проводилась, и официально они не считались иммигрантами. Не случайно, что долгое время в законодательствах европейских стран понятие «иммигрант» было подменено понятием «иностранец». В частности, Эвианские соглашения 1962 г. гарантировали свободное передвижение граждан между Францией и Алжиром.

² Ланда Р.Г. Восток. – 2004. – № 1. – С. 57.

в Париже была построена мечеть¹. Вместе с алжирцами и тунисцами в Первой и Второй мировой войне во французской армии воевали марокканцы. Марокканские солдаты приняли участие в разгроме итальянских фашистских частей в Ливии в 1940 г., в освобождении Марселя, боях за Штутгарт и Тюбинген.

На современное отношение Франции к ее арабско-мусульманскому населению оказывает влияние эпоха колониального господства в странах Магриба, а также Франко-алжирская война 1954–1962 гг. Французское присутствие в Алжире было омрачено репрессиями в отношении коренного населения страны, способствовало возникновению внутренних конфликтов, последствия которых до сих пор еще не преодолены. Французская модель колонизации была также особой из-за сильного стремления внедрить на подвластных территориях французский язык и культуру.

Естественно, что за время своего присутствия в странах Магриба, и в частности в Алжире, французы насаждали свой менталитет, образ жизни. Одновременно шло «приручение» местного населения к французским порядкам, хотя на деле оно касалось довольно узкого слоя чиновников из числа местного населения. Позднее людей, овладевших основами французского языка, стало гораздо больше. Из них набирали солдат в спецподразделения оккупационных войск, рабочих на строительство дорог, организованные производства, а также чиновников в административный аппарат. Истории судеб этих людей и их потомков постоянно обсуждаются во французской печати. Периодически возникают дискуссии относительно тех алжирцев, которых называют «харки»². Эти люди служили французскому режиму в колониях в качестве гражданских чиновников или в составе военизированных подразделений. Накануне ухода французских колониальных войск из

¹ Первая мечеть в Европе, названная Шах Джахан, была построена в Англии в 1889 г.

² Харки – (harki – араб.) – военнослужащие из числа арабского и берберского населения, поступившие на службу во французскую армию во время алжирской войны (1954–1962). Позднее этот термин был распространен на всех алжирцев, лояльно относившихся к Франции и поддержавших идею присоединения Алжира к Французской Республике. Примерно 150 тыс. харки погибли в боях с членами Фронта национального освобождения, сторонниками независимости Алжира. После провозглашения независимости Алжира французские власти позволили значительной части харки (более 90 тыс.) переселиться во Францию. Здесь они положили начало алжирской диаспоре. В самом Алжире термин «харки» стал синонимом предательства.

Алжира «харки» были разоружены, однако те, кто не успел уехать во Францию, были уничтожены, как пособники колонизаторов, алжирскими повстанцами, пострадали и члены их семей. Однако часть «харки» спаслась, покинув Алжир. Фернан Бродель¹ в своей книге «Что такое Франция?», написанной в 1986 г., отмечал, что североафриканцев, служивших во вспомогательных войсках (Бродель называет цифру – 400 тыс. человек), «французская статистика не включает в число иммигрантов, потому что им предоставлено французское гражданство в награду за услуги, оказанные французской армии во время алжирской войны. После переговоров в Эвиане² они бежали во Францию, спасаясь от резни... И вот они здесь, одни раскиданы по всей стране так же, как иммигранты, но их сторонятся, и прежде всего выходцы из Алжира, видящие в них “коллорабационистов и предателей”... Ни они сами, ни даже их дети не могут вернуться в Алжир. Их заманили щедрыми посулами. Пришло время исполнять обещания. Мы в ответе за их судьбу, каковы бы ни были причины их верноподданнических чувств по отношению к Франции, с которой они более или менее добровольно связали свою судьбу»³.

Среди колониальных владений Франции Алжир занимал особое место: с 1830 по 1962 г. он был частью Франции (три департамента составили смешанную переселенческо-ресурсную колонию), поэтому он находился в ведении Министерства внутренних дел (а не колоний)⁴. Однако французское гражданство давалось алжирцам в виде исключения. Только после Первой

¹ Бродель Фернан (1902–1985) – известный французский историк и социолог.

² 18 марта 1962 г. в Эвиане были подписаны соглашения о прекращении огня, условиях самоопределения Алжира и основах будущих франко-алжирских отношений. В полдень 19 марта впервые за 88 месяцев на всей территории Алжира был прекращен огонь.

³ Бродель Ф. Что такое Франция? Люди и вещи. – М., 1986. – С. 193–194.

⁴ Правительственные акты, касающиеся Алжира, чаще всего имели подпись президента республики. Гражданское управление департаментами возглавлялось префектами (и генеральными советами), но туземное население должно было обращаться по своим делам к военным властям (дивизионным генералам). Коренные алжирцы считались не «гражданами», а только «подданными» Франции. В Тунисе и Марокко французское правительство сохранило местных монархов. Тунисский бей оставался номинально главой страны, но ни одно его распоряжение не имело силы без визы (согласия) французского резидента. То же было и в Марокко, где, несмотря на наличие колониального режима (с 1904 г.), сохранилась номинальная власть султана.

мировой войны (в 1919 г.) закон предоставил право гражданства тем коренным алжирцам, которые участвовали в войне или имели французские знаки отличия, располагали земельной собственностью, читали и писали по-французски. В 1920–1930-х годах в ряде французских владений были проведены отдельные реформы. В 1919 и 1937 гг. некоторые группы населения Алжира обрели право на получение французского гражданства.

Однако французская бюрократическая машина после ухода из своих бывших колоний не предусмотрела, что так называемые «смешанные» браки станут источником новых иммигрантов. Журнал «Экспресс» описывает ситуацию, когда алжирская семья, благодаря французскому гражданству своей прабабушки, которое она получила в тот период, когда Алжир был территорией Франции, смогла переехать во Францию. В конце концов благодаря французскому паспорту прабабушки, из Алжира во Францию выехали 52 человека!¹ И это не единичный случай. Автор статьи указывает, что таким образом из Алжира выехали 80 тыс. человек, а это примерно население небольшого города, например Кольмара. Суды ряда городов – Нима, Монпелье или Марселя – до сих пор завалены заявлениями на получение французского гражданства подобными алжирскими семьями.

Тогда же были созданы учебные заведения, готовившие из местных жителей кадры для колониальной администрации всей Французской Западной Африки. Из африканского населения стали формироваться части французской армии – батальоны сенегальских стрелков. Целые поколения школьников учили французский язык, воспринимая себя французами и не связывая себя с принадлежностью какой-либо другой национальности². Сегодня многие потомки этих людей уже перебрались в свою бывшую метрополию.

Адаптация выходцев из бывших колоний Франции происходила по-разному. Первая волна иммигрантов-гастарбайтеров состояла из холостых мужчин, которые работали по контракту. Когда он заканчивался, работодатель продлевал его, так как нанимать новичка без знания основ французского и особенностей ремесла было не выгодно. Позднее иммигранты получили право вызывать к себе семьи, уезжали на родину, чтобы жениться, после чего возвращались в Европу. Но были и те, кто не смог реализо-

¹ L'Express. – P., 05.09.2002. – P. 28–29.

² <http://www.astravel.ru/13994.phtml>

вать себя как семьянина, что у мусульман считается невыполненной миссией. Французский режиссер Рашид Ужди (Rachid Oujdi) снял короткометражный фильм «Шибани» («les Chibanis») о жизни пожилых иммигрантов, оставшихся холостяками.

Но были и другие причины, осложнявшие адаптацию иммигрантов. Особенно сложно происходила адаптация выходцев из Алжира. Последствия Франко-алжирской войны 1954–1962 гг. тяжело сказались на обоих народах. В последние годы алжирские интеллектуалы, в том числе живущие во Франции, прилагают немалые усилия для того, чтобы рассказать правду об этой войне. Однако в 90-х годах правящие круги Франции предприняли попытки по-новому интерпретировать колониальное присутствие в Алжире, подтверждением чего стали памятники павшим бойцам ОАС¹, сооруженным в Тулоне, Перпиньяне и некоторых других городах, а также вновь созданные музеи: Музей истории французской колонизации Алжира (1830–1962) в Монпелье, Музей алжирской войны и деколонизации Марокко и Туниса в департаменте Тарн, Музей французских репатриантов из колоний в пригороде Лилля, Национальный мемориал Заморской Франции в Марселе, наконец, Национальный центр истории иммиграции на месте бывшего Музея колоний в Пор-Доре (Париж). Таким образом, речь идет о стремлении «позитивно» пересмотреть колониальный период в истории Франции.

Начало этому пересмотру на официальном уровне положил бывший президент Франции Жак Ширак (Jacques Rene Chirac – 1995–2007). Открывая монумент Памяти гражданских и военных, погибших в Северной Африке, 11 ноября 1996 г., он подчеркнул «важность и богатство работы, которую осуществила там Франция и которой она должна гордиться». Был выдвинут постулат о совместимости республиканских ценностей (свобода, равенство и братство) с колониализмом.

Позднее министр внутренних дел Франции Ж.-П. Шевенман (Jean-Pierre Chevenement) в журнале «Нувель обсерватор» выступил с лозунгом «Перестанем стыдиться!»². В своем призыве он делал упор на позитивные моменты колонизации. К ним он относил

¹ ОАС – (Organisation de l'armée secrète) – французская подпольная ультраправая организация, основанная в 1961 г. и действовавшая на территории Алжира, а также Франции и Испании. Выступала против предоставления независимости Алжиру, а также против республиканского строя во Франции.

² Nouvel Observateur. – P., 25.10.2001.

школьное образование, которое, по его словам, стало «интеллектуальным оружием освобождения»¹. К этому стоит добавить, что на самом деле вся работа алжирских патриотов велась на французском языке, почти все лидеры алжирской революции кончали французские учебные заведения, а деятели алжирской культуры (писатели Мухаммад Диб, Мулуд Фераук, Мулуд Маммери, Каддур Мхамсаджи, актер и режиссер Мустафа Катеб, многие художники, например, Мухаммад Исмахен и Башир Йеллег, музыковед Башир Хадж Али и др.) были типичными франкоязычными интеллектуалами.

Сегодня главным документом переосмысления Францией колониального прошлого стал закон от 23 февраля 2005 г., в котором была зафиксирована «признательность женщинам и мужчинам, участвовавшим в работе, которую Франция проделала в бывших французских департаментах Алжира, в Марокко, в Тунисе, в Индокитае и на всех территориях, где она ранее установила свой суверенитет» (ст. 1)². Закон вызвал весьма противоречивую реакцию. Правые встретили его восторженно как признание колонизации «великой эпошей» в истории страны, некоторые даже увидели здесь моральную компенсацию за закон, принятый в мае 2001 г., который признал рабство «преступлением против человечества». Одновременно закон вызвал бурю возмущения среди выходцев из французских колоний во Франции и населения стран Магриба. Спустя 11 месяцев президент Ж. Ширак был вынужден вернуть ст. 1 закона от 23 февраля в Национальное собрание для переработки.

В 2010 г. на Каннском фестивале состоялась премьера фильма «Вне закона» («Hors-la-loi»), который вызвал резкую полемику и даже протест со стороны нескольких депутатов французского парламента. По случаю премьеры в Каннах были приняты беспрецедентные меры безопасности. В день показа фильма полиция города приняла особые меры безопасности: был перекрыт центр города, на пресс-показе у журналистов отбирали бутылки с водой, а на знаменитой каннской красной ковровой дорожке дежурили представители национальной гвардии. В центре сюжета фильма судьба трех родных братьев, переживших алжирское восстание 8–17 мая 1945 г. Перебравшись в Париж, они становятся членами

¹ Bancel N., Blanshard P., Lemaire S. La fracture coloniale: Un crise française. La société française au prisme de L'héritage colonial. – P., 2006. – P. 21.

² Ibid. – P. 18.

подпольной структуры алжирских борцов за независимость. Одной из центральных сцен картины является резня, имевшая место в мае 1945 г. в алжирском городе Сетифе, когда, по данным алжирских историков, погибло несколько тысяч человек из числа коренных жителей. Режиссер фильма Р. Бушарб сказал: «Это – нарыв, который существовал многие десятилетия. Теперь этот нарыв вскрылся, и я надеюсь, что мы, наконец, сможем спокойно обсудить эту тему, выслушав позиции обеих сторон»¹.

Попытка обратить внимание французской общественности на острые моменты во франко-алжирских отношениях была не случайной. Дело в том, что начавшаяся во Франции дискуссия по поводу колониальной экспансии Франции была использована правыми партиями для продвижения своих идей по поводу депортации из страны части гастарбайтеров-уроженцев Магриба. «Под вопрос была поставлена национальная мифология, основополагающий для коллективной идентичности образ Франции, в котором соединялись революционные ценности и мессианский универсализм, республиканский правопорядок и неукоснительная терпимость к Другому, “цивилизаторская миссия” и страх перед инаковостью»². Большинство участников дискуссии утверждали, что ее начало положили те, кто считает себя жертвами колониальной экспансии³. Однако Франция оказалась не готова к пересмотру своего колониального прошлого, тем более к признанию своих ошибок.

Так, 23 февраля 2005 г. Национальное собрание Франции приняло закон о репатриантах, в котором, в частности, содержалось требование, чтобы во французские школьные программы была включена положительная оценка французского присутствия на заморских территориях, и прежде всего в странах Северной Африки. Однако через два месяца, когда это стало широко известно сначала во Франции, а затем – в Алжире, разразился скандал.

Представители иммигрантских организаций резко осудили попытку представить колониальный период в истории их стран в позитивном свете. Против подобной трактовки истории выступили и французские историки. Их возражения получили широкую

¹ <http://www.russian.rfi.fr/frantsiya/20100521-film-o-voine-v-alzhire-sol-nastarye-rany-frantsuzov>

² Bancel N., Blanshard P., Lemaire S. La fracture coloniale: Une crise française. La société française au prisme de L'héritage colonial. – P., 2006. – P. 10–11.

³ Chaumont J.-M. La concurrence des victimes. – P., 1997. – P. 10.

огласку, хотя официальная печать и телевидение стремились не обращать внимания на них. 25 марта 2006 г. группа известных историков выступила за отмену требования пересмотреть в школьных программах политику Франции в колониях. Президент Франции Жак Ширак поручил спикеру Национального собрания Жану-Луи Дебре провести анализ ситуации и представить свои предложения.

Известный историк Пьер Нора¹ сказал, что определять отношение к прошлому с помощью закона – «чисто французская тенденция». «Думаю, что это вызвано традиционно интенсивной связью, которую Франция поддерживает со своей историей, – считает он. – В других странах нацию сформировали язык, экономика, народная культура, а во Франции – история. Создана огромная сага, национальный роман от галлов до де Голля. После Революции (1789) история стала главным инструментом формирования гражданского и коллективного сознания»². Особую тревогу ученого вызывает приобретающее все большее распространение мнение о том, что «память выше истории, так как она связана с моралью». П. Нора считает, что «историкам следует сопротивляться этой тенденции. Ведь преподавать историю рабства и колонизации нужно не потому, что это хорошо или плохо, а просто потому, что это большой период формирования современного мира»³.

В своей статье «Расстройство исторической идентичности» П. Нора пишет: «Потрясения истекшего века заставили все страны предъявить счета к своему собственному прошлому... Однако ни одна другая страна не испытывает таких противоречивых чувств к своей истории, как наша, что является одновременно и одним из ярчайших симптомов, и одной из глубочайших причин нынешнего французского недомогания»⁴.

Развернувшаяся дискуссия обнаружила разное восприятие гражданами Франции последствий франко-алжирской войны. Потомки иммигрантов были возмущены тем, что сегодня всем детям (в том числе потомкам иммигрантов) в школе внушают, что «их предками были галлы». Историк П. Бланшар заявил, что замалчи-

¹ Пьер Нора (1931 г.р.) – современный французский историк, бывший директор Высшей школы социальных исследований, председатель ассоциации «За свободу истории», резко протестующей против появления во Франции новых законов, дающих оценку прошлому и мешающих историческим исследованиям.

² Le Monde. – P., avrile, 2006.

³ Ibidem.

⁴ <http://www.ladoga-park.ru/a100415154127.html>

вание факта колониализма однозначно принесет негативные плоды. «Французы боялись, что историческая правда дезинтегрирует французское общество, однако зло уже совершилось. На городских окраинах рождается культура этнически окрашенных территорий, где живут внуки колониального разлома... Вот уже в течение трех-четырёх лет Франция ведет двусмысленную политику памяти. С одной стороны, создаются мемориальные комплексы, посвященные историческим событиям, а с другой – с помощью официальных заявлений и текстов законов утверждается нормативное и позитивное видение колониальной эпохи. Между тем сводя колониальный период к “старым добрым временам”, замалчивая насилие и преступления, французам попросту предлагают ложное представление об истории», – утверждает французский историк¹.

Дискуссия о новом законе привлекла внимание алжирцев, проживающих во Франции, а также в самом Алжире. Президент Алжира Абдельазиз Бутефлика, выступая в Сетифе 25 августа 2006 г., заявил, что «Франция должна признать свои деяния во время колонизации в Алжире в 1830–1962 гг.». Бутефлика заявил, что «колонизаторы таким образом пытались уничтожить алжирскую самобытность, утверждая, что... у нас нет ни культуры, ни языка, ни истории»².

Другое событие, которое периодически болезненно напоминает о себе, – расстрел мирной демонстрации алжирцев в Париже 17 октября 1961 г. Это был разгар войны в Алжире, когда 30 тыс. алжирцев по призыву подпольного Фронта национального освобождения пришли с окраин в центр столицы, чтобы выразить протест против комендантского часа, введенного префектом полиции М. Папоном³. В результате расстрела мирных демонстрантов, по разным оценкам, погибли от 50 до 200 человек, трупы которых плыли по Сене. Кроме того, было арестовано 11 тыс. человек. Историк Второй мировой войны А. Тасма назвал это событие «постыдным семейным секретом». Таким образом, многолетние

¹ Le Monde. – P., avrile, 2006.

² Компас ИТАР-ТАСС № 12, 2006. – С. 67.

³ Морис Папон – префект Парижа в 1958–1967 гг. Именно по его приказу 17 октября 1961 г. была расстреляна демонстрация алжирцев. В 1998 г. он был осужден за военные преступления (в основном за те, что он совершил во время войны с Германией). В 2002 г. Папон был отпущен на свободу по состоянию здоровья, а в 2004 г он был восстановлен в правах пенсионера Сопротивления. Скончался в 2007 г.

попытки подавить и заглушить неприятные воспоминания о колониализме при помощи административно-силовых методов или лицемерного молчания не приносят желаемых результатов.

Среди французов нет единого мнения относительно того, как относиться к колониальному прошлому. Историк Оливье Лекур-Гранмезон считает, что «ревизия колониального прошлого подвергает сомнению образ республики как оплота прав человека»¹. Любопытно, что в дискуссию о провале иммиграционной и интеграционной политики включились французские кинематографисты, выпустившие на экраны несколько фильмов о войне в Алжире, в том числе документальный фильм «Кровавые годы Алжира» (производство Франция – Великобритания, 2003), а также художественные фильмы «Темная ночь» (2005), «Близкие враги» (2007), которые заставили общественность Франции вновь обратиться к анализу происшедшего.

Можно констатировать, что во Франции существует латентный конфликт между сторонниками образа Франции как оплота братства, равенства и справедливости и теми, кто требует признать исторические ошибки, покаяться и принести извинения тем народам, которые пострадали в колониальный период. Разное отношение к событиям колониального времени (так же как и у коренных французов, чьи предки воевали в Северной Африке) существует у репатриантов (французов, вынужденных уехать из получивших независимость колоний) и иммигрантов, жителей бывших колоний.

Достаточно сложно определить точное число мусульман во Франции. В 2002 г. их было примерно 4 млн, из них 3 млн – выходцы из стран Магриба, 315 тыс. прибыли из Турции, 250 тыс. – уроженцы Черной Африки и 100 тыс. – Азии. Из них только 5% практикует регулярно, это в основном *шибани* – первое поколение мусульманских иммигрантов. По информации авторитетного французского журнала «Экспресс», в тот период было 1535 культовых помещений. Мечетей, которые могут вместить более 1 тыс. человек – 15, из них 70% посещает ежемесячно 100 человек. Число имамов – 900, среди них 90 иностранцев, обучавшихся на теологических факультетах Египта, Турции и Магриба. Всего к практикующим относят 36% живущих во Франции мусульман². К 2010 г. мусульман во Франции было уже свыше 5 млн человек (население

¹ Компас ИТАР-ТАСС № 12. – 2006. – С. 71.

² L'Express. – P., 3.1.2002. – P. 51.

Франции на 2008 г. насчитывает 64,5 млн человек)¹. На самом деле речь идет уже о третьем поколении иммигрантов из мусульманских стран. В этой связи возникает вопрос о том, сохранили ли они приверженность исламу или, получив французский паспорт, утратили веру отцов. Ответить на этот вопрос довольно трудно, тем более что многие религиозные традиции сохраняются как культурные наряду с европейскими ценностями. Однако значительная часть иммигрантов и членов их семей по-прежнему тяготеет к этническим группам, несмотря на универсализм ислама. Можно сказать, что их позиция умеренно-традиционалистская, что объясняет их отказ воспринимать новые европейские тенденции, такие как эрозия традиционной семьи. В то же время стереотипы поведения иммигрантов (появление женщин в хиджабе, осуществление намаза около мечети, не вмещающей всех желающих, публичное закалывание ритуальных животных и т.д.) вызывают раздражение французского обывателя.

Как бы в ответ на растущую ненависть к мусульманам, в мае 2003 г. было создано «Движение светских мусульман Франции» («Mouvement des Musulmans Laïques»), которое защищает концепцию «умеренного ислама». Члены этого движения стремятся донести до французской общественности, что ислам не противоречит республиканским ценностям, уважает другие религии, отвергает ненависть и насилие и одновременно выступает за свободу вероисповедания для всех верующих. Французские исследователи отмечают, что арабо-мусульманское (магрибинское) сообщество чрезвычайно разнообразно и включает в себя разнообразные страты, в том числе элиту, которая стремится занять соответствующее положение во французском обществе. В частности, Б. Этьен считает, что формирование мусульманского «среднего класса», активизация деятельности организаций, прокламирующих умеренный ислам, свидетельствуют о том, что интеграционный механизм действует достаточно эффективно². Сюда следует добавить, что ношение хиджаба мусульманскими женщинами никогда не было тотальным.

На рубеже XX–XXI вв. во Франции было зарегистрировано более 2 тыс. исламских организаций (в том числе женских, молодежных, спортивных и культурных сообществ выходцев из

¹ http://www.islam-today.ru/islam_v_mire/ostalnoj-mir/islam_i_musulmane_vo_francii/

² Le Monde. – P., 12.04.2004.

отдельных стран). Однако надо отметить, что не все они функционируют в полной мере. Существует 2300 мечетей и молельных домов, которые отражают этническое разделение иммигрантов из мусульманских стран. Характерно, что ряд французских исследователей (О. Руа, Ж. Кепель) считают, что светскость и секуляризация, столь характерные для французского общества, оказали свое влияние: в среде мусульманских интеллектуалов появились демократически мыслящие люди. Тем не менее общественно-политическая ситуация в мусульманском мире и ее отражение в европейских СМИ продолжают оказывать негативное влияние на обывателя, о чем свидетельствует Интернет.

События ноября 2005 г., когда подростки (тунисского и малийского происхождения), убегая от преследования полицейских, спрятались в трансформаторной будке и погибли от электрического разряда, повысили градус дискуссии вокруг проблемы иммиграции. Случившееся вывело на улицы тысячи иммигрантов, которые требовали разобраться в ситуации. На первых страницах французских СМИ обсуждался вопрос о так называемых «проблемных кварталах». Выяснилось, что «во Франции 750 проблемных кварталов, их население – более 4,5 млн человек. Фактически целая страна живет в гетто, где царят безработица, теневая экономика и наркоторговля. Вырваться из объятий пригородов нереально: молодежь рано бросает школу, замыкается в себе или попадает под влияние исламских радикалов, называет французское государство “расистским”. Многие социологи считают, что “кризис окраин” 2005 г. – свидетельство провала французской интеграционной политики»¹.

По мнению ряда наблюдателей, разрастания конфликта можно было бы избежать, если бы не опрометчиво брошенные слова тогдашнего министра внутренних дел Н. Саркози о том, что он «очистит керхером» (*netoyer au karcher*) пригороды Парижа от «этого сброда». Слова, произнесенные Саркози в эмоциональном состоянии, стали своеобразным «объявлением войны» иммигрантской молодежи, проживающей в неблагополучных кварталах парижских окраин.

В ходе обсуждения причин произошедших событий высказывалась точка зрения относительно «агрессивности носителей ислама», однако Катрин Витоль де Венден, директор исследовательских программ Центра исследований международных отно-

¹ Огонек. – М., 6–12 ноября 2006.

шений, представитель института политических наук Парижа, по поводу беспорядков в Иль-де-Франс заявила, что «ислам особой роли в этих событиях не играл. Главное, что имело значение, это бедность и недостаточно серьезное отношение к проблеме иммигрантов со стороны политиков». По ее мнению, «выступления иммигрантов во Франции были обусловлены непродуманной политикой властей по отношению к ним, а также дискриминацией со стороны полиции и работодателей»¹.

Следует отметить, что если старшее поколение иммигрантов, теща себя надеждой разбогатеть, а затем вернуться домой, не обращало внимания на условия проживания, то нынешняя иммигрантская молодежь воспринимает ситуацию без иллюзий. Они родились во Франции и учились во французских школах, их наставники готовили своих учеников – коренных французов и детей иммигрантов – к равным условиям, которые были обещаны французским гражданам Конституцией. Однако иммигрантская молодежь изначально ощущает себя не совсем полноценными французами, что затрагивает самолюбие и подталкивает к девиантному² поведению. По мнению американского социолога Р. Мертона³, девиантное поведение возникает прежде всего тогда, когда общественно принимаемые и задаваемые ценности не могут быть достигнуты частью этого общества. Примерно треть иммигрантской молодежи во Франции после не слишком успешного обучения в школе остается без аттестата. Уровень безработицы в иммиграционных слоях в среднем в 2 раза выше, чем среди коренных французов, независимо от уровня образования. Молодежная безработица в «неблагополучных кварталах» достигает 40%. Если уровень перенаселенности жилищ в стране в среднем находится на уровне 18%, то у выходцев из стран Магриба и Тропической Африки он превышает 40%. Наконец, более двух третей заключенных (разного возраста) во Франции составляют представители иммиграционных общин⁴. Даже успешные выпускники

¹ Независимая газета. – М., 12.04.2006.

² Девиантное поведение – совершение поступков, которые противоречат нормам социального поведения в том или ином сообществе. К основным видам девиантного поведения относятся преступность, алкоголизм и наркомания, а также самоубийства, проституция.

³ Роберт Мертон (1910–2003) – один из самых известных американских социологов XX в. Автор работ по девиантному поведению.

⁴ Covention UMP «Une immigration choisie, une integration reussie»: <http://www.u-m-p.org>

учебных заведений из числа выходцев из Северной Африки после рассылки своего резюме имеют в 5 раз меньше шансов получить приглашение от работодателя на собеседование, нежели коренной француз, имеющий тот же уровень образования.

Выходцы из стран Магриба, иммигрировавшие в европейские государства, находятся в специфических условиях, которые влияют на их психологическое состояние: старая (родительская) система координат, бывшая на родине, утрачена, а новая – чужда, ибо она построена на других ценностях. Не случайно, что между представителями первого поколения гастарбайтеров и их детьми, родившимися в Европе, возникает отчуждение, ибо опыт старшего поколения, основанный на культурных традициях арабской родины, в новых европейских условиях остается невостребованным. Неизбежен конфликт поколений, в результате которого молодежь сбивается в стаи, где правовой нигилизм становится обыденным явлением, нормой поведения.

Исследователи отмечают, что для мусульман, проживающих в европейских странах не одно десятилетие, «отчужденность от европейского общества не только не ослабевает, а напротив, усиливается»¹. Для некоторых иммигрантов приверженность исламу (иногда в наиболее радикальной форме) становится средством выражения их идентичности и одновременно социального протеста против дискриминации и унижения, проявляемыми благополучными европейцами. Таким образом, «культурная и социально-экономическая сегрегированность мусульманских сообществ в Европе обуславливает их приобщение к враждебному Западу исламскому фундаментализму»².

Выраженной этнической дискриминации во Франции, на первый взгляд, нет, ибо все прекрасно знают, что это не соответствует демократическим лозунгам и политкорректности. Тем не менее есть расслоение по социальному признаку, где иммигранты в основном представлены низшими слоями общества. В этом смысле французское общество довольно закрытое, жестко стратифицированное. И если в детстве все вроде бы равны, то по мере взросления социальные барьеры растут и в конце концов начинают совпадать с этническими.

¹ Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 4. – С. 6.

² Там же. – С. 7. См. также: Космополис, 2008, № 3. Статья Ю. Нетесова «Политика стран Европы и радикализация мусульманских общин».

Теодор Зелдин (Theodor Zeldin), профессор Оксфордского университета, автор книги «Все о французах», писал: «Иностранец, приехавший во Францию на работу, должен быть толстокожим. Слесарь по ремонту холодильников, он из Испании, убежден, например, что никогда в жизни с ним не обращались так плохо, как в момент, когда он запросил разрешение на работу... Он испытал горькое разочарование, встретив в стране, которой он издали восхищался как родиной свободы и антиколониальной борьбы, столько лицемерия и жестокости...»¹.

Вот что пишут о французах Ник Янн (англичанин) и Мишель Сиретт (француженка по матери) – журналисты «Financial Times»: «Французы считают себя единственной по-настоящему цивилизованной нацией в мире и уверены, что их задача – вести остальные народы за собой, освещая им путь ореолом собственной избранности»². Подобные высказывания нередко можно услышать и от самих французов. Это предполагает наличие у французов этнических предубеждений, негативных установок по отношению к людям, принадлежащих к иному этносу. Предубеждение основано на стереотипах восприятия, трактующих иной этнос в негативно окрашенных тонах. Факторами, способствующими формированию негативных стереотипов восприятия, являются иной внешний вид, поведение, не соответствующее нормам морали и этикета принимающего общества, а также исторический опыт взаимодействия с представителями иного этноса. Именно эти факторы препятст-

¹ Зелдин Т. Все о французах. – М., 1989. – С. 372.

² Nick Yapp, Michelle Syrette. The Xenophobe's Guide to The French. – L., 1993. – P. 6. Далее авторы с иронией пишут: «...Французы видят славу для себя и в том, что остальным представляется поражением. Поскольку Франция выиграла практически все войны, в которых когда-либо участвовала, то французы уверены: их Родина не может не быть победительницей. В этой связи они никак не перестают удивляться, зачем это англичанам понадобилось называть лондонский вокзал Ватерлоо – в честь битвы, которую французы проиграли» (там же). Добавим к этому, что Наполеон, ввергший свою страну в череду войн, в результате которых Франция потеряла значительную часть своей армии и территорий, был в 1840 г., почти через 20 лет после своей смерти в 1821 г., захоронен под куполом Дома инвалидов, олицетворяющего всю военную историю Франции. На полу в кольце вокруг саркофага Наполеона перечислены победы Наполеона, среди них указаны Москва и Бородино. А между тем только в результате Лейпцигского сражения французская армия потеряла 65 тыс. человек. Всего французские потери в ходе Наполеоновских войн составили около 1 млн человек (<http://www.history.white-society.org/27.htm>).

вуют преодолению негативизма в отношениях между французами и иммигрантами – выходцами из стран Северной Африки.

Наш соотечественник Михаил Тульский в своей статье «Треть европейцев – ярые расисты» пишет: «Утверждения о расизме Запада – не только пропагандистская инвектива левых интеллектуалов. Расизм вплетен в ментальность, культуру и повседневность западных обществ... При этом европейский расизм парадоксально сочетается с требованием признания гражданского и социального равенства иммигрантов»¹.

Французские исследователи считают, что возникшая ситуация является проявлением «кризиса национальной идентичности»², в котором нашли выражение и структурный кризис экономики, и нарастающие трудности интеграции иммигрантов, и идейно-теоретические сложности признания культурных различий.

*«Африканская миграция в контексте современных международных отношений» (Институт Африки РАН),
М., 2015 г., с. 158–172.*

И. Добаев,

доктор философских наук,
профессор (Южный федеральный университет)

Р. Гаджиев,

кандидат политических наук, эксперт
(Центр региональных исследований),
г. Ростов-на-Дону

РАДИКАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ ИСЛАМИСТСКОГО ТОЛКА В США: ЭТАПЫ ПОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Ислам в Северной Америке появился в начале XVIII в., когда сюда были привезены негры из Западной Африки, примерно каждый пятый из них был мусульманином (позднее большинство

¹ Независимая газета. 06.12.2000.

² В российской литературе выражение «национальная идентичность» употребляется только в переводной литературе. Для нас более понятно выражение «национальное самосознание», под которым подразумевается совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и др. взглядов, характеризующих содержание, уровень и особенности духовного развития наций и народностей. Одновременно этот термин включает в себя отношение нации к различным ценностям общества, отражает процесс ее исторического развития.

из них было обращено в христианство)¹. Этот процесс усилился в конце XIX в.: начиная с 1878 по 1924 г. в Америку влилась волна иммигрантов из арабских провинций Османской империи, большей частью из региона, называвшегося в то время Великой Сирией. Это были сирийские, иорданские и ливанские иммигранты, которые использовались как рабочая сила. Впоследствии большинство из них возвратилось на родину, но некоторая их часть осталась, образовав мусульманские анклав, в частности в штатах Айова и Северная Дакота. Позднее такие анклав появились в Детройте, Питтсбурге и Индиане. Однако их рост практически прекратился в 1924 г. в связи с тем, что в США были приняты закон об «азиатах» (арабы были отнесены к «азиатам») и закон Джонсона–Рида об иммиграции, которые свели поток иммигрантов-«азиатов» практически к нулю. Однако после создания Государства Израиль в 1948 г. в Америку устремились палестинские беженцы. С принятием в 1952 г. закона МакКаррена–Уолтера и проведением в 1965 г. иммиграционной реформы численность мусульман-иммигрантов продолжила свой рост. Таким образом, американцы-мусульмане, выходцы из Африки, Ближнего Востока и Южной Азии, сформировали сообщество американских мусульман². Попутно появлялись и культовые учреждения: первая мечеть была построена в штате Мэн албанскими эмигрантами в 1915 г.

Численность мусульман современной Америки заинтересовала власти после событий 11 сентября 2001 г. Однако эти данные сильно варьируются в зависимости от источника информации. Дело в том, что официальной статистики на этот счет не ведется, поскольку вопросы о религиозной принадлежности запрещены законодательством США. Так, по данным Американского мусульманского совета (American Muslim Council), он объединяет в своих рядах до 15 млн мусульман³. В свою очередь, Совет по американо-исламским отношениям (Council on American-Islamic Relations,

¹ Глушенко Ю.Н. Исламский фактор во внешней политике США: Трагедия 11 сентября как бумеранг «холодной войны» // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сб. статей / Под ред. В.И. Кривохижи; Рос. ин-т стратегич. исслед. – М., 2002. – Вып. 10. – С. 8.

² Рассел Реза-Халид Гонзага. Ислам в США: Одна нация перед Аллахом [Электронные ресурс]. URL: <http://www.islamtoday.com> (Дата обращения: 10.01.2010.)

³ Малишевский Н. Спонсоры «чеченского» терроризма и взрывы в Бостоне [Электронный ресурс]. URL: <http://fondsk.ru> (Дата обращения: 05.05.2013.)

CAIR) уже в начале первого десятилетия XXI в. озвучил более скромную цифру – 6–7 млн мусульман¹.

В настоящее время ислам является самой активной с точки зрения увеличения числа своих последователей религией в Соединенных Штатах. В последние годы прирост мусульманской общины обеспечивался как за счет иммигрантов, в основном из стран Южной Азии и Ближнего Востока, так и за счет новообращенных из числа коренных жителей страны, в основном афроамериканцев. Дальнейший рост числа мусульман в США будет обеспечиваться также благодаря высокой рождаемости в семьях, где в среднем имеется шесть детей. В конце 90-х годов в США действовали более 1200 мечетей и исламских центров. Около сотни общеобразовательных школ параллельно вели преподавание основ исламской культуры и традиций².

Судя по данным Ассоциации американских статистиков религиозных организаций (Association of Statisticians of American Religious Bodies), современные американские мусульмане живут прежде всего на Восточном побережье (в одном Нью-Йорке их около 700 тыс.), в промышленном районе Великих озер, во Флориде, Техасе и Калифорнии. В расово-этнической структуре американских мусульман изначально доминировали афроамериканцы. В конце 90-х годов они составляли 40–45% приверженцев ислама. При этом примерно из 2,5 млн черных мусульман около 1 млн – новообращенные. Другой крупной группой являлись выходцы из Южной Азии (иммигранты из Пакистана и Индии), составлявшие 25% в структуре американских мусульман. При этом в индопакистанской группе доминировали выходцы из Кашмира. Третьей по численности этнической группой среди мусульман США являлись арабы (около 15%). Среди выходцев с Ближнего Востока – ливанцы, палестинцы и египтяне. Можно также выделить достаточно компактную группу выходцев из Ирана (3,5–4,0%)³.

Однако уже в 2011 г., по данным Pew Research Center, расовый состав общины американских мусульман изменился: 30% составляли белые (в их число в США включают арабов, а также народы Кавказа и Балкан), 23 – негры (афроамериканцы), 21 – азиаты (выходцы из Южной и Юго-Восточной Азии), 6% – латинос, а на долю людей смешанного происхождения приходилось

¹ CAIR: 2004–2005 Annual Report. – N.Y., 2005.

² Глущенко Ю.Н. Указ. соч. – С. 9.

³ Там же.

19%. По числу прозелитов из числа американцев, по данным опросов Pew Research Center в мечетях в 2001 г., лидировали чернокожие (64%), затем шли белые (27%) и латиноамериканцы (6%), на долю других расовых групп приходилось 3%. В последние годы заметно растет число латинос-мусульман в США: в 2011 г. они, согласно опросу имамов 524 (43%) мечетей США, составили 12% всех новообращенных. Этим, в том числе, объясняется высокая плотность мусульманского населения в Техасе и Флориде¹.

По данным исследования Pew Research Center за 2007 г., только 35% американских мусульман родились в США (более половины из них, 20%, – это «черные мусульмане»), 65% – иммигранты в первом поколении, 24% из них прибыли из арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки, 18 – из стран Южной Азии (куда американцы включают также Афганистан) и Юго-Восточной Азии, 8 – из Ирана, 5 – из Европы (в которую входят Балканы и Северный Кавказ), 4 – из Черной Африки, 6% – из прочих регионов. Миграционные потоки нарастают: 12% мигрантов прибыли в США до 1980 г., 16 – в период с 1980 по 1990 г., в 1990 г. – 31, а после 2000 г. – 40%. Интересно, что, несмотря на вспышку неприязни к мусульманам в США после терактов 9/11, после которых последовали вторжения в Афганистан и Ирак, страна широко открыла двери перед выходцами из исламских стран, быстро выдавая им гражданство. Среди иммигрантов устойчиво доминируют выходцы из Пакистана и Бангладеш, в последние годы увеличился приток из Ирана и Сомали. Таким образом, быстрый рост числа мусульман обеспечивает иностранная миграция: если в 1992 г. в Штаты въехали примерно 50 тыс. мусульман, то в 2009 г. – уже 115 тыс.²

В США действует несколько крупных панисламских организаций. Самая старая организация ISNA – Islamic Society of North America. Она была создана более 40 лет тому назад, преимущественно мусульманами из Пакистана, и действует по сей день. Есть и более молодые структуры, в их числе уже упоминавшиеся Американский мусульманский совет (American Muslim Council) и Совет по американо-исламским отношениям (Council on American-Islamic Relations, CAIR), а также Ассоциация мусульманских ученых-обществоведов (Association of Muslim Social Scientists),

¹ Ислам в США [Электронный ресурс]. URL: <http://voprosik.net/islam-v-ssha/> (Дата обращения: 16.02.2015.)

² Там же.

Ассоциация инженеров-мусульман (Association of Muslim Engineers), Международный институт исламской мысли (International Institute of Islamic Thought) и др.

Следует также упомянуть «Нацию Ислама» Луиса Фаррахана, представляющую интересы чернокожих мусульман, этой организации уже около 70 лет. Начиная с 90-х годов многие молодые афроамериканцы отправились для изучения ислама в Саудовскую Аравию, Египет, Пакистан. Вернувшись обратно, они стали проповедниками консервативных форм суннитского ислама в Соединенных Штатах. Так появилось движение, которое они сами называют «Салаф ас-салих» («Праведные предки»). Это движение пропагандирует именно «настоящий» ислам Пророка Мухаммада и его сподвижников. Для обоснования своих взглядов они берут отдельные аяты из Корана и трактуют их в определенном ключе в соответствии со своими целями и задачами. Иными словами, они стали носителями идеологии салафизма, радикальные интерпретации которой неизбежно ведут к религиозно-политическому экстремизму, а порой и к терроризму, прикрываемому исламским вероучением.

Помимо собственно религиозных организаций на территории США также действовали и многочисленные «исламские» экстремистские образования («Палестинский исламский джихад», «Обездоленные», «Исламские партизаны в Америке», «Афганская община в Америке», «Нация Ислама», «Организация арабских студентов» и др.), а также «исламские» террористы из разных стран Ближнего и Среднего Востока: Ирана, Ирака, Ливии, Сирии, Палестины. Вместе с тем террористические акции зарубежных экстремистов вплоть до 90-х годов XX в. были исключительно редким явлением. Так, например, в 1982–1987 гг. не было зафиксировано ни одного теракта, совершенного зарубежными террористами на территории США, в том числе и мусульманскими экстремистами. В те годы им было сложно и чрезвычайно опасно совершать теракты в США, так как не было соответствующих сетей поддержки, трудно было обеспечить оборудование и необходимые взрывные устройства.

Однако к началу 90-х годов ситуация стала меняться. Почти все крупные ближневосточные террористические организации к тому времени имели в США структуры, способные совершать теракты. Там существовали два вида организационных образований: транзитные мобильные отряды (или ячейки), которые прибывали в США, чтобы совершить теракт, после чего покидали страну.

Спецслужбам было крайне трудно их выявить, поскольку вся подготовительная работа (планирование, подготовка к теракту и обеспечение поддержки) осуществлялась за рубежом. Второй вид террористической организационной структуры – так называемые «спящие агенты». Они прибывали на территорию США, обосновывались там, как правило, получали гражданство, устраивались на работу и ждали приказа о начале проведения операций от своей организации, находящейся в той или иной мусульманской стране. Разумеется, обеим структурам требовалась поддержка на территории США.

Показателем активности экстремистских исламских организаций в США могут служить многочисленные примеры¹.

В частности, в 1993 г. четверо боевиков палестинской «Организации Абу Нидаль» из Сент Луиса (штат Миссури) были арестованы и осуждены за попытку организовать взрыв бомбы в Вашингтоне (округ Колумбия). Все четверо были натурализованными гражданами США.

Осенью 1994 г. трое членов «Организации Абу Нидаль» были приговорены к длительному сроку тюремного заключения за попытку организации терактов на территории США. Они намеревались взорвать посольство Израиля в Вашингтоне, а также организовать ряд покушений на евреев.

За взрывами в феврале 1993 г. во Всемирном центре торговли в Нью-Йорке также стояли исламские силы. К концу 1993 г. в США были созданы 17 исламских фундаменталистских центров с несколькими сотнями «спящих агентов» по всей стране².

Взрыв во Всемирном центре торговли, потрясший Америку, унес жизни нескольких человек, около тысячи были ранены, существенными оказались также нанесенные разрушения. США впервые оказались в положении жертвы иностранного терроризма. Одновременно были раскрыты планы проведения террористических актов, направленных против штаб-квартир ООН, ФБР и против таких стратегических объектов, как туннели в Нью-Йорке. Исполнители этих актов прошли подготовку в Афганистане и получили благословение шейха Омара Абдул Рахмана, который

¹ См. об этом: Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: Сущность, эволюция, опыт противодействия. – Ростов н/Д., 2005. – С. 119–122.

² Арабо-мусульманский мир на пороге XXI века: Реферат. сборник / ИНИОН РАН. – М., 1999. – С. 71.

призывал их «нагнать страху на врагов ислама» и «сотрясти землю под их ногами». Следует отметить, что шейх Омар Абдул Рахман, сыгравший важную роль как в этих, так и во многих других событиях, ранее был проповедником-фанатиком в египетской террористической исламистской организации «Аль-Гама'а аль-Исламия» («Исламская община»). Он пользовался уважением и среди членов более радикального движения «Аль-Джихад» («Священная война»). В свое время под видом «политического диссидента» он перебрался в США, правоохрнительными органами США предполагается его причастность к убийству раби Меира Кахана в Нью-Йорке. Большинство лиц, вовлеченных в террористические акции, являлись членами базировавшегося в США филиала организации «Исламский интернационал», в котором шейх играл видную роль.

В мае 1994 г. в Калифорнийском университете выстрелами из автомата был ранен один из бывших лидеров организации чернокожих мусульман «Нация Ислама» Халид Абдул Мухаммад и трое его телохранителей.

Преподаватель Фатхи Шакаки, обучавший студентов из стран Ближнего Востока в университете штата Флорида, покинув профессорскую кафедру, вернулся на Ближний Восток, где вошел в руководство экстремистской организации антиамериканской направленности «Исламский джихад». В 1995 г. он был убит на Мальте.

В 1995 г. в Филадельфии сотрудниками ФБР были арестованы два офицера ливийской разведки, которые значились студентами университетов в штатах Пенсильвания и Мэриленд. Оба «студента» были осуждены и приговорены к тюремному заключению по обвинению в приобретении оружия, предназначенного для совершения заказных убийств. Известно также, что большая группа ливийских террористов обучалась в Джорджтаунском университете, Техасском технологическом университете и в некоторых других учебных заведениях США.

Руководитель антитеррористического подразделения ФБР Д. Уотсон на слушаниях в сенате США в 1996 г. заявил, что в стране имеется организация антиамерикански настроенных мусульманских студентов «Анджоман-е Эслами» («Исламское общество»), которая контролируется спецслужбами Ирана. Они рекомендовали членам этой организации после завершения учебы подыскивать себе работу в США и тем самым приносить пользу «интересам ислама». Один из таких студентов, М. Асси, окончив университет,

устроился на работу в компанию «Форд». Однако в июле 1998 г. он был задержан в Детройтском аэропорту при попытке вылететь в Ливан. При этом в его багаже была обнаружена электронная аппаратура наблюдения на крупную сумму, включавшая приемники спутниковой глобальной системы наведения, приборы ночного видения и фотокамеру, работающую в инфракрасном диапазоне. Как впоследствии выяснилось, эта аппаратура предназначалась для ливанской экстремистской организации «Хезболла», пользующейся поддержкой Ирана.

В 1996 г. пятеро иранцев пытались контрабандой провезти новейшее огнестрельное оружие авиарейсом из Нью-Йорка в Вашингтон. Среди багажа этих «студентов» полицейскими была обнаружена карта Вашингтона с отмеченными на ней посольствами ряда стран. Все эти иранцы посещали высшие учебные заведения в штате Мэриленд.

Определенное беспокойство в конце 90-х годов американцам причиняла деятельность находившейся в Нью-Йорке исламской группы под названием «Центр беженцев Алькифа», а также ряда подобных организаций в Чикаго, которые под видом гуманитарной помощи иммигрантам собирали деньги для зарубежных экстремистов.

Была также зафиксирована деятельность на территории США и палестинского движения ХАМАС («Движение исламского сопротивления»), легальным прикрытием которого в Америке являлась Исламская палестинская ассоциация, базировавшаяся в Далласе (штат Техас). С ней взаимодействовал находящийся в США «Фонд Священной земли», крупнейшая исламская «благотворительная организация», ежегодно переводившая в Ливан до 2 млн долл.

Накануне 2000 г. в штате Вашингтон при пересечении канадско-американской границы был задержан выходец из Алжира А. Рессам, пытавшийся провезти взрывчатку. В этот же период на границе в штате Вермонт был задержан другой алжирец, Б. Чамчи, который пытался въехать из Канады в США по фальшивому паспорту. По данным канадских спецслужб, эти лица были связаны с алжирской террористической организацией «Вооруженная исламская группа» (ВИГ), за которой числятся многочисленные теракты на территории Алжира и в Европе.

Американцы также были весьма озабочены угрозами «терактов по почте» (взрывные устройства, а также опасные для здоровья химические вещества и вирусы).

Тем не менее вплоть до сентября 2001 г. было принято считать, что главные структуры и базы исламского экстремизма располагаются на мусульманском Востоке. Хотя уже в 1999 г. в прессе появлялись короткие сообщения об исламских демонстрациях, прошедших в Великобритании, Франции, Германии и других странах Запада. В настоящее время эти выступления выстраиваются в мощный фронт. Значительной его частью являются мусульманские структуры в США во главе с «Верховным исламским советом Америки». Под его началом выступают такие радикальные группировки, как «Исламский круг Северной Америки», «Исламская община Северной Америки», «Мусульманская студенческая организация» и др.¹

Вместе с тем, характеризуя роль и место США в противодействии росту и проявлениям исламского экстремизма в мире до 11 сентября 2001 г., а также принимаемые ими меры по защите американских объектов и граждан как внутри страны, так и за рубежом, нельзя не обратить внимание на то, что в подходах американцев к этой проблеме всегда просматривалась политика «двойных стандартов».

Непримиримо относясь к антиамериканской направленности в деятельности исламских экстремистов и используя все рычаги государственного правового регулирования, силовые структуры, а также механизмы двустороннего и многостороннего сотрудничества с зарубежными странами для отслеживания такого рода деятельности и ее пресечения, американцы одновременно стремятся направить устремления исламистов в русло, способствующее достижению их внешнеполитических целей.

На территории США это проявлялось в невмешательстве американских спецслужб, скажем, в антироссийскую деятельность многочисленных исламистских организаций, использовавших свое влияние в ряде американских государственных учреждений для беспрепятственного ее проведения. Об этом, в частности, свидетельствуют факты крупной финансовой поддержки с их стороны чеченских сепаратистов в годы так называемого «чеченского кризиса». Так, в 1999 г. в США было зарегистрировано около 50 исламских общественных организаций, осуществлявших сбор добровольных пожертвований и взносов для оказания «гуманитарной» помощи Чечне. В их числе «Кавказско-американская торгово-промышленная палата», а также «Исламская банковская группа

¹ Smith J. Islam in America. – Columbia University Press, 1999.

в Чечне». В начале 2000 г. «Верховный исламский совет Америки» принял беспрецедентное решение об оказании срочной финансовой помощи Чечне: каждый американский мусульманин обязан был сдать на эти цели не менее 100 долл. Таким образом, чеченские террористы могли рассчитывать на получение нескольких сотен миллионов долларов¹.

В США оказывали разностороннюю поддержку «чеченским» экстремистам, проводили постоянный мониторинг ситуации в северокавказских регионах России и соответствующие политические акции следующие организации: Американский исламский совет (American Muslim Council); Американский комитет за мир в Чечне (American Committee for Peace in Chechnya); Американский комитет по обеспечению дружеских связей (American Friends Service Committee); Исламский круг Северной Америки (Islamic Circle of North America). Особо следует отметить роль такой организации, как «Американская мусульманская помощь» (American Muslim Assistance, АМА). Она зарегистрирована в Госдепартаменте США, ее основная задача – «оказание помощи мусульманским братьям во всем мире». Руководитель АМА – шейх Kisham Muhammad Kabbani, он же председатель влиятельного Высшего исламского совета Америки (Islamic Supreme Council of America), председатель американского фонда «Сунна» (As-Sunna Foundation of America), основатель и председатель организации новых мусульман «Хаккани» (Haqqani Islamic Trust for New Muslims), известен как автор многочисленных трудов по исламу. АМА действовала на Северном Кавказе, вела активную пропагандистскую кампанию по дискредитации действий российских властей. Вместе с тем АМА часто выступает под прикрытием других мусульманских организаций, в частности уже упоминавшегося Высшего исламского совета Америки².

Целенаправленной пропагандистской и политической деятельностью в интересах северокавказских сепаратистов в США занимались также: интернет-фирма Amina Network с офисом в Вашингтоне; Human Assistance Development International, существующая уже 13 лет; Исламский информационный сервер для распространения идей северокавказского сепаратизма и

¹ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. – Ростов н/Д.: Ростиздат, 2005. – С. 122–123.

² Малишевский Н. Спонсоры «чеченского» терроризма и взрывы в Бостоне [Электронный ресурс]. URL: <http://fondsk.ru> (Дата обращения: 05.05.2013.)

экстремизма в Интернете; офис по связям с общественностью Ruder Finn inc. Благотворительный исламский фонд и Совет по американо-исламским отношениям (CAIR) регулярно организовывали выступления в СМИ в поддержку чеченских экстремистов, взаимодействовали на регулярной основе со многими американскими аналитическими центрами, которые инициировали слушания в Конгрессе США, при этом активно привлекали консультантов, экспертов и советников администрации США. Здесь также надо упомянуть The American-Chechenian Friendship and Economic Association и Waterman Associates, inc. (обе эти организации зарегистрированы в Министерстве юстиции США как «иностранные агенты»); Advantage Associates, inc. (в договоре, заключенном в свое время этой организацией с Асланом Масхадовым и «послом Ичкерии в США» Лемой Осмуровым, было оговорено, что Advantage Associates будет оказывать давление на правительство США «с целью поддержки усилий Чеченской Республики Ичкерия по завоеванию независимости и отделению от России»)¹.

В оказании материально-финансовой и иной помощи террористам, избравшим своим объектом Северный Кавказ, по данным МВД России, принимали участие более 60 международных экстремистских организаций, около 100 иностранных фирм и десятков банковских групп. Офисы большинства из них располагаются в США и Европе. Только в США сбором средств для северокавказских экстремистов занимались около полусотни организаций².

Целенаправленным сбором средств в США занимались: Американская мусульманская ассоциация юристов (Muslim American Bar Association); Американский исламский центр (Islamic American Center), расположен в Вашингтоне; Американский мусульманский Совет (Muslim American Council); Исламская благотворительная организация «Голос Чечни» (Islamic Relief / Chechnya appeal), зарегистрирована в Госдепартаменте США; Исламская городская помощь (Islamic City Relief); Исламский американский фонд «Закят» (Islamic-American Zakat Foundation), президент фонда – И. Ахмадов; Исламский центр содействия (Islamic Action Center); Чечено-Ингушское общество Америки (Chechen-Ingush Society of America, другое название Chechen relief expenses), имеет отделения с наименованием «Чеченская помощь» (Chechen Relief),

¹ Малишевский Н. Спонсоры «чеченского» терроризма и взрывы в Бостоне [Электронный ресурс]. URL: <http://fondsk.ru> (Дата обращения: 05.05.2013.)

² Там же.

президент – доктор Mohkammed Musa Shishani; Международная мусульманская организация Al-Ehsan Charitable Relief Organisation со штаб-квартирой в Вашингтоне; Международная ассоциация помощи (International Relief Association) в штате Мичиган; Исламская общемировая помощь (Islamic Relief Worldwide) в штате Калифорния; Mercy International, штаб-квартира в Плимуте, штат Мичиган; Благотворительный международный фонд (Benevolence International Foundation). В отношении последней организации надо сказать, что когда в январе 2003 г. на главу фонда, американца сирийского (или албанского) происхождения Энаама Арнаута, вышли спецслужбы США, расследовавшие источники финансирования «Аль-Каиды», тот признал, что фонд финансирует боевиков в Чечне и Боснии; ранее, в октябре 2002 г., генеральный прокурор США Д. Эшкрофт предъявил ему обвинение в финансировании бен Ладена, но когда Э. Арнаут заявил, что деньги идут не бен Ладену, а северокавказским террористам, Эшкрофт... снял с него все обвинения¹.

Подчинение интересам своей геостратегии давно стало важным звеном внешнеполитической доктрины Вашингтона. Известно даже, что в ряде случаев исламские организации задумывались и создавались как важный элемент реализации внешнеполитических устремлений США (например, поддержка Усамы бен Ладена и его «Аль-Каиды» в годы афганской войны, создание по американскому проекту движения «Талибан», сотрудничество с исламистскими группировками, орудующими в Сирии, типа «аль-Джабхат ан-Нусра» и т.д.). Путем использования исламистских организаций США преследуют такие цели, как, например, достижение контроля над остающимися вне сферы влияния США районами нефте- и газодобычи, а также потенциальными маршрутами транспортировки, ослабление тех государств, которые препятствуют реализации установления Америкой «нового мирового порядка» и т.д.

Исламский радикализм американские стратеги хотели бы использовать исключительно для укрепления своего собственного лидерства в мире, не считаясь с неизбежными в практике «двойной игры» негативными последствиями для мирового сообщества. Специфика интересов США состояла, да и до сих пор состоит, в попытках использовать в качестве щита от исламских угроз и вызовов другие государства, в частности Россию, перенаправить

¹ Малишевский Н. Спонсоры «чеченского» терроризма и взрывы в Бостоне [Электронный ресурс]. URL: <http://fondsk.ru> (Дата обращения: 05.05.2013.)

агрессию радикальных исламистов на своих геополитических конкурентов.

Целенаправленное внимание правоохранительных органов, спецслужб и общественного мнения США к проблеме исламского терроризма было привлечено только после терактов 11 сентября 2001 г., которые, как сообщил официальный Вашингтон», осуществили члены «Аль-Каиды», руководствовавшиеся «ваххабитскими» идеологическими установками. Эти идеи были сформулированы многими современными теоретиками исламского экстремизма, среди которых следует назвать Усаму бен Ладена (основатель «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада»), Аймана аз-Завахири (нынешний руководитель «Аль-Каиды» и лидер египетской «Джихад Ислами»), Абу-Ясира Рифа'и Ахмада Таху («Египетская исламская группа»), шейха Мир Хамзу (секретарь «Джамият-уль-Улема-и-Пакистан»), Фазлура Рахмана (лидера «Движения Джихада» в Бангладеш) и многих других. В частности, Усама бен Ладен в своей фетве призвал мусульман «убивать американцев, как военных, так и гражданских, а также их союзников», «исполнять приказ Аллаха – убивать и грабить американцев везде и всюду... Приступайте к набегам на сатанинские войска США и их дьявольских союзников и вытесняйте тех, кто находится у них в тылу, чтобы и они получили урок»¹. Он также подчеркивал: «Что касается Америки, я скажу ее народу лишь несколько слов: я даю клятву Аллаху, что Америка не будет жить в мире до тех пор, пока мир не воцарится в Палестине и пока армия неверных не уйдет с земли Мухаммеда, да пребудет с ним мир. Аллах есть Величайший и да прославится Ислам»².

После событий 9/11 официальные исламские организации в США практически консолидированно выступили с осуждением терроризма. В частности, 16 сентября 2001 г. CAIR разместил заявление на полной полосе в газете «The Washington Post», в котором решительно осудил терроризм во всех его формах. В тексте этого заявления говорилось: «Американские мусульмане единодушно осуждают эти жестокие и трусливые террористические акты. Наши мысли и наши молитвы с семьями, близкими и любимыми тех, кто погиб или пострадал от этих террористических актов. Мы также выражаем нашу благодарность всем героическим пожарным, полицейским и врачам, которые продолжают риско-

¹ Аллах не любит Америку / Под ред. А. Парфея. – М., 2003. – С. 387–388.

² Там же. – С. 396.

вать своими жизнями, участвуя в операции спасения. Вместе со всеми американцами мы призываем к скорейшей поимке и наказанию преступников. В это тяжелое время мы все вместе будем нести мир и любовь, а не насилие и ненависть»¹. Тем не менее действия правительства США после 11 сентября в негативном ключе затронули практически всех американских мусульман. В школах, на работе, в общественных местах и аэропортах мусульмане часто попадали в ситуации, когда их выделяли, когда им отказывали в исполнении религиозных обрядов или дискриминировали по причинам их действительной или предполагаемой религиозной или этнической принадлежности. Многие мусульмане в «демократической» Америке стали жертвами травли и насилия, в том числе и убийств².

Правда, на то были весомые основания: только после трагедии 2001 г. американцы узнали, что террористические группировки пустили очень глубокие корни в их стране. Так, по оценке Алекса Алексиева из «Центра политики безопасности» (Center for Security Policy), 80% мечетей в США контролировались «ваххабитами». Неоваххабитский исламский призыв (da'wah) осуществляется в многочисленных саудовских исламских культурных центрах и институтах. Соответствующая пропагандистская информация была обильно представлена на сайте посольства Королевства Саудовская Аравия (КСА) в Вашингтоне. Более того, выяснилось, что интернет-ресурсы Министерства обороны США, предназначенные для военнослужащих-мусульман, в полной мере использовались для исламистской пропаганды. Расследование показало, что еще во время операции «Буря в пустыне» da'wah осуществлялась «ваххабитскими» шейхами среди американских военнослужащих, расквартированных на саудовской территории, и некоторое количество американских военных приняли ислам этого толка (особое внимание к исламистской пропаганде в армии США было привлечено после того, как 22 марта 2003 г. в Кувейте в расположении американских войск имел место мятеж или теракт – американский военнослужащий-мусульманин Хасан Акбар забросал гранатами три командирские палатки, а затем открыл огонь из своей винтовки

¹ The Washington Post. – 2001. – Sept., 16.

² Решающий момент для Америки и мусульман // Материалы программы «Климат доверия». Семинар «Дагестан / Ростовская область – Сан-Франциско», июнь 2006 г. – Сан-Франциско, 2006.

М-16. Погиб один офицер, ранения различной степени тяжести получили 15 морских пехотинцев)¹.

Уже после свержения Саддама Хусейна стало ясно, что в Ираке против войск коалиции, представителей международных организаций (ООН, Международного Красного Креста и др.) и иракцев-коллорабационистов стали вести диверсионно-террористическую войну радикальные исламистские группировки. Связь как минимум некоторых из них (самая активная – «Ансар аль-Ислам») одновременно с «Аль-Каидой» и саудовскими благотворительными фондами (в частности, с «Всемирной ассоциацией исламской молодежи») является установленным фактом. Есть неподтвержденные данные о поступлении денег, оружия и добровольцев из Саудовской Аравии в созданные уже после падения саддамовского режима «Армию [Пророка] Мухаммада» и «Салафитскую группу проповеди (da'wah) и джихада». В конце января 2004 г. США и Королевство Саудовская Аравия направили в ООН совместный запрос о включении филиалов саудовского благотворительного фонда «Аль-Харамейн» в Индонезии, Кении, Танзании и Пакистане в список лиц и организаций, причастных к финансированию террористической группировки «Аль-Каида». Ранее ООН, тоже по представлению США и Саудовского Королевства, внесла в этот список руководителя боснийской благотворительной организации «Вазир» (фактически – филиала «Аль-Харамейн») Сафета Дургути. 191 страна, входившая в тот период в состав ООН, обязалась применять жесткие санкции в отношении лиц и организаций, входящих в этот список. В первую очередь, речь шла о замораживании их банковских счетов и блокировании всех финансовых операций. На пресс-конференции в Вашингтоне советник ныне покойного саудовского короля Абдаллы – Адиль аль-Джубейр заявил, что эти филиалы оказывали «денежную, материальную и логистическую поддержку» «Аль-Каиде» и другим террористическим организациям, а сама совместная инициатива – свидетельство активного участия Саудовской Аравии в антитеррористической борьбе. Саудовский представитель умолчал, однако, о том, что филиалы в вышеупомянутых государствах, а также в Хорватии, Албании, Эфиопии, Афганистане и Малайзии были закрыты еще весной-летом 2003 г. по требованию властей. Тогда же Пакистан запретил на своей территории деятельность саудовской организации «Всемирная ассоциация исламской молодежи»,

¹ Добаев И.П., Немчина В.И. Указ. соч. – С. 124–125.

ряда других саудовских фондов, а также «Комитета исламского призыва» – пакистанского филиала кувейтского фонда «Ассоциация социальной реформы» – из-за их связей с «Аль-Каидой». Филиал «Аль-Харамейн» в Азербайджане был закрыт азербайджанскими властями в январе 2000 г. Однако филиал этого «благотворительного» фонда продолжал существовать и действовать в Соединенных Штатах (Эшланд, штат Орегон)¹.

Параллельно этим совместным американо-саудовским акциям, касающимся третьих стран, просматривалась серия действий американских властей, направленных против саудовских юридических и физических лиц на территории собственно Соединенных Штатов. В январе 2004 г. были лишены дипломатических виз и высланы из страны 23 человека (в том числе 14 саудовцев), которые формально были работниками саудовского посольства, но на самом деле занимались преподавательской и проповеднической деятельностью в США – в Институте исламских и арабских наук (Ферфакс, штат Вирджиния), являющемся филиалом Саудовского исламского университета имени имама Мухаммада Ибн ас-Сауда. В первой половине декабря 2003 г. американские власти лишили дипломатической визы и выслали из страны исламского проповедника Джаффара Идриса, также числившегося в посольстве КСА в США (в исламском отделе посольства) и возглавлявшего саудовский «Открытый американский университет». Ранее, в начале мая 2003 г., американские власти выслали из США главу исламского отдела посольства Фахда ас-Самири, который находился в стране с 1996 г., будучи по совместительству имамом мечети имени короля Фахда, построенной на саудовские деньги в Лос-Анджелесе. Его выслали по представлению Министерства внутренней безопасности по обвинению в «террористических связях». Затем в посольстве КСА в Вашингтоне был закрыт исламский отдел – как можно с уверенностью предполагать, не без давления со стороны американских властей. Тогда же саудовцы обещали закрыть исламские отделы своих посольств во всех государствах мира².

Таким образом, только после трагедии в сентябре 2001 г. Соединенные Штаты при посильной помощи Саудовской Аравии начали осторожный демонтаж мощного внешнеполитического инструмента, который был создан Саудовской Аравией в пред-

¹ Игнатенко А.А. Вашингтон и Эр-Рияд: Союз против ваххабизма // Независимая газета. – 2004. – 13 февр.

² Добаев И.П., Немчина В.И. Указ. соч. – С. 126–127.

шествующие 30 лет и привел к всемирному распространению экстремистского ислама, а также терроризма, получившего неточную квалификацию «исламский».

По сведениям американского журнала «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», который ссылается на Группу контроля за незаконными сделками (Illicit Transactions Group), входящую в структуру ЦРУ, за предшествовавшие четверть века до атак на американские объекты Саудовская Аравия через каналы своих благотворительных фондов израсходовала 70 млрд долл. на создание примерно в 20 странах мира тренировочных лагерей, закупки оружия, рекрутирование наемников, а также строительство подконтрольных «ваххабитам» мечетей, медресе, исламских центров. Есть сведения, что ежегодно эти фонды тратят 6 млрд долл. на подобную деятельность. Так, в Бангладеш филиал фонда «Аль-Харамейн», как показали обыски, проведенные полицией в Дакке в сентябре 2003 г., истратил 2,4 млн долл. на создание медресе, студенты из которых вербовались для ведения джихада в Кашмире и Афганистане¹.

Американские исследователи в то время утверждали, что Саудовская Аравия истратила на «ваххабитскую» пропаганду за последние четверть века больше средств, чем Советский Союз на коммунистическую пропаганду за все время своего существования. Отдельные факты могут дать некоторое представление о масштабах деятельности. Так, фонд «Аль-Харамейн» в декабре 2003 г. разослал 150 тыс. именных посылок с «исламскими книгами» на арабском и английском языках в 50 стран Азии, Европы, Африки и Америки. В мае 2003 г. «Аль-Харамейн» распространил в Иракском Курдистане 20 тыс. экземпляров «исламских книг» на курдском языке. Что это за «исламские книги», можно предположить, зная, что, например, летом 1999 г., незадолго до начала вторжения «ваххабитов» с территории Чечни в Дагестан, на «независимой исламской территории», контролировавшейся дагестанскими ваххабитами, в военно-тренировочных лагерях идеологическая подготовка «моджахедов», по ныне опубликованным свидетельствам, велась с использованием литературы на русском языке, изданной филиалом «Аль-Харамейн» в Азербайджане. В это время при полевых командирах в Чечне находились в качестве ваххабитских комиссаров официальные представители «Аль-Харамейн», подданные КСА – Абдель-Лятиф бен-Абд-аль-Карим

¹ Игнатенко А.А. Указ. соч.

ад-Дараан, Абу-Омар Мухаммад ас-Сейф, а также Абу-Сабит, Абу-Салман Мухаммед, Абу-Абдалла, Салех бен Мухаммед ад-Дахши. Они не только распоряжались финансами, поступавшими от «Аль-Харамейн», но и были религиозными авторитетами, обосновывавшими ваххабитский джихад против Дагестана¹.

Осторожность, с которой Соединенные Штаты принялись за демонтаж исламистских структур, объясняется как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, США дорожат принципами религиозной свободы и не хотели бы огульного обвинения «ваххабизма» в терроризме. Так, Джон Хэнфорд, занимавшийся в Госдепартаменте США международными вопросами свободы религии, представляя новый ежегодный доклад Госдепартамента о свободе вероисповедания в мире, особо остановился на «ваххабизме» и заявил, что Соединенные Штаты не считают его изначально преступным течением в исламе и придерживаются «взвешенного подхода». «Нас очень беспокоит деятельность некоторых “ваххабитов” в Саудовской Аравии, вынашивающих террористические замыслы, – сказал Хэнфорд, – в то же время, по иронии судьбы, в других странах мы вынуждены защищать людей, исповедующих “ваххабизм”. Вопрос стоит не о религиозных убеждениях человека, а о том, как он их исповедует – не толкают ли они его на причинение вреда другим и на совершение терактов». Во-вторых, Соединенные Штаты и Саудовскую Аравию связывают давние отношения партнерства, и любые действия против «ваххабитских» структур могут быть истолкованы как антисаудовские. Собственно, такие оценки и делаются теми «ваххабитскими» проповедниками, которых под благовидным предлогом высылают из США².

Под нажимом США осуществляется противодействие терроризму и в самой Саудовской Аравии. Выработанная в последнее десятилетие стратегия саудовских властей по противодействию терроризму включает в себя три составляющие: «люди, деньги, умы»³. «Люди» – это выявление, арест и осуждение террористов, разгром их структур. «Деньги» – это меры по усилению контроля над финансовыми потоками, идущими к террористам и экстремистам по разным каналам, включая перевозку денежных средств курьерами. Борьба «за умы» является, по мнению саудовских

¹ Игнатенко А.А. Указ. соч.

² Добаев И.П., Немчина В.И. Указ. соч. – С. 128–129.

³ Добаев И.П., Добаев А.И. Антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. – Ростов н/Д., 2011. – С. 127–128.

властей, самой сложной составляющей контртеррористической стратегии и требует длительного времени.

«Борьба за умы»: эта работа, помимо официальных заявлений саудовского правительства и религиозных деятелей, включает в себя ряд мероприятий по противодействию экстремистской идеологии, среди них:

- проведение активной антиэкстремистской кампании в СМИ с использованием различного рода объявлений, рекламных щитов и Интернета;

- распространение книг и памфлетов, видеодисков и кассет в школах, медресе, мечетях;

- перевоспитание тех богословов, которые проповедуют экстремистскую идеологию. Этим занимаются проповедники в 20 тыс. из 70 тыс. мечетей, в связи с чем саудовские власти постоянно проводят в них «просветительские» семинары и лекции.

В тюрьмах страны осуществляется программа реабилитации лиц, осужденных за терроризм или экстремизм, включая переданных американцами узников из тюрьмы на базе Гуантанамо. С 2004 г. эту программу прошли 4300 человек. После ее завершения рецидивы наблюдались примерно у 20% участников, а потому ее можно считать достаточно эффективной.

Однако, несмотря на антитеррористические усилия собственно в США и за их пределами, изжить терроризм не удастся даже на американской территории. Например, 2013 г. был отмечен терактами в Бостоне, совершенными этническими чеченцами братьями Царнаевыми. Сразу после них средства массовой информации США стали, как по команде, заполняться сообщениями о «чеченских террористах» и заголовками в духе «Российский Кавказ – рассадник терроризма», «Российская Чечня – благодатная земля для террора». Однако о том, что многие запрещенные в России экстремистские и террористические организации до сих пор свободно действуют на Западе, в первую очередь на территории США и их европейских союзников, как-то умалчивается.

Как следствие, появление и развитие радикальных исламистских группировок в США, последствия их террористических атак не могли не оказать серьезного воздействия на внутреннюю и внешнюю политику этого государства.

Во внутренней политике уже третье десятилетие наблюдается неуклонный отход от тех ценностей, которые когда-то заложили в американское общество отцы-основатели США. Речь, прежде всего, идет о так называемом «Патриотическом акте» (USA Patriot

Act), который похоронил многие права и свободы американцев, не говоря уже об иностранцах. Сегодня в США правят бал правоохранительные органы и спецслужбы, а «оплот мировой демократии» превратился в откровенно полицейское государство.

Так, в ноябре 2002 г. в США был утвержден закон о создании Министерства внутренней безопасности (Department of Homeland Security), которое полностью или частично объединило в одну структуру 22 ведомства, и лишь немногие спецслужбы, ЦРУ и ФБР в частности, не вошли в его состав. Штатная численность нового шпионского ведомства колеблется на уровне 200 тыс. человек, а годовой бюджет исчисляется десятками миллиардов долларов. В целях дальнейшего укрепления национальных спецслужб в рамках реформы всего разведывательного сообщества (РС) США был введен пост директора Национальной разведки (National Intelligence Director), куратора всех организаций, входящих в РС. Функционирует и Национальный совет по разведке (National Intelligence Council – NIC). Спецслужбы «Патриотическим актом» (Федеральный закон № 107-56 «USA PATRIOT Act, 2001 г.») наделены немислимыми прежде полномочиями. Речь идет о существенном облегчении и ускорении процесса выдачи специальным судом разрешений на прослушивание телефонных разговоров, перехват электронной почты, осуществление других оперативных мероприятий. Нормой стали жесткие ограничения на въезд и пребывание на территории США иностранных граждан и т.д.¹

В русле внутривосточных трансформаций происходят значимые изменения и на международной арене. Внешняя политика США, поставившая целью хаотизацию и переформатизацию мусульманского Востока, стала еще более агрессивной. Затяжная война в Афганистане, вторжение в Ирак, бомбежки Ливии, поддержка радикальных исламистов в Сирии, инспирация «цветных революций» в государствах Северной Африки и Ближнего Востока, угрозы военных действий против Ирана и т.д. – звенья одной цепи. Действия США на Востоке, по сути, являются продолжением политики Великобритании в колониальную эпоху, которая всегда предпочитала радикальный исламизм местному национализму. В результате сегодня террористические сети повсеместно укрепляются, что только усугубляет ситуацию в мире, международных регионах, конкретных странах. Так, вторжение в Ирак в 2003 г.,

¹ Манкиев М. Явные и тайные механизмы американского влияния на Россию [Электронный ресурс]. URL: <http://fondsk.ru> (Дата обращения: 28.01.2011.)

как подчеркивает профессор Ноам Хомский в интервью американской газете «Jacobin», спровоцировал межконфессиональный раскол, приведший к дестабилизации иракского общества. В результате возникла такая ситуация, при которой финансируемые Саудовской Аравией радикалы смогли стать субъектом региональной политики. Именно в таких условиях смогло появиться «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), впоследствии трансформировавшееся в «Исламское государство» (ИГ). Именно США несут ответственность за возникновение ИГИЛ и ИГ¹.

Презентуя новую Стратегию национальной безопасности США, президент Барак Обама, в частности, заявил: «Мы возглавляем международные коалиции, которые борются с серьезными вызовами со стороны агрессии, терроризма... Мы возглавляем команду из 60 с лишним партнеров в глобальной кампании по ослаблению, а в конечном счете и по разгрому «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) в Ираке и Сирии. Среди прочего мы работаем над тем, чтобы остановить наплыв иностранных боевиков в эти страны и при этом оказываем давление на «Аль-Каиду»². Однако, как показывает практика, гегемонистская риторика не в состоянии на практике устранить экстремизм и терроризм: «борьба» США с такого рода явлениями лишь дополнительно укрепляет сетевой исламистский «террористический интернационал».

*Статья предоставлена авторами
для публикации в бюллетене
«Россия и мусульманский мир».*

¹ Homskiy Noam. The World of Our Grandchildren // Jacobin. 2015. February, 13.

² Стратегия национальной безопасности // «The White House», USA [Электронный ресурс]. URL: http://www.inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html (Дата обращения: 13.02.2015.)

**А. Вавилов, Ю. Зинин, А. Казанцев, А. Крылов,
А. Орлов (руководитель), А. Федорченко,
А. Чечевишников, А. Ярлыкапов**
(ИМИ МГИМО (У) МИД)
**«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»:
ФЕНОМЕН, ЭВОЛЮЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ
(Окончание)**

Гиперактивность в киберпространстве

Как отмечает российский исследователь В. Платов в интернет-журнале «Новое восточное обозрение», исламисты, выступая за строительство «халифата» на основе средневековых догматов, не отказываются от широкого использования наработанного в мире опыта в сфере агитационно-пропагандистской деятельности. Для привлечения в свои ряды всё новых и новых рекрутов из-за рубежа и пропаганды своей деятельности они применяют самые современные технологии в области информационных коммуникаций. При этом основной упор делается на использовании виртуального анонимного пространства Интернета, позволяющего им оставаться неопознанными. Их распространяющиеся подобно вирусу видео- и печатные материалы, нередко с выступлениями захваченных западных заложников, выходят в свет на пяти языках (русский – третий по частоте использования после арабского и английского) и пользуются в Интернете и социальных сетях немалой популярностью.

Во Всемирной сети регулярно появляются подготовленные на хорошем профессиональном уровне видеоматериалы самого разнообразного содержания: презентативные (демонстрирующие мощь и военные успехи ИГ), интервью с боевиками и командирами, «ритуальные» казни заложников, угрожающие обращения к мировым державам, сцены «мирной жизни» в «халифате», интервью с его жителями.

Для продвижения своих материалов специалисты ИГ работают во всех видах СМИ, делая особый акцент на соцсети. Специфика этих средств связи дает возможность раскинуть чрезвычайно разветвленную сеть без единого центра и довести в сжатые сроки необходимую информацию до целевой аудитории. К середине 2015 г. в Twitter отдельные специалисты насчитали уже около 90 тыс. аккаунтов, владельцы которых разделяли постулаты ИГ либо интересовались деятельностью этого квазигосударства. При

этом лишь около 2 тыс. из них имели тесную связь между собой и являлись членами группировки или ее деятельными сторонниками. Каждый из таких аккаунтов имел от 2 до 50 тыс. подписчиков, создавая тем самым целевую аудиторию и распространяя информацию и взгляды радикальных исламистов.

Помимо традиционно «текстовых» соцсетей Twitter и Facebook экстремисты освоили и Instagram. А сервис Ask выполняет у них функцию онлайн-вербовщика, и любой желающий поучаствовать в джихаде полностью анонимно может поинтересоваться, куда ему следует прибыть и с кем связаться.

Еще в 2013 г. был создан медиафонд «Ажнад» (Ajnad Media Foundation), который специализируется на изготовлении и распространении джихадистских проповедей и песнопений (нашидов), а также медиаагентство «Итисаам» (I'tisaam Media Foundation), которое стало производить и распространять контент на арабском языке. Размещенные в Интернете (в частности, на сайте Jihadology.net) материалы агентства «I'tisaam» представляют собой по большей части пропагандистские фотографии, видеоролики и аудиозаписи на арабском языке, на отдельных из них есть английские субтитры.

В 2014 г. ИГ учредило новый медиацентр «Аль-Хайят» (Al Hayat Media Center), ориентированный на западную аудиторию и выпускающий материалы на английском, немецком, русском и французском языках. Его медиапродукция нацелена прежде всего на привлечение новых участников в террористическую группировку из западных стран, призывает жителей стран Запада совершать теракты в странах их проживания и публикует необходимые инструкции по их подготовке и осуществлению. «Аль-Хайят» выпускает также печатную продукцию, в частности: информационные бюллетени по 8–10 страниц «Islamic State Report» и «Islamic State News», рассказывающие о наиболее важных политических, военных и социальных акциях ИГ, а также журнал «Dabiq», которые издаются на нескольких языках, включая английский, и доступны для скачивания в Интернете.

ИГ использует и «продвинутые» инструменты распространения информации в Интернете. Так, в его интересах было разработано специальное приложение для Android под названием «The Dawn of Glad Tidings» для массовой генерации и рассылки сообщений в Twitter. Как только сторонники ИГ регистрируются в приложении, оно начинает рассылать от их имени одинаковые

сообщения, вставляя между каждым символом пробел, обходя тем самым алгоритмы антиспама в Twitter.

Другим способом работы в Twitter стало продвижение определенных хештегов. Сотни, а иногда и тысячи активистов в определенное время дня многократно размещают твиты с необходимыми хештегами. В частности, этот способ позволяет активистам ИГ исказить результаты @ActiveHashtags (известного аккаунта в арабском Twitter, в котором ежедневно публикуются наиболее популярные теги) и обеспечить себе дополнительную аудиторию. Еще одной возможностью для ИГ стал мессенджер FireChat, позволяющий общаться без подключения к Интернету: если на смартфоне установлено данное приложение, то даже при отсутствии интернет-соединения сообщение можно отправить через другие смартфоны с таким приложением, которые находятся в радиусе действия и подключены к Всемирной сети.

Помимо этого, в Интернете активно действуют кибертеррористы ИГ. По сведениям компании Group-IB, расследующей преступления в компьютерной сфере, исполнителем хакерских атак ИГ было специальное подразделение Cyber Caliphate. Удалось выявить причастность к преступной деятельности ИГ и других хакерских группировок – FallaGa Team, Team System Dz и Global Islamic Caliphate.

Предпринимаемые рядом государств меры по противодействию использованию соцсетей и медиапространства в интересах ИГ не приносят значимого результата, поскольку высокая степень децентрализации сети сводит на нет эффект закрытия отдельных аккаунтов, а автоматическая система спам-фильтрации малоприменяема для предотвращения распространения ссылок на удаленном файле или видеохостинге¹.

Главный акцент в своих материалах PR-активисты ИГ делают на несправедливостях и противоречиях современного мира, ярко проявляющихся в многочисленных политических и внутригосударственных конфликтах, создающих благоприятную обстановку для подъема джихадизма. Они также умело используют в своих интересах отсутствие общепринятого в международном праве определения самого понятия «терроризм», что серьезно затрудняет

¹ Платов В. Информационные ресурсы ИГИЛ // Новое Восточное Обозрение. 2015. 8 июня. – URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/06/08/informatsionny-resursy-igil/>

создание широкого фронта борьбы с этой опасной угрозой всеобщему миру и безопасности.

В начале января 2015 г. «хакерам джихада» удалось взломать аккаунты в Twitter и YouTube Центрального командования ВС США (Сенткома), отвечающего за операции в Ближневосточном регионе. Исламисты вывесили в социальных сетях плакат с надписью «Мы любим ИГ» и угрожающее обращение к военнослужащим США, начинавшееся словами: «Мы следим за всеми вами, за вашими женами и детьми». В подтверждение в марте 2015 г. они опубликовали список 100 американских солдат и офицеров, которых собирались казнить. В нем содержались имена, фамилии, личные фотографии и даже адреса некоторых военнослужащих. Новый список с угрозами в адрес уже сотен сотрудников Вооруженных сил и госслужащих США появился в Интернете в августе 2015 г.

Такая тревожная информация никак не вязалась с заверениями Б. Обамы о повышении кибербезопасности США. В связи с угрозами боевиков американское военное командование было вынуждено распространить инструкции, ограничивавшие попадание данных личного состава в социальные сети и Интернет. Сам госсекретарь США Дж. Керри признал, что в повседневной жизни он был вынужден учитывать опасность взлома своей почты злоумышленниками.

В начале апреля 2015 г. последовала еще одна психическая атака кибертеррористов ИГ, запустивших в Интернете кампанию с угрозами в адрес США под общим хештегом «МыСноваСожжемАмерику». Многие в Вашингтоне усмотрели в нем угрозу повторения терактов 11 сентября 2001 г.

В июне 2015 г. журналисты из «The New York Times» раздобыли и опубликовали секретную служебную записку Госдепа США, в которой содержалось откровенное признание неспособности противостоять пропагандистско-информационному натиску ИГ. Через месяц министр юстиции, генеральный прокурор США Л. Линч выразила опасение, что ИГ рано или поздно осуществит массированную кибератаку на США. По ее оценке, эта группировка представляет для безопасности Соединенных Штатов большую угрозу, чем террористическая сеть «Аль-Каиды», из-за активного использования социальных сетей для вербовки американцев.

Заместитель министра иностранных дел России по вопросам противодействия терроризму О.В. Сыромолотов в одном из интервью в июле 2015 г. вскрыл главную причину пропагандистских

успехов международного террористического интернационала: «Радикалы, можно сказать, выигрывают информационное противоборство. И причина тут не в том, что они более талантливые и эффективные пропагандисты, а в том, что государства, которым должна принадлежать ведущая роль в рамках любых задач противодействия терроризму, всё еще разобщены, всё еще допускают пресловутую практику “двойных стандартов”».

Такие двойственные подходы мешают налаживанию международного сотрудничества по обеспечению кибербезопасности мирового информационного пространства, на них наталкиваются многочисленные инициативы России в этой весьма важной и чувствительной для всеобщего мира и стабильности сфере.

Финансово-экономические основы

На какие деньги ИГ воюет и живет?

«Исламское государство» не нуждается в масштабных финансовых вливаниях из-за рубежа, как «Аль-Каида», «Джабхат ан-Нусра», а также «Свободная сирийская армия», оппозиционная правящему сирийскому режиму, или другие военизированные или политические формирования, вошедшие в поддерживаемую Западом «Национальную коалицию сирийских революционных сил и оппозиции». Хотя таковые, безусловно, присутствуют и поступают главным образом от источников в суннитских государствах Персидского залива. Самопровозглашенный халифат перешел на самофинансирование: он самостоятельно получает миллиарды долларов за счет грабежа банков, захваченного имущества иноверцев, обмена заложников за выкуп, работоторговли, контроля над наркотрафиком и нелегальными каналами поставок нефти. Сейчас «Исламское государство» является самой богатой террористической организацией с бюджетом приблизительно в 2,3 млрд долл.

Руководство «халифата» исходит из того, что финансирование социальных программ для населения может стать не менее эффективным средством обеспечения лояльности и поддержки, чем массовые репрессии. Американский политэксперт Дж. Пери, вероятно, прав, когда говорит, что «денежный ресурс позволяет боевикам (ИГ. – *Ред.*) копировать стратегию ХАМАС, т.е. предоставлять населению общественные услуги, а именно – восстановить

работу больниц и школ, тем самым укорениться в регионе и пользоваться поддержкой населения»¹.

ИГ – это новый тип террористической организации, в деятельности которой ключевую роль играет финансовое обеспечение, причем в достаточно организованной и контролируемой форме – своего рода бюджетного процесса.

Расходную часть бюджета составляют суммы, выделяемые на подготовку боевиков, технику, связь, вооружение, боеприпасы, материальное обеспечение военных формирований ИГ, включая денежное содержание боевиков, а также поддержание инфраструктуры, социальной сферы, заработную плату чиновников созданных на захваченных территориях административных структур, инженерно-технического персонала контролируемых ИГ предприятий. Так, джихадисты, участвующие в боевых действиях, получают от 500 долл. в месяц.

Возможность такого заработка привлекает авантюристов и «солдат удачи» даже из далекого зарубежья.

Находящиеся в распоряжении ИГ финансово-экономические ресурсы идут на укрепление военного потенциала «халифата». На вооружении имеется значительное количество артиллерийских и минометных систем, танков. Они используют около 50 американских танков «Абрамс», современное военное снаряжение (приборы ночного видения, тепловизоры), позволяющее вести наступательные действия в ночное время, и многое другое. В ходе боев под Пальмирой против сирийских танков активно применялись американские противотанковые управляемые ракетные комплексы. Широкое распространение получила практика подрыва укрепленных районов сирийской армии с помощью грузовиков (включая бронированные БелАЗы), управляемых смертниками, среди которых немало выходцев из России и других стран СНГ². Осуществляется серьезная военная координация между «фронтами».

Что касается доходной части бюджета, то здесь стремление руководства ИГ создать видимость финансовой самостоятельности «нового государственного образования» и наличие стандартной для обычного государства системы мобилизации доходов скорее носит форму финансово-бюджетной мимикрии. В первую очередь

¹ AFP; Le Parisian. 18.06.2014.

² «Исламское государство»: Сущность и противостояние. Аналитический доклад / Под общей ред. Я.А. Амелиной и А.Г. Арешева. – Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015. – 226 с.

это относится к сбору так называемых «налогов». В ИГ действует Совет по финансам, осуществляющий надзор за распределением средств халифата и аудит деятельности губернаторов областей.

Система источников пополнения финансов хорошо продумана, отлажена и жестко контролируется репрессивным аппаратом джихадистов. Эти разнообразные по форме доходы можно объединить в четыре группы:

- поступления от захваченных предприятий в добывающей промышленности (в основном в нефтедобыче);

- «налоги», введенные ИГ на подконтрольных ему территориях Сирии и Ирака;

- доходы от захвата финансовых и материальных ценностей и от нелегального бизнеса (наркотики, контрабандный ввоз и вывоз драгоценностей, золота и т.д.); преступный бизнес включает и получение выкупа за похищаемых джихадистами людей;

- зарубежная финансовая помощь, поступающая ИГ от юридических и физических лиц по разным каналам.

Участие ИГ в производственной деятельности ограничено эксплуатацией экспроприированных в Сирии и Ираке месторождений природных ископаемых, включая их добычу, переработку, сбыт сырья и продуктов его переработки на внутренних рынках этих стран или за рубежом. В Сирии ИГ захватило расположенные вблизи Пальмиры рудники фосфатов, в Ираке также фосфатные рудники и перерабатывающий завод в Аль-Каиме. В Ираке и Сирии организация контролирует предприятия по производству серы, фосфорной кислоты, соли, а также ряд крупных цементных заводов.

И всё же главная цель ИГ в производственной сфере – нефтедобыча и нефтеперерабатывающая промышленность, призванные, по замыслу джихадистов, обеспечить высокий и стабильный уровень доходов своего режима. Основную их часть составляет выручка от продажи нефти с подконтрольных экстремистам месторождений, число которых с момента провозглашения ИГ постоянно увеличивалось.

Нефтяная стратегия ИГ начала разрабатываться еще до наступления в Ираке в 2014 г.

В 2013 г., т.е. еще в период высоких нефтяных цен, появившиеся в Сирии джихадисты из этой группировки рассматривали нефтяные ресурсы в качестве финансово-экономической основы будущего «халифата». Параллельно с захватом Мосула летом 2014 г. отряды ИГ установили контроль над нефтяными ресурсами

в иракской северо-восточной провинции Киркук. Сразу же после этого боевики выставили на месторождениях охрану, привлекли специалистов-нефтяников для продолжения добычи и поставок нефти на рынок. До того как иракская армия освободила в апреле 2015 г. этот нефтеносный район, ИГ успело получить от эксплуатации месторождений около 450 млн долл. По данным Министерства нефти Ирака, боевики ИГ были вытеснены из провинции Салах ад-Дин и потеряли контроль над почти всеми захваченными ранее иракскими месторождениями. В конце 2015 г. они использовали лишь три нефтяные скважины в провинции Найнава.

Основная часть добываемой структурами ИГ нефти сосредоточена на востоке Сирии, богатом этим ресурсом. Не случайно боевые формирования ИГ были передислоцированы из стратегически важных, но лишенных нефтяных запасов северо-западных районов страны на восток.

«Исламское государство» готово продавать «свою» нефть существенно ниже рынка (в последнее время нижняя граница цены, установленная ИГ, – 25 долл. за баррель, за высококачественную «легкую» нефть – до 60 долл.). В конце 2014 г. объем продаж оценивался в 70 тыс. баррелей ежедневно, что пополняло бюджет ИГ на 2–3 млн долл. в день. Бомбардировки нефтяных объектов авиацией коалиции снизили эти доходы до 1–1,5 млн долл.¹

Отдельно стоит проблема сбыта нефти и нефтепродуктов. Джихадистам удалось создать разветвленную сбытовую сеть. Она включает поставки потребителям на подконтрольных им территориях (включая вооруженные формирования ИГ) в остальные части Сирии и Ирака, в Турцию.

На территорию Турции поступает основная часть нефтяного «экспорта» ИГ. Для поставок дешевой ворованной нефти в про-

¹ Некоторые влиятельные западные СМИ, однако, фактически ставят под сомнение возможность получения ИГ подобных доходов от торговли нефтью. Так, согласно материалам опроса ряда западных экспертов, проведенного испанской газетой «Эль Паис», годовой доход ИГ от продажи нефти и нефтепродуктов, с учетом падения мировых цен на «черное золото», составляет не более 200 млн долл. США. Общий объем производства нефти на «территории ИГ», по оценке аналитика Chatham House Валери Марсель (Valérie Marcel), не превышает 40 тыс. баррелей в день (а не 100 тыс. баррелей, как сообщают другие источники), и не более одной четверти от этого количества (т.е. порядка 10 тыс. баррелей в день) идет на экспорт за пределы Сирии и Ирака. (Источник: URL: http://internacional.elpais.com/internacional/2015/12/05/actualidad/1449332363_449457.html).

мышленных масштабах, последующей ее легализации и реэкспорта в Западную Европу и США Турция создала логистические коридоры, обеспечила их охрану. Как заявил президент В.В. Путин на встрече с королем Иордании Абдаллой II Бен Аль-Хусейном 24 ноября 2015 г., «мы давно фиксировали тот факт, что на территорию Турции идет большое количество нефти и нефтепродуктов с захваченных ИГИЛ территорий. Отсюда и большая денежная подпитка бандформирований (...счет там идет на десятки, сотни миллионов, может быть, на миллиарды долларов)...»¹. В этом бизнесе, по некоторым данным, участвуют члены семьи турецкого президента. Чтобы обезопасить потоки нелегальной нефти, Турция 24 ноября 2015 г. пошла на беспрецедентно враждебный России шаг – ее ВВС сбили над территорией Сирии российский бомбардировщик СУ-24, выполнявший задание по пресечению преступного нефтяного «экспорта» ИГ.

В сфере транспортировки и сбыта занято большое количество посредников и контрабандистов. Через них удастся не только преодолевать межгосударственные границы, линии фронтов, но даже, по поступающей информации, снабжать правительственные войска и противостоящие джихадистам силы (например, отряды пешмерга в Иракском Курдистане пропускали грузовики с топливом, идущие из «халифата» на курдскую территорию). ИГ доверяет сбыт нефти и нефтепродуктов перекупщикам – трейдерам, которые скупают сырую нефть непосредственно на месторождениях, доставляют ее на перерабатывающие установки, снабжают нефтепродуктами население, производителей электроэнергии, боевые части и административные службы ИГ, другие террористические формирования. Без этих трейдеров, которые обычно покупают у ИГ баррель нефти за 25–30 долл., а продают нефтеперегонным предприятиям за 60–100, «халифат» не смог бы сориентировать захваченные им месторождения на пополнение своего бюджета.

Высокие цены на нефть (до их резкого падения на мировых рынках) притягивали к ее переработке, транспортировке и контрабанде большое число сирийцев, иракцев, турок, стремящихся получить свою долю прибыли от захваченного ИГ «нефтяного пирога». На снимках из космоса хорошо видны караваны транспортирующих нефть и топливо грузовиков, объемы перевозок которых вполне сопоставимы с пропускной способностью трубопроводов. Помимо обычных автоцистерн, передвижение которых

¹ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50775>

легче контролировать правительственным войскам и таможенным органам, используются разнообразные, подчас изобретаемые на местах, методы контрабанды: сплав емкостей с нефтепродуктами по пограничным рекам, прокладка на границах подземных трубопроводов, доставка лошадьми, мулами, ишаками или просто в канистрах людьми, легально или нелегально пересекающими границу.

У трейдеров есть несколько способов заработать на купленной нефти:

- отправить нефть на ближайший завод, как правило, модульного типа, где ее переработают, после чего уже готовое для использования топливо доставить вновь на «биржу» вблизи месторождения нефти;

- продать нефть посредникам, которые на небольших автомобилях доставляют ее боевикам на севере Сирии или на границе с Ираком;

- попытаться реализовать нефть крупному нефтеперерабатывающему заводу или продать весь объем на внутренних «биржах», крупнейшие из которых находятся на сирийско-иракской границе вблизи города Аль-Каим.

Большинство трейдеров предпочитают использовать первый вариант, поскольку он менее рискован и более прибылен¹.

Претендуя на создание нового государства, джихадисты пытаются копировать структуру, операционную логику, менеджмент, производственно-финансовую отчетность действующих на Ближнем Востоке крупных государственных нефтяных компаний. Были налажены система бухгалтерского учета, поиск и отбор квалифицированных кадров, обеспечена материальная мотивация работников в данной отрасли. Для повышения рентабельности производства тщательно изучается рынок сбыта, учитываются различия в объемах спроса отдельных частей захваченных территорий. Хотя система управления ИГ на местах децентрализована, нефтяная отрасль – наряду с военным управлением и пропагандистской деятельностью – жестко контролируется напрямую высшим руководством «халифата». Месторождения и циркулирующие в отрасли финансовые потоки находятся под пристальным наблюдением «Амният» – секретной полиции ИГ.

Следует признать, что нефтяной бизнес ИГ функционирует при участии значительной части местного населения, в том числе

¹ Financial Times, 15.10.2015.

криминальных элементов и просто оставшихся без средств к существованию обездоленных.

Несмотря на важность данного источника доходов, в перспективе он не может рассматриваться как стабильный и надежный. Во-первых, ИГ не располагает ресурсами и техническими возможностями для эффективного управления этими активами. Поскольку «халифат» испытывает острый дефицит в сложных технологиях и квалифицированных специалистах в данной области, извлекается лишь часть потенциального объема добычи. Прimitивные технологии дают ограниченные объемы нефти и нефтепродукты плохого качества. Во-вторых, мировые цены на нефть упали. В-третьих, авиаудары российской авиации и западной коалиции разрушают производственные мощности и нарушают систему доставки продукции посредникам и конечным потребителям. В результате авиаударов было уничтожено несколько нефтеперерабатывающих заводов, что заставило ИГ перейти на использование модульных нефтеперерабатывающих установок. Они меньше перегонных заводов, устанавливаются вне месторождений, проще в эксплуатации, хотя используют в отдельных случаях современные технологии и оборудование. Вместе с тем, по сообщению западных СМИ, зачастую переработка нефти осуществляется и более примитивным, кустарным способом с использованием маленьких резервуаров, расположенных во внутренних дворах жилых зданий, что крайне усложняет действие авиации, поскольку заложником авиаударов в этом случае может стать гражданское население. Соответственно, резко падает качество конечного продукта, произведенного таким способом.

Осенью 2015 г. российские ВКС в ходе «Операции Возмездия» начали наносить удары по нефтяной транспортной сети и топливным резервуарам джихадистов. Главной целью стали каналы сбыта ворованной сирийской нефти в турецком направлении. В результате разрушения преступного бизнеса между Турцией и ИГ перекрывается значительная часть финансовой подпитки террористов с турецкой стороны. Оценивая связанный с Турцией нефтяной скандал, имеет смысл вспомнить, что данный «экспорт» подрывает основу для послевоенного восстановления Сирии – эта страна в отличие от, например, арабийских нефтяных монархий располагает относительно скромными запасами энергоносителей (ее доля в мировых запасах нефти 0,2%).

Вторым по значимости источником доходов ИГ является разветвленная система многочисленных налогов, сборов, платежей

за навязанные «услуги», а также прямого рэкета. По ряду направлений ИГ копирует и использует инструменты бюджетного процесса, осуществляемого в признанных мировым сообществом государственных образованиях. Такие налоговые поступления, конечно, имеют свою специфику и не могут считаться легитимными.

О характере этих поступлений и их примерном размере свидетельствует уже сам перечень выплат:

- с хозяйственных субъектов взимается налог в размере 10% от прибыли, 10% с капитала и налог на покупки – 2% от стоимости;

- сборщики налогов могут по своему усмотрению установить не определенный какими-то рамками налог на обширное и качественное жилое помещение или новый автомобиль;

- при пересечении границ необходимо уплатить таможенные пошлины;

- ИГ взимает транспортные сборы за транзит через его территорию всех товаров. Для перемещения одного грузовика в Северном Ираке необходимо уплатить «дорожный налог» в размере 200 долл., одной автоцистерны с топливом – 500 долл., а при въезде в Ирак через границу с Сирией и Иорданией – «таможенный налог» в 800 долл. Сборщики «дорожного налога» не только выдают водителям квитанции о его уплате, но и снабжают их поддельными квитанциями о прохождении официальной иракской таможни, которая принимается на блокпостах правительственных сил;

- в Ираке при получении государственными служащими, оказавшимися на оккупированных территориях, заработной платы, переводимой или в местные отделения иракских банков, или в отделения в подконтрольных правительству городах, необходимо отчислить ИГ сбор в размере до 50% заработка. В сумме – это сотни миллионов долларов в год;

- ИГ принуждает вкладчиков в частных банках выплачивать ему налог в 5% при снятии со счетов наличных средств;

- в соответствии с «договором о защите» для несуннитов последние выплачивают подушевой налог на одного взрослого человека – около 720 долл. в год и трехкратную величину указанных выше налогов в случае ведения ими предпринимательской деятельности;

- еще один финансовый сбор – плата за процедуру так называемого «раскаяния» (по-арабски тавба). Население захваченных ИГ территорий принуждается покаяться в своем отступничестве

и присягнуть на верность «халифату». В первую очередь это касается бывших военнослужащих, полицейских, государственных чиновников, работников сферы образования, а также примкнувших к ИГ членов других оппозиционных формирований. Уплатив довольно большую сумму, эти люди получают «документ о покаянии» – своего рода удостоверение личности граждан «нового государства». За продление этого «документа» полагается уплачивать дополнительные суммы. Данная процедура позволяет бывшим госслужащим избежать преследования и наказания со стороны новоявленных властей, устроиться на работу в администрации ИГ или образовательных учреждениях на захваченных территориях (что немаловажно в условиях колоссальной безработицы), а «халифату» получать регулярные весомые доходы и интегрировать часть населения в свои структуры.

Под этим финансовым прессом (приведенный перечень налогов и сборов далеко не полный) находятся по меньшей мере 4 млн человек, проживающих на оккупированных ИГ территориях. Прочность заброшенной на оккупированные территории сети незаконных поборов обеспечивается не только военной силой джихадистов, но и лояльностью им части местного населения.

Следующий источник – доходы от бизнеса, преступный характер которого ИГ даже не скрывает. Речь идет об экспроприации на территории «халифата» хранящейся в банках денежной наличности, недвижимости, товарных запасов, транспортных средств, о захвате заложников с целью получения выкупа. В частности, в Мосуле в июне 2014 г. боевики ограбили филиал Центрального банка Ирака, присвоив, по разным оценкам, от 900 млн до 2 млрд долл. В сфере финансовых услуг ИГ стало собственником наличных ресурсов в государственных банках, оно конфискует денежные средства покинувших «территорию ИГ» беженцев – несуннитов, а также всех тех вкладчиков частных банков, которые не смогли предоставить устраивающую джихадистов информацию о происхождении своих накоплений и целях их дальнейшего использования.

Покинутые беженцами дома, лишившиеся владельцев магазины сдаются в аренду и ежемесячно приносят ИГ доход в 3 млн долл. в форме рентных платежей.

В аграрном производстве «Исламское государство» установило контроль над зернохранилищами, захватывает у фермеров сельскохозяйственную технику для последующей сдачи ее в аренду прежним владельцам. Краденое зерно используется не только

для получения прибыли, контроля над региональным зерновым рынком, но и в качестве инструмента, влияющего на продовольственную безопасность этой части Ближнего Востока. В качестве аналогичного инструмента используются и водные ресурсы. Зерно из Ирака¹ поставляется в Сирию и Турцию.

Прибыльным преступным бизнесом является контрабанда памятников культуры. ИГ получает прибыль от этого двумя способами: продажа трофейных памятников и взимание сборов с контрабандистов, провозящих артефакты через оккупированную территорию. ИГ и другие преступные группировки, действующие в Сирии, могли на настоящий момент заработать десятки миллионов долларов США от продажи памятников культуры, похищенных в Сирии. «Исламское государство» оккупировало свыше 4500 археологических памятников, некоторые из которых являются объектами мирового наследия ЮНЕСКО. 90% культурных памятников страны расположены в разрушенных войной регионах, что создает условия для хищений в крупных масштабах².

Торговля людьми – еще один источник доходов. На «работладельческих аукционах» ИГ людей продают и перепродают с целью получения выкупа. По данным Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), прибыль от преступной деятельности составила от 20 до 45 млн долл.³

ИГ извлекает доход и от потока беженцев, направляемых в Европу: террористы собирают с них плату за нелегальную транспортировку в страны ЕС. На конец 2015 г. коммерциализация «канала беженцев» позволила ИГ получить более 300 млн долл.

В 2014–2015 гг. захваченные территории давали ИГ основную часть финансовых ресурсов. Руководители «халифата» рассчитывали за счет их эксплуатации обеспечить финансовую самостоятельность своего эрзац-образования. Однако своеобразным резервом служат и «прямые» денежные транзакции из-за рубежа.

На первом месте здесь – переводы различного рода фондов, включая благотворительные, законспирированные финансовые вливания спецслужб и иных государственных органов Катара,

¹ В северных и северо-западных районах Ирака сосредоточена основная часть производства пшеницы, в том числе зерна с низким содержанием клейковины.

² Финансирование террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Отчет ФАТФ. Февраль 2015. – С. 22.

³ Там же. – С. 24.

КСА, Турции. Эти деньги идут не только на закупку вооружений. Так, Турция оплачивает лечение и отдых в своих военных госпиталях прибывающих из Сирии боевиков ИГ. На турецкой территории действуют базы для военной подготовки исламистов. В финансировании направляющихся из Турции в Сирию добровольцев ИГ, а также поступающего по этому маршруту снабжения участвует и Катар.

Второе – традиционные для ислама налоги, пожертвования в форме регулярных добровольных отчислений верующих на благотворительные нужды. Это укладывается в легальную схему: сбор пожертвований, их распределение на нужды бедных, на распространение идей ислама по всему миру. Здесь имеет место ситуация, когда легально собранные в разных странах деньги становятся нелегальными, т.е. происходит не «отмывание грязных денег», а «загрязнение чистых». По имеющимся данным, только из России по этому каналу ИГ получило около 400 млн руб.

Третий источник – сбор средств в социальных сетях. Перевод денег облегчен современными банковскими технологиями. «Краудфандинг» как способ привлечения пожертвований от больших групп населения помогает собирать значительные суммы при сохранении анонимности доноров. Существует и традиционная мусульманская система денежных переводов, известная под названием «хавалая». Например, какой-то человек в США хочет передать средства на джихадистские нужды в другой части света. Он просто звонит по телефону человеку, являющемуся звеном цепочки посредников, передает ему без всяких документов и подтверждений деньги, тот, в свою очередь, передает их следующему посреднику. Так деньги движутся к точке назначения, и проследить это движение практически невозможно. Часть денег поступает вместе с приезжающими в подконтрольные ИГ районы боевиками.

Четвертый внешний источник – доходы от законной финансовой деятельности, предпринимательства. Дополнительным «преимуществом» исламских банков является присущая им практика слияния, смешивания средств разных вкладчиков, в том числе жертвователей, при формировании пулов инвестиций в те или иные проекты.

В долгосрочной перспективе вопрос об экономической жизнеспособности «халифата» не ясен. Сложно представить, за счет чего может произойти хозяйственное возрождение оккупированных территорий. Экономическая программа ИГ туманна. Трудно рассчитывать на то, что ИГ сможет отказаться от перечисленных

доходов. Но в пропагандистских целях под легитимность «нового государства» исламисты, вполне возможно, подведут фундамент в виде особой экономической модели. Можно предположить, что на следующем после периода экспроприации и рэкета этапе они планируют заявить о построении экономики исламского типа.

В теории исламская экономика – социально ориентированная хозяйственная модель, в которой в соответствии с нормами шариата запрещены эксплуатация работников собственниками капиталов, спекулятивный бизнес, не обусловленное собственным трудом извлечение прибыли, финансирование незаконных по нормам ислама видов деятельности.

Исламская экономика выростала из хозяйственного опыта общины времен Мухаммеда и первых халифов. На практике в условиях глоболизирующегося мира хозяйственная автаркия на основе развития экономики, базирующейся исключительно на исламских принципах, скорее всего, будет неэффективной, хотя на уровне отдельных общин исламские хозяйственные принципы и могут применяться. Сегодня географически исламская экономика на государственном уровне – это хозяйства трех стран: Ирана, Пакистана и Судана, сделавших исламизацию всей экономической жизни официальной политикой. Это зачастую имело разочаровывающие результаты, несмотря на впечатляющие частные достижения. На определенном этапе во всех трех странах началось переосмысление полученного опыта¹.

Несколько наивной представляется продвигаемая руководителями ИГ идея возвращения к «золотому стандарту» – чеканке металлических, в том числе золотых, монет. Был выпущен в обращение золотой динар (курс – 139 долл. за один динар). Имелись и планы открытия в Мосуле «Исламского банка» под контролем ИГ.

Методы противодействия финансово-экономической активности ИГ

Несмотря на то что перечисленные источники дают ИГ много-миллионные доходы, его финансовое положение нельзя назвать устойчивым. Объемы поступлений, питающих террористическую деятельность в Сирии и Ираке, прямо пропорциональны размерам подвластных ИГ территорий. Чем меньше подконтрольные

¹ Федорченко А.В., Крылов А.В. Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 2. – С. 216.

районы, тем менее весомы преступные доходы. Поэтому очевидно, что наиболее эффективный способ подорвать финансово-экономическую основу «халифата» – освобождение этих районов и восставление здесь законной власти.

Вместе с тем еще до решающей победы над ИГ противостоящее ему мировое сообщество может предпринять меры к существенному сужению финансового потока, используемого террористами. Эти меры будут эффективны лишь в результате тесного международного сотрудничества, создания широкой коалиции по борьбе с ИГ.

12 февраля 2015 г. Совет Безопасности ООН принял иницированную Россией резолюцию 2199 по пресечению финансирования террористических организаций за счет нелегальной торговли нефтью и нефтепродуктами с территориями Сирии и Ирака. В документе закреплен запрет на любую торговлю нефтью и нефтепродуктами с ИГ и «Джабхат ан-Нусра».

Такие действия должны рассматриваться как оказание финансовой поддержки террористам и являться основанием для введения против физических и юридических лиц, вовлеченных в такую преступную активность, адресных санкций по линии СБ ООН. Все государства обязываются привлекать к ответственности тех, кто оказывал содействие террористам. В резолюцию были также включены положения, направленные на купирование других источников доходов террористов, включая контрабанду драгоценных металлов, а также культурных ценностей из Ирака и Сирии, что приобрело еще большую актуальность и остроту после варварского уничтожения экстремистами коллекции бесценных статуй и скульптур ассирийской эпохи (IX–VII вв. до н.э.) в музее иракского г. Мосула в конце февраля 2015 г. и разрушения ряда уникальных строений в Пальмире, являющихся достоянием всего человечества.

Для прекращения продажи нефти «Исламским государством» необходимо установить контроль над перекупщиками и перекрыть каналы контрабанды. Борьба с коррупцией поможет уменьшить привлекательность нефтяного бизнеса для местного населения, включая работников таможен, других государственных чиновников. В этой связи имеет смысл критически оценить и распространить давшую положительные результаты часть опыта Регионального правительства Курдистана по пресечению контрабандных поставок нефти и нефтепродуктов. Чтобы обеспечить принятие дополнительных мер, необходимо организовать обмен разведанными, результатами расследований и доказательствами,

подтверждающими транснациональные связи и отношения местных контрабандистов¹.

Предстоит кропотливая работа по установлению контроля над финансовыми переводами в направлении «халифата». Здесь не обойтись без составления международной базы данных, содержащей информацию о связанных с террористами донорах и посреднических структурах. Наряду с замораживанием зарубежных счетов прибывающих в Сирию и Ирак террористов, следует свернуть транснациональные операции находящихся на оккупированных территориях банков и других финансовых институтов.

Россия предпринимает в финансовой области конкретные шаги по борьбе с терроризмом. 18 ноября 2015 г. президент В.В. Путин распорядился создать межведомственную комиссию по противодействию финансированию терроризма. В президентском указе рекомендовано органам прокуратуры РФ, ЦБ РФ, органам власти субъектов РФ, органам местного самоуправления и иным государственным органам и организациям направлять имеющиеся в их распоряжении материалы, содержащие сведения о возможной причастности организаций или физического лица к террористической деятельности (в том числе финансировании терроризма), в межведомственную комиссию по противодействию финансированию терроризма.

На мировых рынках артефактов древности целесообразно установить жесткий контроль над получением документов, подтверждающих происхождение антиквариата, а также дополнить международные ограничительные меры на соответствующие поставки замораживанием торговли с Ираком и Сирией в данной области.

В то же время реальная оценка возможностей по ослаблению финансовой и материальной базы ИГ выявляет определенные сложности в деле экономической блокады «халифата». Все говорит в пользу того, что в обозримой перспективе полностью перекрыть источники финансирования террористической деятельности радикальных исламистов вряд ли удастся. Но ограничить их экономическую базу вполне реально, причем за сравнительно короткий период времени. После выполнения этой задачи законным властям освобожденных от террористов стран при поддержке мирового сообщества предстоит разработать, выдвинуть и осуществить альтернативный вариант экономического возрождения.

¹ Федорченко А.В., Крылов А.В. Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 2. – С. 49.

Угрозы для России

Социально-экономические причины распространения идеологии ИГ

ИГ привлекательно для части молодых мусульман обещаниями социальной справедливости, которую они отчаялись добиться на своей малой родине. Коррупция, клановость, отсутствие социальных лифтов и перспектив толкают молодежь искать выход в исламистской идеологии, в утопических проектах введения шариата для решения всех проблем современного общества. Если до этого молодые экстремисты искали свое место в рядах боевиков «Имарата Кавказ» (ИК), то взлет ИГИЛ в 2013–2014 гг. дал им нового кумира. На территории Сирии и Ирака они увидели реально контролируемую территорию, на которой объявлено исламское правление с якобы успешно работающими исламскими законами. ИГ важен для них как социально-политический эксперимент, в котором им дается шанс обрести то, чего они не рассчитывали получить в своих странах и регионах, возможность не только попробовать сделать карьеру, но и участвовать в построении «справедливого» общества, основанного, как они считают, на законах Всевышнего. Такая мусульманская молодежь воспринимает ИГ как своего рода «исламский Израиль», тем более что главарь ИГ всячески поощряют переселение на подконтрольную территорию. «Справедливость» на ней обеспечивается «автоматически», в силу введенных там шариатских порядков.

Говоря о социально-экономических причинах распространения экстремистской идеологии, не следует использовать упрощенные причинно-следственные конструкции. Не обязательно молодой человек, который столкнулся с коррупцией, к примеру в органах власти или в суде, будет более отзывчив на экстремистскую пропаганду. Нельзя сводить сложную картину к достаточно банальному выводу, что экстремистами становятся обездоленные. Связь этих факторов не линейна, «бедный и обездоленный терроризм» остался в прошлом. Среди присоединившихся к ИГ значительную долю составляют успешные, состоявшиеся люди.

Анализ данных об уехавших в Сирию из некоторых дагестанских селений свидетельствует о том, что среди них преобладают выходцы из благополучных слоев общества, а представители семей, исторически находившихся на низких ступенях социальной

иерархии, напротив, как правило, не отзываются на вербовочные призывы.

Привлекательность экстремистской идеологии для успешных и состоявшихся молодых людей можно объяснить тем, что они чаще сталкиваются с несоответствием социально-экономической действительности их представлениям о справедливом обществе, их больше угнетают проявления коррупции и прочие негативные стороны жизни.

Проникновение ИГ

Россия (а вместе с ней Грузия и Азербайджан) столкнулась с сетевыми террористическими организациями исламистского толка еще в конце 1990-х – начале 2000-х годов. В 2007 г. на обломках «Чеченской Республики Ичкерия» террористы объявили о создании «Имарата Кавказ», который стал подразделением «Аль-Каиды» на Северном Кавказе, получая финансирование по линии этой организации.

Начало гражданской войны в Сирии в 2011 г., однозначно интерпретированной экстремистской пропагандой как «восстание суннитов против деспотической шиитской власти», привело в движение радикальных исламистов по всему миру. Стали раздаваться призывы переселяться в Сирию и присоединяться к идущей там гражданской войне, которая тем самым превратилась из внутренней в международную проблему. Это движение коснулось и российских граждан, в первую очередь из регионов Северного Кавказа.

Число присоединявшихся к боевым действиям в Сирии с каждым годом росло, достигнув в 2013 г. такого уровня, что действующий на территории Северного Кавказа «Имарат Кавказ» потерял большую часть своих боевиков. Доля кавказцев, присоединившихся к ИГ и воюющих на его стороне, непропорционально велика: на конец 2014 г. она составляла 7–10% комбатантов, по распространенным в соцсетях оценкам самих салафитов. Причем большинство из таких кавказцев составляют выходцы с российского Северного Кавказа; число выехавших из Грузии оценивается примерно в 200 человек (хотя с учетом чеченцев из Панкиси, слабо контролируемого грузинскими властями, оно должно быть больше, но никак не превышает 400 человек), из Азербайджана – 400–1000 человек. С Северного же Кавказа уехали на сегодня, по разным оценкам, 2–7 тыс. человек, и этот поток не останавливается. Одних только чеченцев (по заявлению Магомеда Даудова,

19.02.2015) насчитывается до 3 тыс. человек, многие являются выходцами из чеченских диаспор в странах Европы. Из самой Чечни, по признанию Рамзана Кадырова, уехали около 500 человек, более 200 из них погибли, около 50 вернулись в Россию. Присоединившихся к боевикам в Сирии дагестанцев, по разным оценкам, 2–5 тыс. человек. При этом важно иметь в виду, что это – общая численность уехавших в Сирию молодых людей, вне зависимости от того, к какой конкретно группировке они примкнули. То есть среди них есть и те, кто присоединился, скажем, к аффилированной с «Аль-Каидой» «Джабхат ан-Нусра». Тем не менее известно, что подавляющее большинство иностранных джихадистов присоединяется именно к ИГ.

В поток уезжающих в Сирию (возраст направляющихся в ИГ в основном колеблется в диапазоне 18–28 лет) вливаются и представители других народов России: башкиры, татары, русские. Их счет идет на сотни. Расширяется география такого исхода: среди боевиков ИГ замечены не только жители обеих столиц, но и представители различных регионов европейской России, а также Сибири.

Присоединившаяся к ИГ российская молодежь набирается боевого опыта, вписывается в выстраиваемую этой организацией мировую террористическую сеть. На Северном Кавказе завершается борьба между сторонниками принадлежащего к сети «Аль-Каиды» «Имарата Кавказ» (ИК) и ИГ, которые не признают друг друга. После уничтожения в апреле 2015 г. руководителя ИК Кебекова позиции противников ИГ серьезно пошатнулись. С конца 2014 г. в ответ на обращения и целенаправленную работу с ними со стороны ИГ шло активное присяжание «халифу» аль-Багдади командиров «Имарата Кавказ». Примерно в это же время в Интернете было опубликовано обращение влиятельного в ИГ полевого командира Ислама Атабиева (известного как «Абу Джихад») к «муджахидам Кавказа», в котором он упрекает мусульман Кавказа в «молчании», в то время как муджахиды по всему миру присягают «халифу», и призывает четко определить свою позицию в отношении ИГ. Эта тактика оказалась результативной: в ноябре-декабре 2014 г. ИГ присягнули лидеры боевиков Дагестана, в феврале 2015 г. – ингушские боевики, в июне 2015 г. от имени всех чеченских боевиков присягнул Аслан Бютукаев, а 21 июня 2015 г. опубликована присяга «в полном составе» боевиков «Имарата Кавказ», в которой поименованы практически все «вилаяты» этой террористической организации. Из автономной структуры «Аль-Каиды» она превращается в составную часть ИГ.

Всё это – результат изменения политики ИГ на Северном Кавказе: если прежде ИГ смотрело на ИК как на источник «пушечного мяса», то теперь рассматривает его в качестве своего филиала. Об этом свидетельствует объявление о создании 24 июля 2015 г. «Вилаята Кавказ Исламского государства».

Анализ вербовочной работы ИГ на территории России свидетельствует о том, что это не хаотичная, а стратегически упорядоченная деятельность. Основывается вербовка на призывах к совершению хиджры (переселения) на территорию «халифата». Вербовщики, по-видимому, имеют указания, кого следует вербовать. Большое внимание уделяется, например, IT-специалистам, нефтяникам, врачам – в первую очередь хирургам.

Показателен пример успешного молодого хирурга из одного из крупных городов Юга России, который попал под влияние вербовщиков. По словам родственников, он зарабатывал достаточно денег и был успешным специалистом. И тем не менее он выехал в ИГ, вывезя обманом супругу и ребенка. Супруге удалось вырваться и вернуться, но ребенок остается с отцом, который не поддается на уговоры родственников и не соглашается отпустить ребенка из контролируемых ИГ территорий.

Сама сеть вербовщиков на территории России становится все более разветвленной. Существует представление об исключительной роли Интернета в вербовке. Действительно, ролики, обращения, размещенные в Интернете, играют важную роль. Пропагандисты ИГ уделяют особое внимание русскому языку и его качеству: подготовленные ролики оперативно переводятся на русский, который по количеству материалов идет вслед за английским и арабским языками. В 2015 г. был выпущен первый номер русскоязычного журнала «Исток» (название намеренно подобрано созвучным названию англоязычного журнала «Dabiq», выпускаемого ИГ). Материалы распространяются пропагандистами через социальные сети, в основном Twitter, через каналы Telegram, другие сетевые мессенджеры. Количество просмотров на Северном Кавказе размещенных ИГ материалов впечатляюще велико (летом 2014 г. эти просмотры достигали десятков тысяч в день). Часто молодежь использует для этого мобильный Интернет, применяя так называемые одноразовые sim-карты.

Кандидаты на обработку нередко отбираются в социальных сетях, через общение в чатах и анализ постов молодых людей. И всё же именно реальные вербовщики, общаясь с молодыми людьми «вживую», часто довершают агитацию из Интернета. Они

снабжают созревших молодых людей инструкциями проезда на территорию ИГ, перехода через границу, с кем необходимо связываться. Для вербовки также используются родственные, дружеские и служебные связи. При этом вербовщик легко может переквалифицироваться в террориста, тем более что он и так ведет подрывную работу против государства.

В той или иной мере описанные проблемы непосредственно касаются и двух кавказских государств – Грузии и Азербайджана. Грузия изначально столкнулась с участием своих граждан из Панкисского ущелья, населенного компактно кистинами, в конфликте на Ближнем Востоке. Высокую тамошнюю популярность джихада в Сирии нередко объясняют тем, что в ИГ высокое положение в военной иерархии занимает выходец из Панкиси Тархан Батирашвили, известный как «Абу Умар аш-Шишани». Широкое внимание общественности к проблеме было привлечено после того, как в апреле 2015 г. в Сирию уехали школьники, одному из которых, Муслиму Куштанашвили, было всего 16 лет. Вскоре после этого парламент Грузии принял закон, согласно которому была введена уголовная ответственность за участие в незаконных вооруженных формированиях за пределами страны, но проблема остается.

В ряды террористов ИГ вливаются не только чеченцы из Панкиси, но и этнические грузины из числа аджарцев (этнографическая группа грузинского народа). Несомненно, есть десятки симпатизирующих ИГ молодых людей, есть и вербовщики. Насколько быстро можно из этого сделать террористическую сеть – вопрос риторический.

Проблема ИГ серьезно коснулась и Азербайджана. И если в начале 1990-х годов в приверженности экстремизму чаще замечались представители этнических меньшинств Северного Азербайджана, то теперь в числе присоединяющихся к джихаду в Сирии преобладают азербайджанцы. Азербайджанские джихадисты в ИГ оказались весьма активными в соцсетях, особенно в Twitter и Facebook. Приток молодежи из Азербайджана столь значителен, что был даже создан отдельный азербайджанский батальон, которым руководил до своего уничтожения в мае 2014 г. Муса аль-Азери.

Популярность пропаганды ИГ среди азербайджанской молодежи растет, и не ясно, сколько человек симпатизирует этой террористической организации. Еще со времен двух войн в Чеченской Республике Азербайджан является одной из транзитных стран для доставки финансирования боевикам на Северном Кавказе.

Методы противодействия

Силовые методы противодействия террористической угрозе сегодня широко используются и в России, и в других странах, которых коснулась проблема ИГ. В частности, спецслужбы наладили успешную работу на Северном Кавказе, благодаря которой удалось обескровить террористические сети «Имарата Кавказ». Но и в этом направлении есть что совершенствовать. В частности, одним из наиболее перспективных направлений работы является противодействие деятельности сети вербовщиков как в виртуальном, так и в реальном мире.

Деятельность реальных вербовщиков вдвойне опасна – мало того, что они склоняют российских граждан присоединяться к террористической организации, они еще и создают своей деятельностью базу для налаживания террористических сетей непосредственно на территории России. Это же касается и кавказских соседей России.

Относительно сетей вербовщиков есть понимание важности противодействия им. Тем не менее весьма симптоматичны слова полпреда Президента РФ в СКФО Сергея Меликова, отметившего в ноябре 2015 г. на заседании Общественного совета СКФО, что «сегодня даже правоохранительные органы не до конца понимают, каким образом на неокрепшие умы воздействуют вербовщики»¹. Работа против вербовочных сетей ИГ выдвигается, таким образом, на передний план борьбы с террористической угрозой в России.

Наряду с силовыми методами противодействия целесообразно напомнить о важности реформ, которые назрели и даже кое-где «перезрели». Исследования последних лет показывают, что население северокавказских республик мало доверяет местным властям, полностью полагаясь на Москву во всем том, что касается обустройства их жизни. Проводимые федеральной властью точечные удары по коррумпированным чиновникам находят положительный отклик среди граждан, однако этих мер, по-видимому, недостаточно. Следует внимательно проанализировать практику трудноконтролируемых бюджетных «вливаний», которые лишь разогревают аппетиты тех, кто имеет к ним доступ. Борьба с коррупцией не должна ограничиваться привлечением к ответственности наиболее одиозных фигур. В тех регионах, где есть реальное

¹ Антон Чаблин. Кавказу аukaются Сирия и Донбасс // Свободная пресса-Юг. 2015. 23 ноября. – URL: <http://yug.svpressa.ru/society/article/128681/>

производство, но значительная его часть находится в теневом секторе, необходимо искать варианты вывода такого производства в «легальное поле» и в целом вести дело к устранению по большей части неформальных препон ведению бизнеса.

Проведение назревших реформ, в частности на Северном Кавказе, на данном этапе невозможно без участия – в отдельных случаях – прямого федерального центра. Это тот ресурс, без использования которого, фигурально выражаясь, воз еще долго не сдвинется с места.

В крупных городах России и в регионах необходимо уделять больше внимания проблемам внутренних мигрантов, направлять усилия на преодоление их отчужденности в повседневной практике от жизни коренного населения.

Серьезная проблема, которую уже сегодня вынуждены решать в различных регионах страны, – возвращение на родину прежде присоединившихся к ИГ российских граждан.

Очевидно, что значительная часть молодых мусульман, которые решили вернуться в Россию, – действительно разочаровавшиеся в ИГ и в тех «ценностях», которые оно проповедует, люди, искренне сожалеющие о своем ошибочном выборе. Однако среди них могут быть и те, кто возвращается с совершенно определенными целями: налаживать сеть сторонников ИГ, да и просто создавать «спящие ячейки», которые сработают в нужный момент.

С прицелом на решение новых задач необходимо внимательно проанализировать опыт официально действовавших на Северном Кавказе при государственных структурах адаптационных комиссий, которые занимались возвращением молодых людей из «леса» и адаптацией их к мирной жизни. Возможно, такого рода комиссию по адаптации следовало бы создать на федеральном уровне, поскольку вербовка в ИГ охватила территорию всей страны.

Целесообразно изучить и методы борьбы против вербовочных сетей, применяемые в ряде европейских стран. Так, в Австрии с 2011 г. действует ориентированная на иммигрантов-мусульман программа «Вместе: Австрия», которая комбинирует пропаганду в сети Интернет и элементы школьной программы¹. В ряде стран в школах реализуются комплексные программы по борьбе с экстремизмом. Например, во Франции была принята специальная

¹ URL: <http://www.zusammen-oesterreich.at/index.php?id=5>; http://diepresse.com/home/politik/innenpolitik/4649258/Integration_stolzdraufKampagne-kostete-326000-Euro

программа Министерства образования и науки «Большая мобилизация образования в поддержку ценностей Республики» (*Grande mobilisation de l'École pour les valeurs de la République*), опубликованная 9 февраля 2015 г.¹ Программа предусматривает, в том числе, подготовку 300 тыс. учителей-методистов в данной сфере; развитие системы специализированных школьных СМИ и их взаимодействие с национальными СМИ и интернет-порталами; введение в учебных заведениях «Дня светского государства 9 декабря» (дата принятия Закона об отделении церкви от государства); проведение памятных мероприятий, носящих патриотический характер; введение «Дня национальной обороны и гражданственности» (*La journée défense et citoyenneté*); введение «Недели борьбы с расизмом и антисемитизмом как формами радикального поведения»; развитие исследований в сфере изучения радикализации; распространение методических пособий с указанием возможных признаков вовлеченности учащихся в радикальные религиозные организации². Сходные, более скромные, меры предпринимаются в немецких и австрийских школах.

Также осуществляются специальные программы взаимодействия школы и полиции. Например, еще с 1997 г. в Норвегии сотрудники полиции и родители, дети которых были вовлечены в радикальные группировки, инициировали программу «Выход»³. Ее целями были: поддержка молодых людей, желающих покинуть радикальные группировки, проповедующие насилие; поддержка родителей, чьи дети оказались вовлеченными в подобные группировки; разработка и распространение информации и методов работы для учителей и соцработников. Принципы программы «Выход» в последующем распространились на повседневную работу полиции и служб, занимающихся проблемами радикализации молодежи и вербовки террористов.

¹ Ministre de l'Éducation nationale, de l'Enseignement supérieur et de la Recherche. Grande mobilisation de l'École pour les valeurs de la République: lancement des Assises. 09.02.2015. URL: <http://www.education.gouv.fr/cid86129/grande-mobilisation-ecole-pour-les-valeurs-republique-lancement-des-assises.html>

² Ministre de l'Éducation nationale, de l'Enseignement supérieur et de la Recherche. Prévenir la radicalisation des jeunes. 02.02.2015. URL: http://cache.media.education.gouv.fr/file/02_-_fevrier/76/8/Prevenir-la-radicalisation-des-jeunes_390768.pdf

³ Tuva Julie Engebretsen Smith, *Islamic Radicalization in Norway: Preventative Actions* (International Institute for Counter-Terrorism), Spring 2015. URL: <http://www.ict.org.il/Article/1339/Islamic-Radicalization-in-Norway>

Ведется и определенная работа по созданию специального программного обеспечения. В Великобритании, согласно новому антитеррористическому законодательству, вступившему в силу 1 июля 2015 г., школы должны использовать специальное программное обеспечение, которое будет осуществлять мониторинг интернет-активности школьников, включая переписку в соцсетях, на предмет выявления в ней специальных терминов, которые употребляют вербовщики террористов¹.

Перенос активности «Исламского государства» в Афганистан и Центральную Азию

Очевидна и угроза «просачивания» террористов ИГ в Центральную Азию. В связи с этим одной из ключевых проблем является миграция боевиков и их последующее возвращение из Сирии и Ирака. Согласно докладу Международного центра исследований проблем радикализма и политического насилия (ICSR), оценивающему участие граждан иностранных государств в конфликтах в Сирии и Ираке², на конец 2014 г. из Казахстана выехали 250 боевиков, из Киргизии – 100, Таджикистана – 190, Туркмении – 360, Узбекистана – 500. В более позднем докладе, подготовленном американским Brookings Institution³ и относящемся к августу 2015 г., в числе 20 стран, которые послужили основными «поставщиками» живой силы для ИГ, названы Узбекистан (500 человек), Туркмения (360) и Киргизия (350).

Если эти данные адекватны, наблюдается рост числа боевиков, выезжающих из Киргизии. Впрочем, не исключено, что изменение данных связано с более точным подсчетом. Относительная же численность выехавших не только в Центральной Азии, но и на постсоветском пространстве в целом, окажется наибольшей у Туркмении, за ней следует Киргизия. Тревогу вызывает склонность туркменских властей отрицать наличие террористической проблемы в стране, в том числе на туркменско-афганской границе

¹ Schools monitoring pupils' web use with 'anti-radicalisation software' // The Guardian 10.06.2015. URL: <http://www.theguardian.com/uk-news/2015/jun/10/schools-trial-anti-radicalisation-software-pupils-internet>

² URL: <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict1980s/> (Дата публикации: 26.01.2015.)

³ Lister Ch. Returning Foreign Fighters: Criminalization or Integration? // Brookings Institution, 13.08.2015. URL: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2015/08/13-foreign-fighters-lister/en-fighters-web.pdf>

(есть соответствующая нота туркменского МИД, адресованная Казахстану). Такая официальная позиция может затруднять усилия международного сообщества по борьбе с террористической угрозой в регионе.

Следует отметить и определенную неточность оценок государствами региона проблем, связанных с выезжающими боевиками. Так, 16 октября 2015 г. президент России В.В. Путин на заседании Совета глав государств – участников СНГ заявил: «По разным оценкам, на стороне ИГИЛ уже воюют от 5 до 7 тыс. выходцев из России и других стран СНГ»¹.

Эта наиболее поздняя по времени оценка заставляет пересмотреть в сторону существенного повышения и данные, имеющиеся по другим постсоветским странам. Она, в частности, означает, что кроме 2400 боевиков из России (сентябрь 2015 г.)² на стороне ИГ в Сирии и Ираке воюют еще порядка 2600–4500 боевиков из других постсоветских стран, преимущественно центральноазиатских (по авторитетным экспертным оценкам, именно они, наряду с выходцами с российского Северного Кавказа, составляют основную массу боевиков из постсоветского пространства). А это заставляет пересмотреть в сторону повышения и данные по отдельным странам Центральной Азии.

Кроме количественных оценок, следует обратить внимание на имеющуюся информацию о качественном составе боевиков – выходцев из Центральной Азии, воюющих в ИГ. В их числе бывшие опытные офицеры (как, например, полковник таджикского ОМОНа Гулмурод Халимов) и студенты духовных учебных заведений. Помимо них в ИГ есть женщины и дети (в Интернете, например, был ролик о казахском детском садике в ИГ). Особую тревогу представляет то обстоятельство, что среди боевиков – выходцев из Центральной Азии много трудовых иммигрантов, завербованных и переправленных в Сирию и Ирак уже из России.

Другая важнейшая проблема заключается в том, что соседний Афганистан фактически является «несостоявшимся государством», правительство которого не контролирует свою территорию. Афганистан давно стал базой для международных террористов. В настоящее время на севере Афганистана,

¹ Заседание Совета глав государств СНГ. Владимир Путин принял участие в заседании Совета глав государств – участников Содружества Независимых Государств, 16 октября 2015 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50515>

² ТАСС, 18.09.2015. URL: <http://tass.ru/politika/2272750>

непосредственно граничащем с Центральной Азией, идет активный процесс проникновения новых террористических групп. Последние были частично вытеснены, частично ушли по договоренности с пакистанской Межведомственной разведкой (ISI) с севера Пакистана в Афганистан, в том числе на север этой страны.

Как отмечается в документах Совета Безопасности ООН, «в Афганистане, по оценкам афганских сил безопасности, в марте 2015 г. насчитывалось около 6500 активно действующих иностранных боевиков – террористов. Большинство из них связаны с “Терик-и-Талибан Пакистан”, 300 человек – с “Терик-и-Нифаз-и-Шариат-и-Мухаммади”, 200 человек – с “Исламским движением Узбекистана”, 160 – с “Лашкар-и-Тайба” и 150 – с “Исламским движением Восточного Туркестана”»¹. Учитывая, что все эти организации связаны либо с «Аль-Каидой», либо с ИГ, вряд ли уместно считать их чисто пакистанскими. Более того, во многих из них воюют боевики из постсоветских стран, т.е. они международные по составу. Существует опасность, что международное сообщество слишком сконцентрируется на ситуации в Сирии, Ираке и Ливии и забудет об Афганистане, где угроза так же значительна. При этом на Афганистан сейчас приходится примерно 6500 террористов, связанных с «Аль-Каидой» и ИГ, фактически каждый пятый. Если же учесть и самих афганцев, то общее количество боевиков в Афганистане достигает 50 тыс., объединенных более чем в 4 тыс. отрядов и групп различной направленности².

Особенно острой в этом контексте является проблема проникновения в Афганистан боевиков ИГ и дальнейшего их распространения в Центральной Азии. Афганистан, как и ЦА, отнесен в ИГ к новому территориальному подразделению – «вилаят Хорасан». В настоящее время боевиков ИГ больше всего на севере и востоке Афганистана. При этом ИГ активно использует свои значительные финансовые ресурсы – боевикам ИГ платят существенно больше, чем боевикам «Талибана» (по информации «Аль-Джазиры», разница в оплате достигает 10 раз – 700 и 70 долл.,

¹ Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюциями 1267 (1999) и 1989 (2011) по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям, от 19 мая 2015 г. на имя Председателя Совета Безопасности. S/2015/358. С. 9. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/358&referer=/english/&Lang=R

² Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы // Коммерсант. 2015. 8 октября. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

соответственно¹). ИГ также воспользовалось благоприятной для него ситуацией, сложившейся в связи с расколом «Талибана» после смерти муллы Омара.

Всего сейчас в Афганистане, по оценке начальника Генерального штаба ВС РФ Валерия Герасимова, находится от 2 до 3 тыс. боевиков, непосредственно связанных с ИГ, и их численность постоянно растет². По мнению начальника ГРУ ГШ Игоря Сергуна, боевики «Исламского государства» рассматривают территорию Афганистана как базу для распространения влияния на страны Центральной Азии. С этой целью, как неоднократно заявляли представители МИД и Министерства обороны России, в Северном Афганистане создана сеть террористических лагерей, связанных с ИГ и «Аль-Каидой», в которых находится много боевиков из постсоветских стран. При этом весьма опасной является тенденция к взаимодействию структур ИГ и «Аль-Каиды» с «Талибаном». По ряду экспертных оценок, такая тенденция проявилась на севере Афганистана при взятии Кундуза (хотя в других районах Афганистана между ИГ и «Талибаном» идет борьба).

В целом же рост угрозы возврата боевиков с Ближнего Востока и активизация угроз со стороны Афганистана совпали с усилением активности экстремистских структур, в частности ИГ, и в самой Центральной Азии. Так, в сообщениях киргизских и таджикских экспертов фигурируют 70 млн долл., выделенных ИГ на подрывную работу в этом регионе³.

По мнению большинства экспертов, угрозу распространения влияния ИГ в Центральной Азии и Афганистане следует рассмат-

¹ URL: <http://www.aljazeera.com/programmes/specialseries/2015/11/islamic-state-isil-taliban-afghanistan151101074041755.html>

² Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы // Коммерсант. 2015. 8 октября. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

³ В Таджикистане заявили, что ИГ выделило 70 млн долл. США на создание своих ячеек в Афганистане// Росбалт. 2015. 6 октября. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2015/10/06/1448092.html>; Александр Князев. ИГИЛ выделяет на Центральную Азию 70 млн долл. Какова доля Казахстана? URL: <http://www.youtube.com/watch?v=uxZSifWe8Do>. В последнем видеосюжете известный специалист по Центральной Азии и Афганистану А. Князев утверждает, что основная часть этих денег пришла из Катара, а для сравнения, по его оценке, весь бюджет иностранных вливаний в «революцию тюльпанов» в Киргизии мог составлять приблизительно 5 млн долл. США.

ривать как вполне реальную, особенно с учетом растущих внутренних проблем в этой части мира.

Что впереди? (Вместо заключения)

Итак, что же ждет «Исламское государство» в обозримой перспективе? Сможет ли оно утвердиться в качестве альтернативной модели государственности? На эту тему существует немало прогнозов, часто противоречащих друг другу. Во многих случаях их объединяет скептицизм относительно возможности появления на карте мира еще одного государственного образования, прототипом которого стало бы «Исламское государство». Его легитимность, суверенитет, территориальная целостность и многие другие атрибуты государственности – в современном понимании – представляются недостижимыми. В то же время даже при благоприятном для противостоящих ИГ сил стечении обстоятельств существует вероятность сохранения живучести данной модели террористической деятельности, претендующей на постепенное формирование государственности нового (с сильной примесью старого средневекового) типа.

При этом создается впечатление, что государственное строительство не является главной целью руководителей ИГ. В отличие от лидеров многих других ответвлений исламизма ИГ не выстраивает стратегию своей поэтапной легитимизации и превращения в субъект международного права. Надежды некоторых экспертов на то, что «халифат» окружит себя какими-то границами, превратится в некую переходную к полноценному государству форму и с ним можно будет договариваться, тщетны и даже наивны.

К концу 2015 г. вследствие значительной активизации многостороннего противодействия «Исламскому государству», в котором «на земле» участвуют сирийская и иракская армии, курдские отряды самообороны, опирающиеся на поддержку с воздуха ВКС России и возглавляемой США антитеррористической коалиции, территория, контролируемая «Исламским государством», сократилась в Ираке на 40% и на 20% – в Сирии¹. В результате ИГ вынуждено было перейти от наступательной тактики к оборонительной. Эксперт по вопросам безопасности Ирака Хишам Аль-Хашми считает, что ИГ утратило возможность перевозить большими каравана-

¹ URL: <https://news.mail.ru/politics/24459757/?frommail=1>

нами технику, оружие и прочие материалы из-за массированных бомбежек с воздуха, уничтожения складов, разрушения главных и альтернативных путей снабжения, которыми организация ранее пользовалась. Кроме того, в последнее время ИГ лишилось большого числа смертников, которых оно бросало на проведение своих операций¹. С иракским исследователем соглашается Карим Бейтар из Института международных и стратегических отношений в Париже. По его оценке, ныне ИГ тратит больше усилий на удержание имеющихся территорий, нежели на ведение наступательных действий. Вместе с тем оба исследователя сходятся в том, что верхушка «халифата» все еще способна привлекать и мобилизовывать большое число иностранных джихадистов, наносить удары повсюду и поддерживать управляемость своего образования.

Конечная цель ИГ туманна, но это не уменьшает его одержимость в стремлении к экспансии. Девиз джихадистов – бакья ва тамаддада (дословно – «остаться и расширяться»).

Их можно сравнить с акулами, для которых постоянное движение, перемещение жизненно важны в обеспечении организма кислородом. Поэтому вытеснение организации с одних территорий будет смещать ее активность в другие части мира, где есть достаточное число приверженцев идеи «халифата». Так уже происходит. Появились сообщения, что лидер ИГ аль-Багдади ныне скрывается на территории Ливии. Стремление к внетерриториальности демонстрирует слабость ИГ как претендента на альтернативную государственность и одновременно его силу как террористической организации.

Питательную среду для выживания «Исламского государства» создает сохранение на Ближнем Востоке клубка противоречий и множества политических, этноконфессиональных, социально-экономических проблем, которые способствовали расцвету исламизма в начале XXI в. На фоне исламизации региона происходит углубление расколов по конфессиональной, расовой, этнической, племенной и иным линиям как на национальном, так и на субрегиональном и региональном уровнях.

Наращение протестных настроений и радикализация политических движений тесно связаны со своего рода формационным отставанием данной группы стран от большого числа развитых и развивающихся государств, которые смогли в последние десятилетия весьма эффективно использовать возможности нового этапа

¹ URL: <http://www.middle-east-online.com/?id=213928>

научно-технологического развития и глобализации и в конечном итоге существенно повысить уровень жизни граждан или подданных. Элиты большинства арабских стран, опасаясь утратить в ходе политических и экономических реформ свои позиции, упустили многие из этих возможностей. Здесь на протяжении десятилетий «происходили сложные социально-экономические процессы, которые развивались где-то в глубине, а на “поверхности моря” в это время царил относительный штиль...»¹.

В регионе набирает силу своеобразный «Веймарский синдром» – ощущение проигрыша цивилизациям, которые успешно приспосабливаются к конкуренции в новом глобальном мире, ощущение несправедливости внешнего мира, особенно Запада. Исламизация рассматривается многими в Ближневосточном регионе как своего рода новая модель, третий путь, исламский вариант демократизации и возрождения. Используя слабость государственной власти и остроту межэтнических, межплеменных конфликтов, ее носители надеются умножить число своих сторонников и усилить влияние. Но сил недостаточно, поэтому они и стремятся разрушить систему государственного управления и в условиях хаоса и вакуума власти встать у руля управления некоего нового, как они считают, гибридного образования.

Борьба с радикальным исламом в целом и с ИГ в частности приведет к желаемым результатам, если, во-первых, контролируемые ими территории будут постоянно сужаться; во-вторых, произойдет консолидация противостоящих им сил, в том числе в лагере так называемых умеренных исламистов; в-третьих, будет осуществлен ощутимый сдвиг в улучшении условий жизни в тех странах, где радикалы мобилизуют основную часть своих людских и иных ресурсов.

Важнейшим направлением противодействия радикальному исламу становится идеология. Это акцентировал в своем интервью телеканалу «Звезда» (30 декабря 2015 г.) министр иностранных дел России С.В. Лавров. «Надо всерьез заняться образованием, чтобы дети в бедных странах не бегали по улицам, где их подбирают вербовщики ИГИЛ, “Джабхат ан-Нусры” и прочих террористических организаций. Необходимо обратить внимание на то, какой ислам проповедуется в мечетях. В исламе, в отличие от христианства (православия и католицизма), нет папы или

¹ Орлов А.А. Первые революции XXI века... // Международная жизнь. – 2011. – № 5. – С. 46.

патриарха, там нет вертикали, где задается тон, главные постулаты и та мера, которой необходимо следовать. Очень часто в одной стране в разных мечетях читают совершенно разные проповеди. Есть немало примеров, когда вперед вырываются экстремистские имамы. Есть такой современный исламский богослов из Египта Ю. Кардави, который регулярно через канал “Аль-Джазира” адресует мусульманам своей страны, всего региона и всего мира свои абсолютно отвратительные экстремистские призывы. Поэтому этот клубок нужно распутывать очень тщательно и не пытаться делать ставку на то, что мы кого-то разбомбим, найдем очередного У. бен Ладена и всё будет хорошо»¹.

Среди перспективных невоенных методов борьбы с ИГ – установление эффективного контроля над нелегальными поставками нефти через Турцию и Курдистан, изоляция джихадистов от международной финансовой системы, прежде всего путем блокирования работы банков, расположенных на территориях, захваченных террористами в Ираке и Сирии.

Непреодоляющее значение для успешного противодействия «Исламскому государству», другим экстремистским, террористическим организациям, равно как в целом радикальному исламу, имеет консолидация противостоящих им сил. Как отметил С.В. Лавров в Риме на конференции «Средиземноморские диалоги» (11 декабря 2015 г.), «следует осознать, что мы столкнулись с опасным и беспощадным врагом, победить которого можно только с помощью коллективных скоординированных усилий при участии всех заинтересованных игроков – как на Ближнем Востоке, так и за его пределами»². Важнейшим шагом на этом пути стало единогласное принятие Советом Безопасности ООН 17 декабря 2015 г. совместно подготовленной Россией и США резолюции 2253 по борьбе с ИГИЛ³ и другими террористическими организациями и укреплению мер по пресечению финансирования террористов. Соавторами российско-американского проекта стали 68 государств – членов ООН.

¹ URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2004143

² URL: http://www.mid.ru/posledniye_dobavlneniye/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/1978116

³ В резолюции 2253 (2015) Совета Безопасности ООН «Исламское государство» обозначено аббревиатурой ИГИЛ (ДАИШ).

В документе предусмотрен комплекс мер по укреплению режима выявления и пресечения каналов незаконной подпитки ИГИЛ и связанных с ним группировок, совершенствованию работы соответствующих мониторинговых и санкционных механизмов ООН. Резолюция, принятая по главе VII Устава ООН, во многом продолжает инициированную Россией работу в Совете Безопасности ООН по пресечению нелегальной торговли, прежде всего нефтью, с ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусрой» и другими террористическими группировками, акцентирует задачи выполнения профильной резолюции 2199. В новом документе содержится призыв к полной координации государствами своих действий по расследованию преступлений, связанных с финансированием ИГИЛ, «Аль-Каиды» и ассоциированных с ними организаций.

В резолюции подчеркивается самостоятельность ИГИЛ по отношению к «Аль-Каиде», ее деятельность рассматривается в качестве наиболее острой террористической угрозы. В связи с этим принято решение переименовать и скорректировать полномочия профильного санкционного комитета Совета Безопасности, который отныне будет называться Комитетом СБ по санкциям в отношении ИГИЛ и «Аль-Каиды»¹.

* * *

Ближний Восток в целом не принимает однополярный мир. Навязывание тех или иных вариантов демократизации зачастую ведет к разрушительным последствиям. Стала еще более очевидна нежизнеспособность американской схемы нового мирового порядка, в том числе на Ближнем Востоке. Если абстрагироваться от деталей, она состоит из трех звеньев: сначала обеспечить смену режима, по тем или иным причинам не устраивающего Запад; затем «построить новую нацию» на данной территории – «нацию», лояльную США и их союзникам на Западе и на Востоке; на заключительном этапе начать здесь экономические и социальные преобразования. Для любого, кто хотя бы в общих чертах знаком с историей и современностью Ближневосточного региона, очевидна контрпродуктивность, иллюзорность такого подхода. Обострение внутривосточных и международных конфликтов на Ближнем Востоке это подтверждает.

¹ URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23KlB76LY2/content/id/19902

Военные операции против ИГ решат лишь часть проблем. «Освобождение захваченных джихадистами районов Сирии и восстановление там законной власти – это только начало пути к миру и стабильности в регионе. Чтобы покончить с ИГ, необходимо прилагать систематические усилия к воссозданию центральной власти в Ираке, Ливии, а также предпринимать шаги к ликвидации ответвлений ИГ в Северной Африке и, что особенно важно, создать заслон против проникновения террористов из Афганистана в Центральную Азию и дальше на север. Борьба с ИГ должна предусматривать сочетание политических, военных, экономических и социальных мер. Ее необходимо координировать в международном плане»¹. Достижению этих целей препятствует противоречивость интересов региональных сил, способных (но не всегда стремящихся) внести вклад в вытеснение ИГ – будь то многочисленные («оппозиционные») формирования на местах или влиятельные внешние игроки – аравийские нефтяные монархии, Иран, Турция, не говоря уже о странах НАТО и России. Здесь следует подчеркнуть, что наша страна последовательно выступает за объединение усилий заинтересованных государств для радикального уменьшения конфликтного потенциала Ближнего Востока, ликвидации террористической угрозы.

После восстановления системы политической стабильности в Ближневосточном регионе для России могут возникнуть новые возможности расширения многостороннего сотрудничества с арабскими государствами. Представляются необходимыми и вполне реальными подготовка и осуществление в этом регионе при содействии мирового сообщества, включая Россию, экономических, образовательных, социальных и иных проектов как эффективного противовеса планам военно-силового навязывания демократии. Это поддержит стабильность правящих режимов и создаст условия для постепенной модернизации сложившихся на протяжении длительного времени систем управления с учетом местных ресурсов, традиций, племенных, клановых и этноконфессиональных отношений. Несовершенство хозяйственных моделей, медлительность в их реформировании создают заколдованный круг: экономическое отставание обостряет социальные, этнические, конфессиональные конфликты, которые, в свою очередь, ведут к дальнейшей деградации национальных экономик.

¹ Торкунов А.В. За что мы воюем в Сирии? // Историк. – 2015. – № 11. – С. 96.

Этот порочный круг должен быть разорван коллективными усилиями, опирающимися на согласованные решения, принятые прежде всего в рамках ООН.

*«Аналитические доклады
(Институт международных исследований)
МГИМО (У) МИД»,
М., 2016 г., вып. 1 (45), с. 5–44.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Т. Мустафина,

магистр философии, ст. преподаватель КГМУ
(г. Караганда, Казахстан)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Осмысление глобальных проблем предполагает понимание взаимосвязи глобальности и уникальности происходящих ныне изменений. Мир в глобальном пространстве предполагает расширение и увеличение интенсивности культурных, экономических, политических, финансовых связей. В условиях глобализации стираются барьеры и границы. Явления и процессы, взаимоотношения между индивидом и природой, личностью и обществом в условиях глобального мира предполагают всеобщую обусловленность.

Из этого следует понимать, что сиюминутное преодоление или решение какой-либо одной проблемы в рамках одного конкретного общества, государства, континента не является полноценным, не может вести к беспроблемному существованию человечества, поскольку успешное решение любой глобальной проблемы способствует общему прогрессу человечества, в то же время служит питательной почвой для возникновения новых, более сложных проблем, требующих своего решения, что является закономерным процессом развития человечества.

Религиозный фактор, в некоторых случаях оформленный в экстремистски настроенные течения, в условиях современности по праву может считаться одной из глобальных проблем.

Во второй половине XX столетия религиозная традиция в мире нарушилась. Стали возникать сотни, а то и тысячи нетрадиционных культов. Их иногда называют неорелигиями, некультами, религиями нового века.

Большинство неорелигиозных течений являются результатом кризисных явлений в общественном сознании людей, экономических трудностей, региональных и глобальных проблем. В последние годы во многих странах, кроме традиционных религий, распространяются новые религиозные течения, которые не присущи духовной и культурной матрице этноса, на ментальном уровне не укоренены, но распространяются вследствие активной миссионерской деятельности, зачастую навязчивой и агрессивной [1].

До конца XX в. на основе ислама почти не отмечалось зарождения и активного распространения новых течений. Нужно отметить, что ислам и вправду демонстрировал значительную устойчивость, что, возможно, связано с крайним монотеизмом и достаточно несложной религиозной практикой. Однако события 11 сентября 2001 г. указали всему миру, что не стоит недооценивать современный исламский фактор.

В последнее время нередко религиозный экстремизм ассоциируется именно и только с исламским радикализмом. Что из себя представляет сам экстремизм? Каково его проявление в условиях глобализации?

Экстремизм – это приверженность крайним взглядам и мерам. Религиозный экстремизм отрицает традиционные для общества ценности и устои, агрессивно пропагандирует неприятие чуждых ему самому убеждений. На протяжении истории человечества практически во всех конфессиях можно обнаружить религиозные представления, которые призывают к отрицанию традиционно сложившихся норм, стремление навязать всему обществу свои устои и уклады.

Целью религиозного экстремизма является признание одной-единственной религии ведущей, и на пути этого – подавление иных религиозных взглядов и принудительное требование принятия своей догмы. В отдельных случаях экстремистские группы ставят перед собой задачу создания отдельного государства, которое будет существовать и руководствоваться лишь только религиозными идеями данной конфессии. Религиозный экстремизм нередко основывается на идее фундаментализма, т.е. пытается воссоздать основы своей религии в первоначальной чистоте, «очистив» от пришлых идей и нововведений [1].

Почему вдруг исламский фактор сегодня является глобальной проблемой? Потому, что в условиях глобализации радикальные настроения отдельных исламистских групп не имеют

государственных, континентальных, этнических, расовых границ. Агрессивное навязывание своей модели устройства государства сопровождается военными столкновениями. В горячие точки, где путем насилия и беспредела идет попытка установления государства по канонам шариата, выезжают сегодня группы граждан из разных стран, в том числе с постсоветского пространства.

Причиной столь активного распространения данного явления служит непосредственно интернет-пространство. Путем интернет-вербовки в сознание людей вливаются идеи о неприятии современного уклада жизни, светскости государства, либеральных ценностей, после чего, казалось бы, современные, образованные люди, слепо следуя экстремистской идеологии, идут воевать за достижение политических целей отдельных идеологов или групп, тщательно замаскированных религиозной окраской. В данном случае речь идет о радикальных исламистских течениях.

В действительности же традиционное исламское понимание мира отличается от современного западного. В то время как мир обычно понимается как отсутствие войны или напряженности, в исламе мир есть гармония. Мир в исламе начинается с Бога. Бог есть мир, поскольку «Мир» одно из «99-ти прекрасных имен Аллаха». Мир во всем мире исходит из источника мира и отражает высшие реальности.

В исламе четко отдается предпочтение ненасилию перед насилием и прощению перед возмездием. Принцип единства отражен в кораническом стремлении регулировать обычные человеческие попытки отвечать мстостью на конфликт и насилие. Прощение постоянно представляется в качестве наилучшего выбора человека при необходимости отреагировать на откровенную несправедливость. Ислам существует не для того, чтобы навязывать миру идеальные образцы, а для того, чтобы установить единобожие и способствовать гармонии и справедливости правильных отношений [2, с. 356].

Человечество по праву сегодня может называться повзрослевшим. В недалеком прошлом миру, разделенному на капиталистический и социалистический лагеря, грозило исчезновение, ощущалась всеобщая опасность. Вопрос «холодной войны» был решен, мир стал единым, глобальным, демократически направленным. Но нарушить этот мир сегодня могут радикальные исламистские течения с идеей создания единого исламского государства. Ими также пропагандируются идеи создания «точечного халифата» в отдельных регионах постсоветского пространства.

Ни одно государство, пусть на его территории не проходят в настоящее время военные конфликты на религиозной почве, не может проигнорировать такое явление, как религиозный экстремизм. Преодоление данного феномена должно иметь последовательный, глубинный характер. История показывает, что навязывание одной модели не приводит к положительным результатам.

Единство человечества в условиях глобализации не предполагает унификации, скорее, единство включает в себя мириады культурных и общественных различий. Человек сегодня не может быть ограниченным лишь своей культурой, географическим расположением и прочими субъективными измерениями. Из этого следует, что и преодоление и решение такой проблемы, как современный религиозный радикализм, должно происходить на глобальном уровне.

Литература

1. Новая философская энциклопедия // [Электронный ресурс]. Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. – М.: «Мысль», 2010.
2. Энциклопедия «Глобалистика». Гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М.: Изд. «Радуга», 2003.

*«Вестник Российского философского общества»,
М., 2014 г., № 4 (72), с. 93–95.*

Х. Сагдиев,

докторант, кафедра исламоведения
(Ташкентский исламский университет)

ИСТОРИЯ НАИМЕНОВАНИЯ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (`ИЛМ АЛЬ-`АКИДА') «КАЛАМОМ»

Заглянув в историю развития наук в исламе, можно стать свидетелем того, что во времена Пророка Мухаммада и его сподвижников получение знания было сосредоточено на заучивании Корана и Сунны, а также их толковании. Со временем географическая территория ислама расширилась, и вследствие этого увеличи-

¹ `Акида (мн. ч. `ака`ид) – убеждение, воззрение, «символ веры», кредо. Особый род мусульманской богословской литературы, появившийся в VIII в., в период активного сложения догматико-правовой системы ислама. См.: [35, с. 17].

лось количество спорных вопросов в области религиозных наук, так как язык арабов смешался с другими языками и ученые, при обсуждении уже накопленных знаний, начали различать их, именую разными терминами. Таким образом, началась дифференциация религиозных наук. Критерием наименования улемами этих наук являлся сам предмет, который был основным при изучении той или иной сферы.

Появление и развитие теологической науки, т.е. «`илм аль-`акида», в исламе имеет особое место, так как она служила выразителем мировоззрения догматов и религиозно-философских течений, а также упорядочивала их духовную жизнь и религиозные чувства.

Если рассмотреть сам термин «`акида» с точки зрения арабского языка, он происходит от глагола «`акада», что значит: завязывать, повязывать, связывать что-либо – и изначально употреблялся в отношении предметов. Например, завязывать веревку. Позже смысл этого глагола расширился и стал употребляться в духовно-моральных действиях как в закреплении торговых отношений (торговый союз), так и брачных уз (брачный союз) [2, с. 3030–3033; 25, с. 160; 40, с. 300]. В энциклопедии «ал-Му`джам аль-васит» термин «`акида» комментируется как твердая решительная вера, в которой не осталось никакого сомнения, и множественным числом данного слова является «`акаид» [38, с. 614]. В терминологии религиозных ученых он обозначает категорически установленное решение. То есть под употреблением этого глагола в словосочетании «я уверовал в это», понимается: «я это твердо решил в своем сердце». И если эти убеждения соответствуют действительности, то они считаются верными. Ну а если не соответствуют, то они тщетны. Языковая и терминологическая связь слова «`акида» очевидна. Ибо верование твердому решению, которое закреплено в сердце, подобно нераспутываемому узелку [42, с. 9–10]. Хотя термин «`акида» в Коране не встречается, но преобразованные слова со схожими значениями употребляются. «...И не решайтесь на брачный союз (узы брака), пока писание не дойдет до своего предела...» [37, с. 31] (сура «Корова», 236-й аят).

«`Илм аль-`акида» формировалась в результате стремления подвести доктрины Корана и Сунны под рациональное осмысление, а также снизить накал страстей в полемике между историческими группами и течениями, появившимися в исламе. В результате толкования догматических вопросов исламская община

разделилась на две группы: традиционная «ахл ас-Сунна ва-л-джама`а»¹ и «мубтади`»².

Французский ученый Анри Массэ утверждает, что в двух стихах Корана перечисляются основные догматы ислама [21, с. 97]. Это 136-й аят суры «ан-Ниса» («Женщины»): «О те, которые уверовали! Веруйте в Аллаха, Его Посланника и Писание, которое Он ниспослал Своему Посланнику, и Писание, которое Он ниспослал прежде. А кто не уверовал в Аллаха, Его ангелов, Его Писания, Его посланников и Последний день, тот впал в глубокое

¹ «Ахл ас-Сунна ва-л-джама`а» (люди Сунны и согласия общины). Само название большей части мусульман, суннитов – одного из основных течений ислама (наряду с шиитами и хариджитами). Суннитскую систему догматов считают наиболее характерной для ислама вообще и идентифицируют с исламским «правоверием», хотя на самом деле не существует какого-либо признанного обязательного для всех «ахл ас-Сунна ва-л-джама`а» свода догматов. Первая часть названия происходит от термина «Сунна» – пример жизни Мухаммада как образец для жизни мусульманской общины. Он зафиксирован в хадисах – сообщениях о его поступках и высказываниях. *«Поистине, тот из вас, кто проживет долго, увидит множество разногласий, и поэтому вам следует придерживаться моей Сунны и сунны праведных халифов, ведомых прямым путем. Держитесь за это “коренными зубами” и избегайте новшеств, ибо каждое нововведение есть заблуждение!»* (Абу Дауд 4607). Вторая часть названия – «согласное мнение общины» – отражает вторую важную концепцию традиционного ислама – идею особой роли общины в решении основных религиозных и общественных проблем, возникающих перед мусульманами. После смерти Мухаммада прямой «контакт» общины мусульман с Аллахом прекратился, и ее жизнь должна основываться на строгом исполнении заветов Корана и Сунны, правильное толкование которых обеспечивается согласным мнением общины, представленной ее наиболее авторитетными учеными-богословами (иджма`). Этот часть тоже зафиксирован в хадисах. От Умара сообщается, что Посланник Мухаммад сказал: *«Будьте в аль-джама`а и остерегайтесь разобщенности! Поистине, шайтан с одним, а от двоих он отстраняется. И тот, кто желает середину Рая, пусть следует джама`а!»* (Абу ибн Асим 88). См.: [35, с. 29; 18, с. 1561; 4, с. 90].

² Мубтади` от слова бид`а (мн. ч. беда`, от бада`а – «вводит новое», «создавать впервые») – новшество, нововведение. Тот, кто вводит нововведение главенствующим и общепринятым религиозно-догматическим правилам. Языковое определение термина «бид`а» по энциклопедии «Му`джам аль-макаиc» излагается как: *«Я совершил некое «бид`а» будь то словами или делами, если я сделал что-либо, чего не было до этого»*. Указывая на шариатское определение термина «бид`а» ученые «ахл ас-Сунна ва-л-джама`а» говорят: *«Нововведение – это путь в религии, который был придуман и изобретен, подражая узаконенному пути, проложенный с целью наибольшего поклонения Аллаху»*. См.: [35, с. 41; 26, с. 209; 5, с. 51].

заблуждение» [43, с. 118]. А другой стих, т.е. 285-й аят суры «аль-Бакара» («Корова»), дает этот перечень в более кратком виде.

Если разобрать 136-й аят суры «ан-Ниса» Корана следует знать, что религиозные повеления бывают двух видов. Одни обращены к людям, которые не выполняют определенных предписаний или не обладают соответствующими качествами. В этом случае им велят выполнить это предписание. К этой группе относится повеление уверовать, обращенное к неверующим. Всевышний сказал: «О те, кому было дано Писание! Уверуйте в то, что Мы ниспослали в подтверждение того, что есть у вас» (4:47).

Другие повеления обращены к людям, которые выполняют определенные предписания и уже обладают соответствующими качествами. Эти повеления предназначены для того, чтобы они улучшили то, что уже приобрели, и достигли того, чего еще не приобрели. Примером этого является упомянутое в этом аяте повеление уверовать в Аллаха, обращенное к правоверным. Оно означает, что верующие должны совершенствовать веру, приумножая свою искренность и правдивость, избегая порочных поступков и раскаиваясь в грехах. Оно также означает, что каждый правоверный обязан приобретать новые религиозные знания и совершать праведные деяния, которых он не делал раньше, ибо если он услышал священный текст, понял его смысл и уверовал в него, то он обязан выполнять его. Это относится ко всем деяниям души и тела, поскольку каждое из них является составляющей веры, что подтверждается многочисленными текстами и единым мнением ранних мусульман. Это также означает, что верующий должен неустанно следовать этим путем и оставаться стойким, пока его не настигнет смерть. Всевышний сказал: «О те, которые уверовали! Бойтесь Аллаха должным образом и умирайте не иначе, как будучи мусульманами!» (3:102).

Аллах приказал уверовать в Него, Его посланников, Коран и предыдущие Священные писания. Вера в это обязательна, поскольку раб может стать верующим только в том случае, если объединит в себе все эти качества. Ему достаточно уверовать в это в целом, пока он не приобрел более подробные знания, но если он приобрел их, то он обязан верить в каждое из конкретных положений. Всякий, кто обладает такой верой, следует прямым путем и непременно добьется успеха. Но если человек отказывается уверовать в Аллаха, Его ангелов, Его писания, Его посланников и Судный день, то он впадает в глубокое заблуждение. А кто может

быть более заблудшим, чем тот, кто уклонился от прямого пути и встал на путь, ведущий к мучительному наказанию?!!

Нужно знать, что неверие в одну из перечисленных в этом аяте вещей подобно неверию во все перечисленное сразу, поскольку эти постулаты тесно связаны друг с другом, и нельзя признавать один из них, отвергая при этом другой [41, с. 611–612].

Голландский ученый Аренд Ян Венсинк говорит, что религиозная догма может быть в разнообразных формах. Это может быть одна фраза, а может быть целое учение, или же религиозный гимн, а также кратким словом, или божественной доктриной. Ибо «символ веры» возник из небольшой формулы и, в свою очередь, стал основой всему теологическому учению [44, с. 1].

Ученые считают, что постулируемые положения предваряются формулами «необходимо уверовать в...» (аль-иман би~), «мы убеждены, что...» (на`такиду) и подобными им. Текст одним из первых теологических трудов восходит к группе сирийских богословов (Умаййа бин Усман, Ахмад бин Халид бин Муслим, Мухаммад бин Абдаллах), выступивших в начале VIII в. от имени «людей Сунны и согласия» (ахл ас-Сунна ва-л-джамаа) с кратким изложением традиционалистской концепции веры. Именно в это время появились такие известные труды, как «аль-Фихх аль-акбар» («Великое знание») и «Китаб аль-васийа» («Книга завета»), приписываемые Абу Ханифе (699–767)¹, «аль-`Акида ат-Тахавия» («Убеждение ат-Тахави»), трактат ханафитского ученого Абу Джа`фара ат-Тахави (853–933) [35, с. 17].

¹ Абу Ханифа ан-Ну`ман ибн Сабит «аль-Имам аль-А`зам» (699–767) – богослов, факих, мухаддис, основатель и эпоним ханафитского мазхаба. Родился в Куфе в семье богатого торговца шелком (из иранских мавали). Абу Ханифа получил блестящее общее и богословское образование, в юности слышал последних асхабов (сподвижников Пророка Мухаммада), в 22 года стал учеником выдающегося иракского богослова Хаммада ибн Аби Сулаймана, в кружке которого провел 18 лет до смерти наставника, а затем 10 лет сам возглавлял этот кружок, считаясь самым авторитетным факихом Куфы и Басры. В 747–748 гг. Абу Ханифа выехал в Мекку, спасаясь от преследований Ибн Хубайры, наместника Ирака, принуждавшего его к государственной службе. После утверждения у власти Аббасидов Абу Ханифа вернулся в Ирак, где продолжал жизнь богатого торговца и ученого. Халиф ал-Мансур (754–775) предложил ему занять в новой столице, Багдаде, место кади (судьи) или любую другую высокую должность, но Абу Ханифа решительно отказался. Чтобы сломить его, халиф приказал заточить его в тюрьму и даже высечь, несмотря на возраст и положение. Вскоре после этого Абу Ханифа умер. См.: [35, с. 11].

Теологические произведения в разные периоды именовались по-разному. Улемы объясняют это тем, что, по мнению ученых суннитов, множественность терминов «`илм аль-`акида» поднимает его статус на высокий уровень [31, с. 80]. Об исторической цепочке наименования теологической науки с точки зрения «ахл ас-сунна ва-л-джама`а» можно привести нижеследующую информацию:

1. Несомненно, термин «аль-Фикх аль-акбар» стал началом теологических трудов, который можно отнести ко второму веку хиджры (середина 700-х годов). К произведениям с таким названием можно отнести трактаты Абу Ханифы (699–767) и Мухаммада ибн Идриса аш-Шафии (767–820); [7; 28].

2. Термин «иман» («вера») тоже начали употреблять, как и слово «аль-Фикх аль-акбар» во втором веке по хиджре. К трудам с данным названием можно причислить Абу Убайду Касима ал-Багдади (774–839) и Хафиза ибн Абу Шайбы Абасини (811–849). У обоих были произведения под названием «Китабу-л-иман» («Книга веры»); [1; 16].

3. Употребление термина «сунна» («обычай», «пример») взяло свое начало, когда слово «иман» все еще продолжало употребляться. Это было в третьем веке по хиджре. Труды Ахмада ибн Ханбала (780–855) «Усулу-с-Сунна» («Основы Сунны»), а также Абу Бакра ибн Асрама (ум. 875) и Абу Бакра ибн Абу Асима (821–900) «ас-Сунна» из этих чисел [3; 10; 27].

К четвертому веку хиджры появились еще четыре термина и начали широко распространяться.

4. «Усулу ад-дин» («корни, основы веры»). К трудам с этим названием можно отнести Абуль-Хасан аль-Ашъари (874–936) «аль-Ибана `ан усул ад-дияна» («Разъяснение основ вероисповедания») [13] и Абу Абдулла `Убайдулла ибн Мухаммад ибн Батта аль-`Укбари аль-Хнабали (916–997) «аль-Ибана `ан шарифати-л-фиркати-н-нажияти ва муджанабату-л-фираки-л-мазмума» («Разъяснение о правильном пути спасенной группы и избегание от порицаемых групп») [11].

5. Следующий в этом списке «Шариа`» («прямой, правильный путь»). Трактаты «Китаб аш-Шариа`» («Книга правильного пути») [9] Абу Бакра Ажури (ум. 971) и «аль-Ибана `ан шариа`тил-фиркати-н-нажияти ва муджанабату-л-фираки-л-мазмума» («Разъяснение о правильном пути спасенной группы и избегание от порицаемых групп») Абу Абдулла `Убайдулла ибн Мухаммад

ибн Батта аль-`Укбари ал-Ханбали (916–997) [11] можно отнести к «шариа`».

6. «`Акида» («убеждение, воззрение»). В трудах Абу Джаъфар ат-Тахави (853–933) «аль-`Акида ат-Тахавия» («Убеждение ат-Тахави») [24], Абу Усмана Сабунни (983–1057) «`Акида ас-салаф ва асхаб аль-хадис» («Убеждение предшественников и приверженцев предания») [22] и Абу-л-Касима Лалкаи (ум. 1027) «Шарх усули и`тикад ахл ас-Сунна» («Комментарий основы убеждения приверженцев Сунны») [19] использовано название «`Акида».

7. «`Илм ат-тавхид» («Наука о единобожье»). С данным названием были написаны такие произведения: «Китобу-т-тавхид ва исботу сифати-р-Рабб `азза ва жалла» («Книга о единобожье и подтверждение атрибутов Великого и Всомогущего господя») [34] Абу Бакра ибн Хузайма (838–923), «Китабу-т-тавхид» («Книга единобожья») Абу Аббаса Ахмада ибн Сурайджа Багдади (862–918) и Абу Мансур аль-Матуриди (870–944) [6; 31].

Ученые из группы «мубтади`» тоже давали своеобразные названия своим произведениям по догме.

Одним из таких имен является «калам». Американский историк общей и еврейской философии Гарри Острин Вольфсон (1887–1974) в своей книге «Философия калама» говорит: «Термин “калам” с языковой точки зрения обозначает “предложение” или “слово”. Термин “логос”, обозначающий такие значения, как “слово”, “причина” и “довод” в произведениях греческих философов, переведен на арабский язык – “калам”. В свою очередь термин “калам”, переведенный из греческих произведений на арабский язык, употребляется в качестве названия специальной науки, а его причастные во множественном числе “мутакаллимун” (ед. ч. “мутакаллим”) используются для предводителей и представителей этой науки» [45, с. 1]. По поводу именованя «`илм аль-`акида» «каламом» Саъдуддин Тафтазани (1322–1390) сказал следующие слова: «Он в большинстве случаев подкреплен твердыми доводами на основе предания (накл), а также является самой влиятельной наукой на души людей, которая взята из корней слов “ранить”, “ранение” и именуется “каламом”» [23, т. 1, с. 19].

«Калам» – термин, которым в средневековой мусульманской литературе в широком смысле обозначали всякое рассуждение на религиозно-философскую тему (включая рассуждения христианских и иудейских теологов), а в специальном значении – спекулятивную дисциплину (`илм аль-калам), дающую догматам

ислама толкование, основанное на разуме, а не наследовании религиозным авторитетам (таклид)» [35, с. 128].

«“Калам” возник и развивался первоначально в ходе дискуссий, развернувшихся в исламе, с появлением различных религиозно-политических группировок (хариджиты, кадариты, джабриты, мурджииты), а также диспутов с представителями немусульманских верований (маздеизм, христианство). В этих спорах выработывался присущий “каламу” метод рассуждения, основанный на символично-аллегорическом толковании (та`вил) Корана и исключаящий при аргументации тех или иных тезисов ссылки на какие-либо авторитеты» [там же].

Свойственные «каламу» метод и проблематику можно впервые встретить в творчестве Джа`да ибн Дирхама (казнен в 742–743 гг.). Джа`д родился в Хорасане, был вольноотпущенным рода Бану Марван, затем обосновался в Дамаске. Джа`д перенял свои взгляды у Аббана (Баяна) ибн Сама`на, который в свою очередь обучился этому у Талута (сына сестры Лабида ибн аль-Асама), а Талут у Лабида ибн аль-Асама, который был иудейским колдуном и наслал порчу на Пророка Мухаммада [32, с. 50–51; 33, с. 205; 35, с. 128].

Лабид ибн аль-Асам прочел Коран и высказал мнение о сотворении Горы («Пятикнижие от Моисея»). Талут же был первым, кто написал книгу о сотворении Божественных книг. После переезда в Дамаск Джа`д ибн Дирхам был первым среди общины Мухаммада, кто сказал о сотворенности Корана и осмелился опровергнуть атрибуты («хулла» – дружба, близость, любовь и «калам» – речь) Аллаха. Джа`д ибн Дирхам опасаясь омейядских правителей, был вынужден перебраться в Куфу (Ирак), где и встретился со своим будущим последователем Джахмом ибн Сафваном. Но и в Куфе Джа`д не смог найти убежища и был обезглавлен омейядским наместником Ирака Халидом ибн Абдуллахом аль-Касри в 724 г., в день праздника жертвоприношения (`ид аль-адха) [32, с. 50–51; 33, с. 205].

Джа`д ибн Дирхам в вопросах «калама» выдвинул требование опираться только на разум и подвергать противоречащие ему стихи Корана символично-аллегорическому толкованию. Его ученик Джахм ибн Сафван (казнен в 745 г.) продолжил развивать идеи своего учителя [35, с. 129].

Джахм ибн Сафван Абу Мухриз родился в 696 г. И хотя историки приводят разную информацию о месте его рождения, объединив их, можно сказать, что родился он в Самарканде, потом

жил в Термезе, а затем перебрался в Куфу, где встретил своего наставника Джа`да ибн Дирхама. Он был вольноотпущенным племени Бану Расиб. Был секретарем Хариса ибн Сурайджа и участвовал в восстании против омейядского наместника Хорасана Насира ибн Сайяра, но был пленен и казнен Салмом (Салим) ибн Ахвазам аль-Мазини в Мереве [14, т. 1, с. 338; 15, с. 211–212; 29, т. 1, с. 73; 32, т. 6, с. 50–51; 33, т. 10, с. 244–248; 35, с. 64; 36, т. 1, с. 67–112].

Джахм ибн Сафван говорил о способности разума независимо от откровения различать добро от зла и разработал пантеистически ориентированное учение, в которое входили идеи о сотворенности Корана и опровержение изначальных атрибутов Аллаха, кроме его абсолютной извечной сущности. Однако в противоположность «непредопределенным» взглядам Джа`да тут утверждался принцип фатализма. Немаловажную роль в формировании его догматического учения сыграла дискуссия с представителями группы «сумманиты»¹ (шумманиты) [35, с. 64, 129; 36, т. 1, с. 67–112].

Оба этих мыслителя (Джа`д ибн Дирхам и Джахм ибн Сафван) вместе с учеником Джахма Дираром ибн `Амром предвзяли своими воззрениями идеи первой крупной школы «калама» – му`тазилитов [35, с. 129; 36, т. 1, с. 91].

Гарри Острин Вольфсон в своем труде «Философия калама», основываясь на произведениях Ибн Халдуна и Шахристани, подтверждает, что вышеприведенная информация о том, что «илм аль-калам» зародилась до появления течения му`тазилитов [45, с. 2–5]. Продолжая свои мысли, Гарри Острин говорит: «К тому времени, когда “калам” становился известным под предводительством му`тазилитов, имел три исторических этапа» и перечислил в подробностях все эти этапы [45, с. 29–30].

Немецкий исламовед Йозеф Шахт (1902–1969) утверждает: «Известно, что с появлением течения му`тазилитов начали применяться методы “калама”. Даже когда их структура переняла философскую окраску, все еще именовалась “каламом”. В результате “калам” стал ассоциироваться с именем му`тазилитов». Известный

¹ Сумманиты – индусы, поклонявшиеся Будде, которые уверовали в реинкарнацию человеческой души в тело животных, через которых разговаривали, лечили и околдовывали людей. Эта группа была распространена до зороастризма в Хорасане, Персии, Ираке и Маверауннахре. В современное время лишь малая часть их сохранились как представители «шаманизма».

факих Имам Шафии (727/8–820), говоря об «ахл аль-калам» (люди «калама»), «имел в виду му`тазилитов. И когда он порицал эту науку, то имел в виду “калам” му`тазилитов» [46, с. 128].

Сами мутакаллимы по разным причинам называли теологическую науку «каламом». Ряд ученых, рассуждая на эту тему, высказывал следующие мнения: «Наставники му`тазилитов изучили сочинения философов, получившие распространение в период (правления) аль-Мамуна. И они смешали свой собственный подход с методами “калама”, выделили их как одну из отраслей знания и назвали их (также) “каламом” – то ли потому, что наиболее явная проблема, которую они обсуждали и из-за которой они дрались, – это проблема слова Божьего (аль-калам), вследствие чего этот вид (знания) получил то же название, то ли потому, что они подражали философам, которые называли одну из отраслей своего знания “мантик” (“речь”), а “мантик” и “калам” – синонимы» [39, т. 1, с. 42], или: «Именованим теологической науки “каламом” послужил тот фактор, что в отличие от других, в нем спорившие стороны при противоречиях и дискуссиях основывались на рациональном подходе. Помимо этого, изучая и приводя опровержения, оппоненты нуждались в “каламе”» [31, с. 91–92] и еще: «Для такого именованя (“калам”) мутакаллим тратил свою силу на слова, чтобы доказать и дискутировать о легитимности “калама”» [30, с. 55].

Представители же «ахл ас-Сунна ва-л-джама`а» причисляют «калам», как новоявленное (бида`) название в науке по теологии. Эпонимы основных школ (мазхаб) «ахл ас-Сунна ва-л-джама`а», Абу Ханифа, Малик ибн Анас, Мухаммад ибн Идрис аш-Шафии, Ахмад ибн Ханбал, всячески старались уберечь и предостерегать своих последователей от изучения «калама». Было бы целесообразным, не вдаваясь в длинную полемику, привести мнения вышесказанных имамов:

Абу Ханифа сказал: «Да проклянет Аллах Амр ибн Убейда, ибо он открыл людям дорогу к “каламу”, от которого нету никакой пользы» [20, т. 5, с. 220–221].

Малик ибн Анас, отвечая человеку, который спросил о Коране (сотворенности): «Ты небось, приспешник Амр ибн Убейда да? Да проклянет Аллах Амра, ибо он начал это новшество (бида`), которое из “калама”. Если “калам” был бы наукой, то о нем, как о шарияте или о приговорах упомянули бы сподвижники или последователи (табиины), но он – ложный путь, ведущий к заблуждению» [20, т. 5, с. 72–73].

Мухаммад ибн Идрис аш-Шафии, говоря о «каламе», утверждал: «Мое мнение о приспешниках “калама” таково: “Таких надо сечь корой дерева и кавушами (туфли), после чего, посадив их на ишаков задом наперед, отправить по своим племенам, предав позору, и огласить соплеменникам о том, что такое наказание дается тем, кто оставил Коран и Сунну”» [17, с. 121].

А Ахмад ибн Ханбал сказал: «Тот, кто занимается “каламом”, не найдет спасения и человек, у которого сомнение на душе, повязан “каламом”» [17, с. 112].

Представители «ахл ас-сунна ва-л-джама`а» приводят несколько причин, по которым было дано новое название теологической науки:

Последователь шафиитской школы аш-Шахристани сказал: «Мутакаллимы подражали философам, которые называли одну из отраслей своего знания мантик (“речь”), а мантик и “калам” – синонимы» [39, т. 1, с. 42].

Комментатор трактата «аль-`Акида ат-Тахавия», известный ханафитский ученый Абу-л-Изз аль-Ханафи (1331–1390) сказал: «Причиной того, что их называли “ахл аль-калам” (люди “калама”) стал тот факт, что они не получили ничего полезного из неизвестной науки и приумножили пустословие» [8, с. 176].

Видный маликитский ученый Ибн Абдулбарр (978–1071), говоря о науке «каламе», сказал: «Причиной наименования этой науки “каламом” стало то, что ни в его целях, ни в его выводах нет ничего полезного» и привел слова Малик ибн Анаса: «Наука “калам” – это ненависть в религии, и представители нашего города (Медина) не переставали ненавидеть его, а также удерживать от этого» [31, с. 94].

Можно сделать вывод о том, что на взгляд представителей «ахл ас-сунна ва-л-джама`а» краеугольными источниками теологических наук является не рациональное мышление людей, а божественная весть из Корана и Сунны, а также дошедшие от праведных предшественников предания (ас-салаф ас-салих). Впоследствии, следуя собственным страстям и комментируя теологические вопросы не на основе традиционных источников, а опираясь на свой собственный разум, нередко можно было быть свидетелем больших смут, кровавых распрей, разрозненности, покушений на невинные жизни, неправомерного овладения чужим имуществом и попираания нравственности в обществе. Ибо любые религии, в том числе и ислам, – это источник просвещения, несущий в умы людей знания, свет, гуманизм, справедливость и мир.

Литература

1. Абаси Хафиз ибн Абу Шайба. Китабу-л-иман. – Дамаск: Аль-Мактабу-л-исламия, 1983.
2. Абу-л-Касим ибн Манзур. Лисану-л-Араб. – Каир: Дару-л-Ма`рифат, 1981.
3. Абу Асим Абу Бакр ибн Ахмад. Ас-Сунна. – Эр-Рияд: Дару-с-сами` ли-нашр ва-т-тавзи`, 1998.
4. Абу Бакр Ахмад ибн Умар ибн Аби Асим. Ас-Сунна. – Эр-Рияд: Дару-с-Сумайи`, 1998.
5. Абу Исхак Ибрахим ибн Муса ибн Мухаммад аш-Шатиби. Аль-И`тисам. – Эль-Хубар: Дар ибн Аффан, 1992.
6. Абу Мансур аль-Матуриди. Китабу-т-тавхид. – Стамбул: Дару-л-Иршад, 2001.
7. Абу Ханифа Ну`ман ибн Сабит. Аль-фикх аль-акбар. – Хайдарабад: Даирату-л-ма`рифун-Низамия, 1924.
8. Абу-л-Изз ал-Ханафи Садруддин Али ибн Мухаммад. Шарху-т-Тахавия фи-л`акидати-с-салафия. – Эр-Рияд: Визарату-ш-шууни-л-исламия ва-л-алкаф ва-л-да`ва ва-л-иршад, 1998.
9. Аль-Ажури Абу Бакр Мухаммад ибн аль-Хусайн. Китабу-ш-шариа`. – Эр-Рияд: Дару-л-ватан, 1997.
10. Аль-Акубари Абу Абдулла ибн Батта. Аль-Ибана `ан шариа`ти-л-фиркати-на-нажияти ва муджанабату-л-фираки-л-мазмума. – Эр-Рияд: Дару-р-Раяти ли-нашр ва-т-тавзи`, 1994.
11. Аль-Акубари Абу Абдулла ибн Батта. Аш-Шарх ва-л-ибана `ала усули-с-сунна ва-д-дияна. – Оман-Иордания: ад-Дару-л-`асария, 2009.
12. Аль-Асрам Ахмад ибн Мухаммад ибн Ханин. Ас-Сунна. – Бейрут-Ливан: Дару-л-башаири-л-исламия, 2004.
13. Аль-Аш`ари Абу-л-Хасан `Али ибн Исма`ил. Аль-Ибана `ан усули-д-дияна. – Дамаск: Мактабату дари-л-баян, 1990.
14. Аль-Аш`ари Абу-л-Хасан `Али ибн Исма`ил. Макалату-л-исламин ва ихтилафу-л-мусаллин. – Бейрут: аль-Мактабату-л-`асрия, 1990.
15. Аль-Багдади Абдулкахир ибн Тахир ибн Мухаммад. Аль-Фарку байна-л-фирак. – Бейрут: Аль-Матабату-л-`асрияту, 1995.
16. Аль-Багдади Абу Убейд Касим. Китабу-л-иман ва ма`лимуху ва сунануху ва истикмалу дараджатиhi. – Эр-Рияд: Мактабу-л-ма`риф ли-нашр ва-т-тавзи`, 2000.
17. Аль-Газзали Абу Хамид бин Мухаммад. Ихяу `улуми-д-дин. – Бейрут: Дар ибн Хазм, 2005.
18. Аль-Кутубу-с-Ситта. – Эр-Рияд: Дару-с-Салам, 2008.
19. Аль-Лалкаи Абу-л-Касим Хибатулла. Шарх усули и`тикади ахли-с-сунна ва-л-жамаа. – Эр-Рияд: Дар Тайба, 1995.
20. Аль-Харави Абу Исмаил Абдуллах. Замму-л-калам ва ахлихи. – Медина: Мактабату-л-`улуми ва-л-хикма, 1998.
21. Анри Массэ. Ислам, очерки истории (перевод с французского). – Москва: Восточной литературы, 1963.
22. Ас-Сабуни Абу `Усман. `Акидату-с-салафи ва асхаби-л-хадис. – Эр-Рияд: Дару-л-асима, 1998.

23. Ат-Гафтазани Са`дуддин. Шарху-л-`акаиди-н-Насафия. – Каир: Мактабату-л-куллияти-л-Азхария, 1988.
24. Ат-Тахави Абу Джа`фар. Матну-л-`акидати-т-Тахавия, баяну `акидати ахли-с-сунна ва-л-жамаа. – Бейрут-Ливан: Дар ибн Хазм, 1995.
25. Ахмад бин Мухаммад ибн Али аль-Фаювми. Аль-Мисбаху-л-мухит. – Ливан: Мактаба Лубнан, 1987.
26. Ахмад ибн Фарис ибн Закария Абу аль-Хусаин. Му`джем макаиси-л-луга. – Дамаск: Дару-л-фикр, 1979.
27. Ахмад ибн Ханбал ибн Мухаммад. Усулу-с-Сунна. – Эр-Рияд: Дару-л-Масир, 1999.
28. Аш-Шафии Мухаммад ибн Идрис ибн Аббас. Аль-фикх аль-акбар // Рукопись. Библиотека аль-Азхара (отделы хусуса и `умума). – Каир. – № 664, 8269. – 31 листов.
29. Аш-Шахристиани Абу-л-Фатх Мухаммад ибн Абдулкарим. Аль-Милал ва-н-нихал. – Бейрут: Дару-л-`илмия, 1992.
30. Доктор Ахмад Абдурахим ас-Сайих. `Илму-л-`акидати байна-л-асалати ва-л-муасарати. – Каир: Дару-т-табаати-л-Мухаммадия, 1990.
31. Доктор Юсри Абу Абдуллах Мухаммад. `Илму-т-тавхид `инда ахли-с-суннати ва-л-жамаати ал-мабадиду ва-л-мукаддимат. – Каир: Силсилату-л-мадхали-л-муфиди ила `илми-т-тавхид, 2004.
32. Ибн Асакир Мухаммад ибн Мукаррам. Мухтасару тарихи Димашк ли ибн Асакир. – Дамаск: Дару-л-фикр, 1984.
33. Ибн Касир Абу-л-Фидаи Исмаил. Аль-Бидаяту ва-н-нихаяту. – Дамаск: Дар ибн Касир, 2010.
34. Ибн Хузайма Абу Бакр Мухаммад ибн Исхак. Китабу-т-тавхид ва исбату си-фати-р-Рабб `азза ва жалла. – Эр-Рияд: Дару-р-Рашд, 1988.
35. Ислам энциклопедический словарь. – Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
36. Йасир Казии. Макалату-л-Джахм ибн Сафван ва асаруха фи-л-фираки-л-исламия. – Эр-Рияд: Дару азваи-с-салаф, 2005.
37. Коран / [Пер. И.Ю. Крачковского; Предисл. В. Беляева, П. Грязнович]. – Москва: НПО «Вектор СП» 1991.
38. Маджамма`у-л-Лугати-л-`арабия. Аль-Му`джаму-л-васит. – Каир: Мактаба аш-Шуруки-д-давия, 2004.
39. Мухаммад ибн Абу-л-Карим аш-Шахристиани. Книга о религиях и сектах (Китаб аль-Милал ва-н-нихал, перевод с арабского, введение и комментарий С.М. Прозорова). – Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984. – Ч. 1. – С. 42.
40. Мухаммад ибн Якуб аль-Фирузабади. Аль-Камусу-л-мухит. – Дамаск: Муас-саса-р-Рисала, 1998.
41. Смысловый перевод Корана на русский язык с комментариями Абд ар-Рахмана ас-Саади: В 3 т. / Пер. с араб. Э. Кулиев. – 2-е изд., испр. – Москва: Умма, 2012.
42. Шарху асхаби-л-фазилати. Джами`у-д-дуруси-л-`акадияти фи шархи-л-`акидати-т-Тахавия ли Аби Джа`фар ат-Тахави. – Каир, Дар ибн Хазм, 2009.

43. Э. Кулиев (перевод с арабского) Смысловой перевод священного Корана на русский язык. – Медина, Саудовская Аравия: Комплекс имени Короля Фахда по изданию священного Корана, 2002.
44. Arent Jan Wensinck. The Muslim creed. – New York: Barnes & Noble, Inc. 1965.
45. Harry Austryn Wolfson. The philosophy of the kalam. – London: Harvard University press Cambridge, 1976.
46. Joseph Schacht. The Origins of Muhammadan Jurisprudence. – London: Oxford at the Clarendon press, 2011.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2016 – 5 (287)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 18/V-2016 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,75 Уч.-изд. л. 10,25
Тираж 250 экз. Заказ № 54

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

